КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 Г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ НРАВООПИСАТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. *(Продолженіе)*. **П. И. Житецкаго** . . . . . 157—175

II. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**. . . . . 176—192

III. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго (1796 — 1874). **В. Щербины**. . . . . 193—224

IV. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. *(Окончаніе)*. **Г. В. Есипова**. . 225—230

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО. . . . . 231—248

VI. РОДИНА КАЛНИШЕВСКАГО. **Ѳ. Н.** . . . . . 249—277

VII. PROF. M. KOWALEWSKY. MARIAGE AMONG THE EARLY SLAWS. (FOLK-LORE, QUARTERLY REWIEW OF MYTH. LOND., DEC. 1890). **В** . . . . 278—284

VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Миссіонеры, распространявшіе унію на Украинѣ въ 1776 году. Протоіерея **П. Орловскаго.** б) Нѣсколько данныхъ о мѣст. Ратно. **Б.** в) Коринѳскій митрополитъ Митрофанъ въ Кіевѣ (1728—33). **А. А.** г) Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церкви въ с. Бортничъ (1796 г.). **А. А.** д) Изъ архивныхъ мелочей. Сообщилъ **В. Н. Сторожевъ.** е) Письмо гетмана Мазепы къ ближнему окольничему Л. Р. Неплюеву (1689). **А. Голомбіевскаго**. . . . . 285—298

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Живая Старина. Вып. II—IV. **В. Я.** б) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888-й г. **В. Науменка.** в) В. Е. Бучневичъ. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. **Ѳ. Николайчика.** г) П. В. Шейнъ. Матерьялы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. **М. В.** д) Извѣстія таврической ученой комиссіи № 14. **И. Каманина.** Обозрѣніе журналовъ. . . . 299—322

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.

ОБЪЯВЛЕНІЕ . . . . . 1—2

Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія.[1]

Центромъ настоящаго нашего очерка мы избрали вертепную драму, въ которой нравоописательный элементъ выступаетъ въ сценическомъ представленіи, какъ главная сила, управляющая словами и поступками дѣйствующихъ лицъ.

Собственно говоря, сюжетъ вертепной драмы одинъ и тотъ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, поэтому не въ немъ заключается главный интересъ ея, а въ своеобразной обработкѣ его и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, подсказанныхъ самою жизнію. Съ этой стороны малорусскій вертепъ есть явленіе вполнѣ самостоятельное.

Не беремся судить о томъ, когда появился онъ въ южной Руси[2]). Можно полагать только, что тексту вертепной драмы предшествовали отдѣльныя пьесы, то въ видѣ обычныхъ народныхъ пѣсенъ, то въ видѣ виршей-колядокъ или виршей-орацій, то, наконецъ, въ видѣ всякаго рода діалоговъ, которые въ старинной малорусской школѣ были самою любимою формой виршеваго творчества. Иногда вирши на Рождество и на Воскресеніе Христово, предназначаемыя для произнесенія нѣсколькими лицами, имѣли діалогическую форму[3]). Иногда діалогомъ называлась бесѣда въ стихахъ богословскаго содержа-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 4.

[2]) Athenaeum Крашевскаго, 1843 г. Odział 3. Одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала видѣлъ въ с. Ставищахъ ящикъ съ надписью: „1591 года сооруженъ". Другой экземпляръ онъ видѣлъ съ надписью отъ 1633 года.

[3]) Таковы, напримѣръ, рождественскія вирши Памвы Берынды и Кирилла Транквилліона: первыя произносились семью отроками, вторыя—пятью.

нія [1]). Такое же названіе носитъ одна изъ древнѣйшихъ южнорусскихъ мистерій о страстяхъ Христовыхъ [2]). Есть, наконецъ, діалоги чисто бытоваго содержанія. Отъ позднѣйшаго времени, не ранѣе какъ отъ второй половины XVIII вѣка, мы имѣемъ попытку перевести вирши о пастухахъ въ діалогъ, который имѣетъ видъ вступительной сцены къ какой-то рождественской драмѣ. Мы разумѣемъ „Діалогъ пастырей", въ которомъ два пастуха, управившись съ хозяйствомъ, богословствуютъ наканунѣ Рождества въ простонародномъ тонѣ. Они вспоминаютъ о грѣхопаденіи прародителей, ожидая, что имѣющій родиться Спаситель міра „дѣдькамъ дастъ доброго часа" [3]). Къ тому же разряду діалоговъ относятся „Воскресенскіе стихы", изъ которыхъ нѣкоторые отрывки приводятся ниже. Съ діалогами этого рода, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ интермедій, безъ сомнѣнія, находилась въ тѣсной связи вертепная драма. Могла быть она составлена въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже раньше, но въ первоначальной редакціи она намъ неизвѣстна [4]). Думаемъ только, что съ перваго момента своего появленія она подвергалась позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ, причемъ въ основной текстъ драмы могли быть внесены пьесы болѣе древнія, чѣмъ самая драма. Однимъ словомъ, вертепная драма шла по тому же пути коллективной обработки, какъ и устныя произведенія народной поэзіи. Приблизительно можно отнести современный намъ текстъ ея къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія [5]).

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, „Банкетъ духовный", помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ Кіевской Старины за 1892 г.

[2]) Кіевская Старина, 1891 г., Апрѣль.

[3]) Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи, I. III, 8. 10.

[4]) Сохранилась она въ двухъ спискахъ: по одному изъ нихъ напечатана въ сборникѣ Н. И. Маркевича: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ", Кіевъ, 1860 г. Подробный пересказъ другаго списка, принадлежавшаго Г. П. Галагану, имъ самимъ составленный, помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1882 г., Октябрь.

[5]) Объ этомъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Г. П. Галагана: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, говоритъ онъ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ

Мы не будемъ останавливаться на первой части Вертепа, такъ какъ вся она есть ничто иное, какъ драматизированное воспроизведеніе того матеріала, съ которымъ познакомились мы въ рождественскихъ виршахъ. Ни одной новой нравоописательной черты не прибавляетъ она къ извѣстнымъ намъ лицамъ, дѣйствующимъ въ виршахъ.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ вторая часть вертепа, въ которой выступаетъ предъ нами цѣлый рядъ лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни и обрисованныхъ выпукло и ярко. Вообще говоря, вся эта вторая часть есть изображеніе радости по поводу рожденія Спасителя,—только въ виршахъ радуются вмѣстѣ съ людьми и праведники, тогда какъ на сценѣ Вертепа радуются простые смертные, люди разныхъ возрастовъ, сословій и народностей. Это и есть нить, соединяющая въ одно цѣлое всѣ эти веселыя группы, выступающія одна за другой на сцену.

Мы будемъ всматриваться въ эти группы подъ угломъ тѣхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, которыя производятъ главныя дѣйствующія лица, какъ представители мѣстной жизни. Лица эти — крестьянинъ, козакъ и запорожецъ. — Для дополненія вертепныхъ сценъ мы будемъ пользоваться соотвѣтствующими подробностями изъ діалоговъ и интермедій.

Съ крестьяниномъ вертепной драмы мы уже отчасти знакомы: это Климъ и жена его. Все хозяйство ихъ заключается въ свиньѣ и козѣ. У Клима нѣтъ денегъ, чтобы заплатить дьяку за обученіе его сына,—вотъ онъ и отдаетъ ему не безъ хитрости свинью, у которой „ребра такъ и свитяться“ [1]). Въ первой интермедіи Георгія Конисскаго мы видимъ на сценѣ мужика, повидимому хлѣбороба зажиточнаго. Онъ наслаждается созерцаніемъ уродившей нивы, сомнѣвясь, чтобы *мудрогели*

сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ“. Кіевская Старина, 1882 г., Октябрь.

[1]) Отрывки изъ вертепной драмы мы будемъ приводить по сокиринскому тексту Г. П. Галагана. Текстъ г. Маркевича намъ кажется позднѣйшимъ.

больше его понимали въ хлѣборобствѣ. Рисуетъ онъ житье-бытье свое, исчисляетъ повинности и нужды свои:

«Треба и на правенты, тулко б зъ того дбаты,
И себе б то самóго зъ детми годоваты» [1]).

Если бѣдный Климъ несетъ расходы на школу, то тѣмъ паче состоятельный хозяинъ:

«Треба», говоритъ онъ, «и роковщину, щіо школу зъучае,
Треба жъ и тимъ, що миркають щіо-небудь уткнуты».

Неизвѣстно, отчего обѣднѣлъ Климъ, по собственной-ли винѣ или отъ насилій панскихъ. Вообще онъ не поставленъ въ сферу соціальныхъ отношеній, оттого черты его недостаточно ясны и выразительны. Бросается въ глаза только его добродушный юморъ. Когда не стало у него и козы по собственной винѣ его, то онъ утѣшаетъ себя такъ: „понесу жъ ии (козу) до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мняса справлю жинци кожухъ".

Въ такомъ-же освѣщеніи выступаютъ предъ нами крестьяне и въ другихъ интермедіяхъ. Въ одной изъ нихъ мирно бесѣдуютъ между собою два почтенные отца семейства—Жовридъ и Онопрій. Оба они жалуются на продолжительность и тяжесть великаго поста. Въ ироническомъ тонѣ хвалятъ они своихъ женъ за то, что онѣ мастерски приготовляютъ квашу и соломаху. „Якъ наимось, говоритъ Жовридъ, соломахи въ смакъ съ березовымъ сокомъ, то хто черевомъ повзе, а иншій и бокомъ". Не нравится имъ и то, что отецъ духовный

«Загадуе по тижнямъ до церкви ходиты,
Та ще рано и вечиръ поклоны быты,
А що бъ люльки потягты, табаки понюхать, того
не дай Боже,
Та вже то винъ выдумае, чого и негоже».

---

[1]) Отрывки изъ интерлюдіи Г. Конисскаго приводимъ по списку съ рукописи церковно-археологич. музея при кіевской Академіи по описанію этихъ рукописей №№ 659 и 664. По той же рукописи интерлюдіи Конисскаго напечатаны въ „Древней и Новой Россіи", 1878 г., Ноябрь.

Единственное утѣшеніе остается имъ, что скоро „Великдень“. Только что подумали они „про те Риздво, що роблять паску“, какъ вдругъ прибѣгаетъ сынъ Онопрія Педь и извѣщаетъ отца, что видѣлъ онъ, какъ на закатѣ солнца въѣхалъ къ нимъ въ деревню давно ожидаемый „Великдень“. По наружному виду это былъ

«челядинъ gречный,
Волы въ іого не похужѣ; та и визъ валечный,
На іому чекминь, якъ снѣгъ, шапка выгилярка,
У черчатымъ поясѣ, хустка въ бока гарна,
Въ поливяныхъ чоботяхъ, штаны тузенковѣ,
Червоная застѣжка и чоботы нови,
Въ рукахъ іого червоная короговка мае,
Ковбасою винъ стихенька волы поганяе».

Обрадованные этою вѣстью, Жовридъ и Онопрій помышляютъ уже о томъ, чтобы приступить къ „розговинамъ“. Въ это время появляется Педоря, жена Онопрія, и проситъ ихъ, чтобы они помогли ей вынять изъ печи пасху. Говоритъ она, что

«Вже и кочергою, и заступомъ довбала,
Та ничого не вражу, дужа до череня пристала.
Охъ, тамъ же то була—вдалася,
Що якъ сажала въ пичь, то на сажинь тяглася».

Оказалось, что пасха никуда не годится „ни къ людямъ, ни къ Богу“. Такая же неудача постигла Педорю въ приготовленіи и другихъ пасхальныхъ яствъ—поросенка и яицъ. Наступило разочарованіе полное.

«А що бъ же ты», говоритъ Онопрій своей женѣ, «пидъ
царскій вѣнецъ не пидійшла, шевлюго проклята,
Се жъ ты наробила, що не знатымемо свята».

Отъ этой живой бытовой картинки вѣетъ наивною простотою нравовъ, которые и теперь еще не исчезли въ малорусской деревнѣ. Тѣ же святочныя сцены происходятъ въ нашей современной сельской обстановкѣ, тотъ же благодушный ропотъ мужей на торопливое „поранье“ женъ передъ святками,

тотъ же юморъ, тѣ же рѣчи, за исключеніемъ, можетъ быть, *пиворъзной* фантазіи, создавшей образъ „Великодня“, ѣдущаго на возѣ „рыжыми волами“, которые едва „тягнуть ногы за ногамы“ [1]).

Иногда въ интерлюдіяхъ сельскій обыватель является совсѣмъ недалекимъ и недогадливымъ человѣкомъ. Такъ, во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ разсказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ и призываетъ къ себѣ бабу, которая отгадываетъ сонъ въ благопріятномъ смыслѣ. Цыганка подслушала разговоръ о чудесномъ снѣ и разсказала сновидцу о томъ, что ему снилось, вытянувъ при этомъ у него изъ-за пазухи хустку: „о се жъ, братци“, восклицаетъ онъ: „цыганка якая из-лиха, на память до слова беретъ з торби, якъ з мѣха!“ [2]).

Какъ бы для того, чтобы рѣзче оттѣнить медленность и неповоротливость крестьянина, поставленъ рядомъ съ нимъ проворный, юркій цыганъ. Вѣчно голодный бродяга, онъ живетъ кузнечнымъ ремесломъ, а жена его ворожбою. Скудные заработки свои они восполняютъ обманомъ и воровствомъ.

«Чомъ, цыгане, не орешъ?»

спрашиваетъ цыганка своего мужа въ вертепной пѣснѣ.

«Бо не маю плуга», отвѣчаетъ онъ,
«Тильки въ мене плужка,
За поясомъ пужка».
—«Чомъ, цыганко, не прядешъ?»

спрашиваетъ онъ свою жену.

«Бо не вмию прясты», отвѣчаетъ она:
Изъ-за гаю выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасты».

---

[1]) Рукописный сборникъ, принадлежавшій въ 1817 году какому-то семинаристу, студенту риторики. Изъ лубенскаго архива Е. Н. Скаржинской. № хрон. кат. 2346.

[2]) Отрывки изъ интерлюдій М. Довгалевскаго приводимъ по рукописи 1736 года, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря подъ № 1710.

Впрочемъ, къ цыгану относится крестьянинъ безъ особаго озлобленія: онъ видитъ въ немъ дитя природы, повинующееся ея слѣпымъ инстинктамъ,—зло, столь же неизбѣжное въ жизни, какъ и разрушительныя стихіи природы. Этотъ взглядъ на цыгана лежитъ въ основаніи шутливаго, беззлобнаго настроенія, выражающагося въ народныхъ сказкахъ о цыганахъ; тотъ же взглядъ господствуетъ и въ драматическихъ сценахъ вертепа и интерлюдій, въ которыхъ появляются цыгане.

Не то положеніе занимаетъ въ нихъ еврей. Это уже хищникъ сознательный, поэтому въ изображеніи его замѣтна добрая доля сатирической желчи, которая обнаруживается въ томъ, между прочимъ, что въ сценахъ столкновенія цыгана съ евреемъ всегда дается предпочтеніе торжеству перваго надъ послѣднимъ, а не наоборотъ, причемъ посрамленіе еврея подчеркивается съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, въ пятой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго разсказывается о томъ, что у еврея украли кобылу. Горюетъ онъ, припоминая добрыя качества своей кобылы:

«Сцо така втѣсная та була кобила,
Вона, якъ цоловѣкъ, то такъ говорыла.
А взе якъ дома, то з оранды не вѣдбиты,
Медъ, горѣлку и пиво умѣетъ було пити».

Боится онъ показаться передъ женой и покупаетъ при посредствѣ Грека у какого-то Волоха кобылу, которая „такъ, якъ тая, хвостомъ кивае". Это была его собственная кобыла, которой онъ не узналъ. Является цыганъ, союзникъ Грека и Волоха, укравшихъ кобылу:

«Бачу, говоритъ онъ, що и жиди вже конѣ волочатъ,
Тилко бѣдныхъ циганъ злодѣйствомъ порочатъ».

Съ угрозою отбираетъ онъ у еврея свое добро. Такимъ образомъ еврей вдвойнѣ одураченъ: потерялъ онъ свою кобылу, да еще и деньги за нее заплатилъ.

Съ высоты величія смотритъ еврей на міръ Божій. Онъ глубоко убѣжденъ, что его племени принадлежитъ великое бу-

дущее. Міровоззрѣніе это выражено въ немногихъ словахъ вертепной драмы:

«Явреевъ, говоритъ онъ, самъ Богъ засцисцавъ,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сце друге цудо винъ луцсе взробифъ,
Якъ у Цорному морю все вийско затопифъ.
Мойсей, Аронъ, Давидъ—вони жъ пакъ наси святии,
Озидали-зъ Месиаса и тии,
Винъ пакъ якъ прыйде,
Кругомъ насъ обийде
И сказе такъ:
«Цесни явреи! Я царь васъ,
Теперъ и свитъ весь насъ!»

Чтобы осуществить эту мечту, еврей по неодолимому влеченію природы весь погруженъ въ мелочи жизни, которыя ведутъ къ наживѣ. Во второй воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго дьяволъ даетъ ему, какъ своему подданному, заповѣдь такого рода:

«Яждь вся, яже суть въ мирѣ, яже держитъ море,
А хлѣба не яждь, за что будетъ тебѣ горе».

Еврей размышляетъ, что дьяволъ хочетъ обмануть его, „що бъ з свѣта зогнати“.

«А я таки не хоцу, сцобъ іому слузити,
А я таки все буду тутъ орандовати,
Горѣлку, медъ и пиво буду продавати,
Або по ярмаркахъ произдзатись буду
З одного да на другій с тимъ, цого не збуду».

Онъ рѣшаетъ пожертвовать одной только свининой. Въ это время является цыганъ:

«А ти, старе заткало, сцо тутъ поробляешъ»,

спрашиваетъ онъ,

«Чи витришки продаешъ, чи кѣнми мѣняешъ?»
—«Я бо не того роду, отвѣчаетъ еврей, сцобъ
кѣнми мѣняти,

Мнѣ дай тилко напиткомъ всякимъ синковати».
— «А сала албо ковбасъ продавать не случалось?
Коли бъ вони теперъ, то бъ то смаковалось».
— «Не кази скоромного, я й слухать не хочу»...
— «А ти теперъ не иси скоромного, жиде,
Дакъ се, якъ бачу, твѣй постъ николи не зійде?»
— «Насъ Равъ бо намъ приказавъ, отвѣчаетъ еврей,
не исти свинины,
А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора,
Тамъ вѣнъ теперъ исть въ небѣ вола соробора» (sic).

Цыганъ глумится надъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ:

«Коли жъ такъ, говоритъ онъ, вже й іого дѣдько
к собѣ справивъ,
Бо коли бъ вѣнъ въ небѣ бувъ, небо бъ заплюгавивъ»...

И вотъ у этого еврея нерѣдко приходилось крестьянину служить наймитомъ: положеніе, по народнымъ понятіямъ, тягостное и унизительное.

«Не дай мени, Боже, говорится въ одной народной пѣснѣ,
служащого хлиба:
Служащий хлибъ добрий, та тилько вымовний;
По кусочку крае, що дня вымовляе» [1]).

Однако же, и въ положеніи наймита этотъ самый простоватый и придавленный крестьянинъ держится съ сознаніемъ своего достоинства. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго еврей приказываетъ своему наймиту поганять воловъ, чтобы поспѣть на ярмарокъ:

«Сиди жъ бо, коли сѣдишъ», отвѣчаетъ ему наймитъ,
Якъ покину, то озметъ (тебе) дьяволова мати!»
— «Якъ покинесъ, говоритъ еврей, то не дамъ твоеи
заплати».
— «Я из горла видеру, спокойно замѣчаетъ наймитъ,
якъ року добуду».

[1]) Чубинс., V, 1020.

Сцена оканчивается миролюбиво: наймитъ пасетъ воловъ и варитъ подорожную кашу, а еврей разбиваетъ шатеръ и торгуетъ водкой.

Вообще крестьянинъ, появляющійся въ интерлюдіяхъ, есть лицо далеко не пассивное. Онъ умѣетъ постоять за себя тамъ, гдѣ это возможно. Такъ, въ третьей воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго мы видимъ крестьянина съ сыномъ на торгу. Отецъ оставилъ сына на возѣ и приказалъ ему смотрѣть, чтобы все было цѣло, а самъ отправился за покупками къ празднику. Подходятъ къ возу три ярыги и, запугавши мальчика, утаскиваютъ мѣшокъ съ пирогами. Возвращается отецъ и видитъ, что пироговъ нѣтъ. Ворчитъ онъ на „негѣдного сина“.

«Якъ би взявъ щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно памятало, якъ то догледати».

Хотѣлъ онъ было купить сыну къ святкамъ „шапчину“, а теперь, грозно заканчиваетъ онъ выговоръ свой, „ходи безъ шапки, неотецький сину“. Въ это время подвертывается ловкій ярыга и предлагаетъ купить шапку. „Щасливе якое“, замѣчаетъ отецъ, „нѣ гадавъ купить шличка, а тутъ якъ на тое чортъ приніосъ ис товаромъ“... Не сходится онъ въ цѣнѣ за шапку. Ярыга пристаетъ.

«Пѣди ти, говоритъ мужикъ, пепелюго, не видали шкапи»...
«Да что ти, безтолковой, запальчиво кричитъ ярыга, меня здесь ругаешъ,
Какъ пападу за хахолъ, дакъ ти меня взнаешъ!»
«Ось я жъ тебе наперед, спокойно замѣчаетъ мужикъ, хлудиною гречѣ,
Якъ писаночку, спишу помаленку плечѣ».
— «Какъ, Чупрунъ, мне тронешь», продолжаетъ горячиться ярыга, глаза растаскаю
И валоса з галови всіе повириваю!»
«На, колы хочъ, отвѣчаетъ мужикъ, з денгою алтинъ за шапчину,
А придатку до копи колякою в спину».

Но если въ столкновеніяхъ съ цыганомъ и евреемъ малорусскій крестьянинъ долженъ былъ обладать личною энергіею,

то въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ нужна была, сверхъ того, иная сила—нѣкоторымъ образомъ политическая,—нужно было, чтобы сельскій пахарь превратился въ козака. И вотъ предъ нами выступаетъ въ интерлюдіяхъ прошлаго вѣка другой типъ, взятый изъ народной жизни.

Въ пятой воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго ляхъ хочетъ продать мужиковъ своихъ безъ земли, какъ живой товаръ. Еврей совѣтуетъ ему заарендовать мужиковъ. Ляхъ идетъ на эту сдѣлку. Дѣло покончено съ евреемъ за 100 злотыхъ. Ляхъ получаетъ задатокъ съ тѣмъ, чтобы еврей отдалъ остальное, когда наступитъ война противъ хлоповъ за то, что они вмѣстѣ съ козаками посягаютъ на „шляхетски клейноды". Является козакъ.

«Що б то се за причина и якъ розважати»,

говоритъ онъ,

«Що ляхи-шилихвости людіи продавати почали?»

Одинъ изъ мужиковъ обращается къ нему съ просьбой о помощи:

«Будь ласковъ, козаче, визволь з сего лиха,
Якъ пріидешъ до мене, дамъ вовса полмѣха».
— «Не буйся, чоловѣче», отвѣчаетъ козакъ, «буде самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягаты,
То вже не одважится людей продавати».

Ляхъ, какъ провинившійся школьникъ, конфузливо извиняется и обѣщаетъ впредь не грѣшить.

«Годѣ калантирить», отвѣчаетъ ему козакъ, «зволь шію в ярмо класти,
Да поидем до мене з жидомъ овець пасти».

Теперь обратимся къ этому козаку въ минуту интимной бесѣды его съ самимъ собою, чтобы видѣть, какъ понимаетъ онъ козацкое дѣло свое. Третья рождественская интерлюдія Довгалевскаго начинается слѣдующимъ монологомъ козака:

«Бувъ у турка подъ руками,
А в татаровъ з кайданами,
Богъ виручивъ мя оттуду,
А тепер мѣсця не найду.
Лѣсы, поля спустошенни,
Лугы, сѣна покошени,
Пороспускавъ дѣты,
Пойду знову на Сѣчъ-мати,
Пойду долѣ внизъ шуваты:
А чеи буду потугою,
А в москаля заслугою?
Чи не буде хочъ на низу добра,
Чи не трапится де поймати лиса або бобра?
Буду турковъ воевати,
Мечемъ слави добувати,
Кармазини з луданамы,
Шати брати з сутанамы.
Эгей! Коли б внять, як була козацкая слава,
Що б роспустилась всюди, якъ пѣрами пава,
И що б зацвѣла знову, як рожа, у лѣтѣ,
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкіи дѣти,
Або ляховъ на той часъ трапится поймати
И сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесахъ дати».

Итакъ, козакъ живетъ добычей, ибо на родинѣ его все разорено. „Сѣчь-мати“ не потеряла для него притягательной силы. Мечтаетъ онъ о казацкой славѣ, которую поставляетъ въ истребленіи турокъ и ляховъ. И однако же, одной доброй воли и личной храбрости мало было для того, что бы одолѣть враговъ, поэтому козакъ охотно принимаетъ услуги отъ москаля и готовъ выслужиться передъ нимъ. Эта послѣдняя черта козака явствуетъ изъ дальнѣйшаго хода той-же интерлюдіи. Ляхъ на охотѣ, въ толпѣ своихъ сподвижниковъ. Крестьяне (литвины), подданные его, приносятъ ему подарки. Онъ отплачиваетъ имъ кіями, причемъ разсуждаетъ о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ ея. Онъ строитъ воздушные замки и, по обыкновенію, надѣется на многое. Онъ упоенъ идеей шляхетскаго

происхожденія своего, собственной силы и храбрости своей. Какъ вдругъ появляется козакъ и москаль

«Пріймайся, козакъ», говоритъ ему москаль,
«не бойся, бери зъ плечей двоихъ,
А я тотчасъ уберу долгополыхъ отъ тихъ,
А што здесь о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшенки Украину въ областяхъ держали,
Добро, вотъ покажемъ рубежи кнутомъ на спинѣ».
«И добре, земочку», отвѣчаетъ ему козакъ,
«що бъ другій памятавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ!»

Вообще появленіе москаля производитъ на сценѣ чудеса. Это какая-то всемогущая и бурная сила. Ляхъ предъ нею смиряется, мужикъ становится увѣреннымъ въ собственной силѣ. Москаль ведетъ себя развязно и смѣло.

«Я салдатъ прастой, не богословъ»,

говоритъ онъ о себѣ въ вертепной драмѣ,

«Не знаю красныхъ словъ,
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита,
Читать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю» [1]).

Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, нѣтъ-ли гдѣ раздоровъ. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго онъ вмѣшивается съ этимъ вопросомъ въ мирную бесѣду ксендзовъ, толкуетъ отвѣтъ одного изъ нихъ въ оскорбительномъ для себя смыслѣ и затѣмъ двухъ кзендзовъ запрягаетъ, а третьяго заставляетъ погонять запряженныхъ собратьевъ и ѣдетъ въ Полтаву. Всюду онъ поспѣваетъ, вездѣ является, какъ власть имущій. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужики отдаютъ ему на расправу бабу—чаровницу. Москаль допрашиваетъ бабу, какъ судья, и наказываетъ ее кнутомъ, добиваясь за это вознаграж-

[1]) Варіантъ Маркевича.—См. „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ", 1860 г., стр. 45.

денія. Не получивъ таковаго, онъ всѣхъ разгоняетъ—и мужиковъ, и бабу, и самаго войта, присутствовавшаго при этой сценѣ.

Тотъ же буйный нравъ и у запорожца, только, по свойству народнаго характера, фигура его массивнѣе, чѣмъ подвижная и бойкая фигура москаля. Въ извѣстныхъ намъ интерлюдіяхъ нѣтъ запорожца, зато въ вертепной драмѣ онъ выступаетъ, какъ главное дѣйствующее лице, воплощающее въ себѣ всепобѣждающую мощь народнаго духа, всегда искавшаго въ Запорожьѣ опорной точки для своей самодѣятельности.

Появляется запорожецъ въ вертепѣ тотчасъ послѣ хвастливыхъ рѣчей поляка. Онъ поетъ:

«Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Украини,
Що не мае жыда,
Що немае ляха,
Не буде измины!»

Пѣсня эта обращаетъ въ бѣгство поляка, а затѣмъ запорожецъ произноситъ длинный монологъ, на которомъ мы и остановимся.

Ославъ въ догонку поляку нѣсколько язвительныхъ фразъ, запорожецъ говоритъ зрителямъ необычныя слова:

«Хоть дывысь на мене, та ба—не вгадаешъ,
Вицкиль родомъ, и якъ зовуть—ни чичиркъ не знаешъ».

И въ самомъ дѣлѣ, не имя, а *призвище* его извѣстно людямъ,—и то тѣмъ только, кто бывалъ въ степяхъ. Впрочемъ, онъ и къ *призвищу* своему равнодушенъ. Ему все равно, какъ бы кто ни назвалъ его—лишь бы не крамаремъ. Къ ремеслу крамаря, которое находилось главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ, старинное козачество относилось съ особеннымъ отвращеніемъ. Настроеніе это согласовалось съ завѣщаніемъ козакамъ Богдана Хмельницкаго въ извѣстной драмѣ: „Милость Божія... Украину освободившая“:

«Сами не купчуйте,
Луки, стрѣлки, мушкеты и сабли пильнуйте!»[1])

Итакъ, герой нашъ—житель степей. Онъ появляется лишь изрѣдка въ населенныхъ мѣстахъ, потому что давно уже порвалъ связи съ своимъ прошлымъ.

Кто-же поставилъ его въ это положеніе? Самъ-ли онъ доброю волею своею осудилъ себя на эту жизнь безпріютнаго скитальца, или же она послана ему злою судьбою его?

«Якъ бувъ, говоритъ онъ, богатъ
То казалы: Иванъ братъ,
А теперъ, якъ ничого не маю,
То нихто й не знае».

Это—обычный мотивъ, который не рѣдко развивается и въ думахъ семейнаго содержанія, и въ виршахъ: „одцурався ридъ“...

Вотъ изъ этихъ-то людей, не находившихъ въ семейной обстановкѣ уютнаго и прочнаго положенія, и слагалась та вольная община, которая сама для себя была матерью. Сыномъ этой матери и былъ вертепный запорожецъ:

«Видкиль родомъ я на свити,
Всякъ изъ васъ може знать прымиты:
Жинокъ въ Сичи не мае,
Всякъ тее знае,
Дыкии кони намъ сусиды,
Да днипрове сремя—
Ото наше племя!»

Постарѣлъ онъ. Силы ему измѣнили. Объ этомъ говоритъ онъ въ духѣ нравоучительныхъ виршей:

«Тамъ-то бачу, що вже не добра литъ нашихъ годына,
Скоро цвите и вьяне, якъ у поли былына».

Весь героическій вѣкъ—позади его, а впереди—безпомощная старость, и ничего больше не остается ему, какъ покориться общей участи живущихъ и умереть, если можно, спокойно.

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I.

«Хоча жъ мени и не страшно, говоритъ онъ,
на степу вмираты,
Та тилько жаль, що никому буде поховаты».

И это понятно. Козацкія похороны, какъ видѣли мы изъ многихъ малорусскихъ думъ, это обычная мечта степныхъ рыцарей. Вотъ и нашъ запорожецъ рѣшается лучше идти на Русь, чтобы попы „одпомыналы" его душу. Но тутъ беретъ его раздумье: какъ умереть ему *на лавѣ*, въ мирной обстановкѣ жизни, а не на полѣ битвы? Припоминаетъ онъ молодые годы свои:

«Случалось мини и не разъ»,
говоритъ онъ словами думы,

«Въ степу варыть пыво:
Пывъ турчынъ, пывъ татарынъ, пывъ и ляхъ на дыво,
Багацько лежыть и теперъ зъ похмилля
Мертвыхъ головъ и кистокъ отъ того весилля...
Есть у мене, продолжаетъ онъ, мушкетъ—сиромаха,
Да ще не заржавила и шабля—моя сваха».

И кажется ему, что онъ могъ бы еще тряхнуть стариною:

«Гей, ну-те жъ ви, степы, восклицаетъ онъ, горить пожарамы,
Бо вже часъ кожухы минять на жупаны зъ ляхамы!»

Но это была вспышка горячаго воинскаго чувства,—искра, навѣянная воспоминаніемъ о степныхъ пожарахъ и скоро потухшая въ немощахъ безсильной старости.

«Пекъ имъ», говоритъ онъ, якъ наможуться, то мусышъ
уступыты...
Цуръ имъ! Бодай ихъ! Якъ навыклы ляхы насъ дурыты!»

Въ заключеніе этой длинной исповѣди запорожецъ называетъ себя по имени:

«Козакъ Иванъ Выногура,
У ёго добра натура,
Въ Польщи ляхивъ оббирае,
А въ корчми пропывае...
Въ степахъ бобры та лысыци,
А въ шынку дивкы та молодыци.

Козакъ – душа правдывая,
Сорочкы не мае,
Колы не пъе, такъ... бъе,
Такы не гуляе»...

Предъ нами тотъ же типъ, который яркими чертами обрисованъ въ думахъ о козакѣ-голотѣ, о козакѣ-нетягѣ и о Ганжѣ Андыберѣ. Все это были люди, которые съ недовѣріемъ относились къ обычнымъ формамъ культурной жизни подъ вліяніемъ того убѣжденія, что она построена была на сословно-исключительномъ началѣ крѣпостнаго права. Только тѣ формы общежитія они могли считать правильными, которыя вытекали изъ идеи всенароднаго козачества, считавшаго неотъемлемою принадлежностію каждаго человѣка личную свободу, личную собственность на своей землѣ и всеобщее равенство всѣхъ козаковъ, управляемыхъ выборными властями. Эта широта требованій, не согласовавшаяся съ политическою обстановкою страны и не приведенная въ надлежащую юридическую ясность, сообщала самымъ требованіямъ характеръ утопіи, а носителямъ этой утопіи давала видъ странныхъ мечтателей, создавшихъ своеобразныя представленія о волѣ, возможной по условіямъ того времени въ степяхъ, а не въ культурныхъ центрахъ. Безъ сомнѣнія, эта непримиримость идеала съ дѣйствительностію ничего добраго не обѣщала въ будущемъ самому идеалу, тѣмъ болѣе что защитники его не могли выработать въ степяхъ ни культурнаго метода борьбы за существованіе, ни такта, ни послѣдовательности. Нельзя отказать имъ въ энергіи и сильномъ темпераментѣ, который заставлялъ ихъ мѣнять насиженныя родныя мѣста на дорогую волю, соединенную со всякаго рода лишеніями и опасностями боевой жизни. Само собою разумѣется, что этого было мало... Тѣмъ не менѣе составители вертепа въ угоду народному чувству дали запорожцу черты всесокрушающаго героя. Онъ наноситъ удары направо и налѣво—прогоняетъ со сцены шинкарку и цыганку, убиваетъ жида, отбивается отъ самаго чорта, который долженъ былъ смириться предъ его булавой. Всѣмъ этимъ подвигамъ бушующей силы не достаетъ, конечно, индивидуальныхъ мотивовъ, но въ народномъ театрѣ особенную

цѣнность имѣютъ мотивы, такъ сказать, этнографическіе, вполнѣ вразумительные для каждаго при одномъ взглядѣ на тѣхъ лицъ, съ которыми имѣетъ дѣло запорожецъ. Тою же общедоступностію мотива отличается и встрѣча его съ уніатскимъ попомъ, который появляется на сцену въ ту минуту, когда въ душѣ запорожца проснулась мысль о покаяніи:

«Де бъ то»,

говоритъ онъ въ самообличительномъ, ироническомъ тонѣ,

«достать попа хоть ледащычку,
Абы не пъянычку,
Бо я, признаться, самъ того не люблю».

Начинаетъ попъ исповѣдывать грѣшника, который говоритъ ему:

«Ходывъ я зъ малку по билому свиту,
Бывъ ляхивъ, жыдивъ,
Купцивъ, панивъ,
И всихъ, кого заманеться.
Правду сказать, унiятськыхъ попивъ не бывъ,
А зъ ныхъ жывыхъ кожу лупывъ».

Послѣ этихъ словъ попъ убѣгаетъ.

Таковъ герой вертепа—этотъ степной рыцарь, горячій, искренній и необузданный. Много силъ у него физическихъ и нравственныхъ, но не умѣетъ онъ дать этимъ силамъ надлежащаго направленія, недостаетъ ему чувства мѣры, а также обдуманнаго плана дѣйствій. Повидимому, и самъ онъ сознаетъ этотъ недостатокъ. Уходя со сцены, онъ говоритъ зрителямъ:

«Що було, прошу про те не помынаты,
Бо вже пиду теперъ въ куринь вику дожываты».

Любопытно, что приведенная нами вертепная вирша, въ которой запорожецъ высказываетъ свое credo, обыкновенно подписывалась на старинныхъ картинахъ подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, съ добавленіемъ слѣдующихъ стиховъ:

«Гей, бандуро моя золотая!
Коли бъ до тебе жинка молодая,
Скакала бъ и плясала бъ до лыха,
Що не одынъ бы чумакъ одпурався бъ солы и миха.
Або якъ заграю, то не одынъ поскаче,
А пидождавшы одъ того весилля та ще й заплаче».

Эта бандура, вѣрный спутникъ бездомнаго скитальца, сообщаетъ его образу глубоко поэтическій оттѣнокъ. Неудачно спѣлъ онъ свою пѣсню въ жизни, поэтому и перенесъ всю страсть души своей въ думу о своей жизни. И пѣлъ онъ эту думу подъ звуки бандуры, которую называлъ „дружыною вирною“, а передъ смертію положилъ онъ ее на степной могилѣ, чтобы буйный вѣтеръ, по степямъ летая, извлекалъ изъ струнъ ея смутные и жалобные звуки [1])...

П. Житецкій.

[1]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 445. Вмѣстѣ съ г. Сумцовымъ (Кіевс. Старина, 1889 г., Сентябрь) мы считаемъ думу о прощаніи козака съ бандурою по основному мотиву и многимъ подробностямъ въ развитіи его вполнѣ народной.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Вторая часть „*Объясненій малор. пѣсенъ*“—громадный томъ въ 800 страницъ—посвященъ колядкамъ и щедровкамъ, а въ связи съ ними и по поводу ихъ сдѣлано много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, царинныхъ, лазарскихъ, купальскихъ, зажиночныхъ, малорусскихъ думъ, великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ. В. И. Ламанскій въ некрологѣ Потебни (въ 1 кн. Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.) говоритъ: „Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-латышскою“.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Изслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религіозно-миѳическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Изслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуетъ вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 4.

колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главныя измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главные успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки миѳологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена миѳологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантазіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ—почитанія и прославленія хлѣба. Во II кн. Кіевской Старины 1886 г. я представилъ уже историческій очеркъ изученія малорусскихъ колядокъ (труды Антоновича и Драгоманова, Н. П., Аѳанасьева, О. Миллера, Александра Веселовскаго), и потому здѣсь не буду останавливаться на этой сторонѣ дѣла.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ колядкахъ. Такъ, въ главномъ явленіи литературы этого предмета, „Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ“ А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго колядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варіанта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего наклонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому греко-римскому источнику, и затѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ къ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полнотою и художественными достоинствами.

Прежде (до Потебни) колядка служила средствомъ, пособіемъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѳическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или, наконецъ, указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи Потебни колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большой эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ поэтическихъ формъ, стихъ малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержанія, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочебныя, или великоднія и великорусскія „виноградья“, или колядки съ припѣвомъ „виноградье красно-зеленое“. Щедривкамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4). Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядокъ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова колядка—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рож-

дества Христова. Гоголь („Ночь подъ Рождество“) могъ еще въ полтавской губерніи зазнать обычай начинать коляды съ „багатои кутьи“, т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патріаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены—самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралець, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи, слово полазъ, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считая названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *auszra*, латинскимъ *aurora*, санскритскимъ *успа*, *ушас* утренняя заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практическій интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: „ой рано, рано сонце сходило“, или съ однихъ словъ: „ой рано“, „ой раненько“.

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или „поколядяхъ“. Цѣль эта—„димъ звеселити“. „Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взятые изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня, къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой"... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить „въ человѣцѣхъ благоволеніе". Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любыи, угодные".

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ „свѣтъ, зелень, веселье, слава" въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить воспріятіе, съ одной стороны, и его пониманіе—съ другой, о припѣвѣ „ой лелю" и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господаря и сказываютъ ему радость на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешъ", „встань гори" и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ бол-

гарскихъ пѣсенъ выраженіе „Станенине“, съ разъясненіемъ его происходенія изъ „въ(з)стани нынѣ“. При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господаря будитъ „ластивка“, „зозуля“, „соловей“.

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость“, въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака; ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ „Три радости: Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ“, насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича „Будрысъ и его три сына“ въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: „съ трехъ дорогъ три корысти“, причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое паханіе и т. п., а также различныя поэтическія сказанія, въ родѣ скиѳскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, съ связи съ предъидущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ“, въ результатѣ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокриѳическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра“, съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣетъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ „засѣванія золотомъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмѣненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или мечемъ и сѣяніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ „Слову о Полку Игоревѣ“.

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: „Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги“ и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле".

Въ XII главѣ мотивъ: „Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ". Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Доли и указано на значеніе словъ „молить" въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и „молитва", въ смыслѣ каши, кутьи, жертвеннаго блюда. „Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими добра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями",—говоритъ Потебня и разсматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ „дѣдомъ" и съ хлѣбомъ „крачуномъ". Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова „рай". Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ дожиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выраженій, въ частности рая, причемъ слово „рай" въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровая, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета „рай" объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровай посланъ отъ Бога, „зъ раю", и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца „гильца или вильца" райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходитъ въ данномъ случаѣ, что существительное аттрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: „Обходъ съ козою", въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть „козло" или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жнецами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосьевъ или послѣдній снопъ.

Въ XIV главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „солнце, мѣсяцъ и дождь, или два святые и Богъ спорятъ о силѣ“, въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ морозомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: „три овчаря или одинъ овчарь съ тремя трубами“, съ указаніемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апоѳеоза овчаря и его трубы, причемъ до-христіанскіе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми—Николаемъ, Юріемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: „чудесное дерево; съ него три корысти“, съ указаніемъ, между прочимъ, на моравскій обычай носить во время колядованія „счастье“—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками и кусочками сукна. „Отождествленіе чудеснаго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потебня, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденію этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близкаго и извѣстнаго къ далекому и неизвѣстному, переноситъ на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученныя ею на небѣ. Такъ установляется идеальная связь мірозданія... Трудность изслѣдованія заключается между прочимъ въ опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки“. При разсмотрѣніи колядnаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многія сюда относящіяся пѣсенныя детали: „птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везутъ“. Указывая на основное религіозно-миѳическое происхожденіе обрядовъ и пѣсенъ разсматриваемаго мотива, Потебня выдѣляетъ возможные апокриѳическіе элементы, заимствованные изъ „Бесѣды Іерусалимской“ и изъ „Сказанія о крестномъ деревѣ“.

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „орелъ или соколъ сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орелъ перо ронилъ“.

Въ XVII главѣ—мотивъ: „три сокола; добыча ихъ (перепелъ, рыба и проч.)—пану корысть“. Обобщеніемъ добычи соколовъ служитъ то, что они приносятъ господину радость, „здравіе и веселіе“.

Въ XVIII главѣ—мотивъ: „соколъ, хортъ и конь“; соколъ несетъ рыбу, хортъ куницу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: „соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ“. Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсматриваемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былинъ о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Останавливаясь на запѣвѣ: соколъ видитъ то-то, запѣвѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причемъ разсматриваетъ сначала запѣвъ ея: „на Черномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядаетъ на море“, гдѣ начинается буря, затѣмъ, „въ видѣ отступленія“, останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупѣ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеши Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладиновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятся: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень обѣщаетъ стать въ пригодѣ; олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодецъ. Въ изображеніи охоты „за чернымъ туромъ“ въ малорусскихъ колядкахъ А. А. Потебня

усматриваетъ древнія бытовыя черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причемъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что „газдыня“ посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти „дивнаго звиря тура—оленя“, относитъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ, большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полосою вдоль спины, былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ: „Куня въ дереви, дивка въ тереми“. По поводу этого колядочнаго мотива приведены свадебныя пѣсни и приказки съ куницей, въ особенности обычныя при сватовствѣ. Мимоходомъ дано объясненіе пѣсеннымъ „Болоховцамъ—ловцамъ“ (переходъ отъ собственнаго къ нарицательному). Потебня опредѣляетъ по пѣсеннымъ выраженіямъ, какъ изъ образовъ охоты, ловли взяты представленія ума и т. п. мѣткостью (стрѣлы), быстротою (въ преслѣдованіи звѣря). При этомъ рядъ примѣровъ значеній словъ хитрый, сочити—suchen—искать по слѣду. Замѣтки объ охотничьихъ первоначально выраженіяхъ „по горячимъ слѣдамъ“, „и слѣдъ простылъ“. Цѣнныя историко-юридическія замѣтки о „сокъ, отсочить“ въ Русской правдѣ, Судебникѣ Казимира Ягеловича и др. памятникахъ. Опредѣленіе въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ мотивовъ: охота—сватанье, звѣрь—сватъ. Разборъ частнаго пѣсеннаго мотива: куницу привозятъ тестю. По мнѣнію Потебни свадебная куница ведетъ начало не отъ куна, мн. куны въ смыслѣ размѣнной цѣнности, а отъ спеціальнаго значенія куница, шкурка mustelae, какъ плата тестю и всему роду.

Въ главѣ XXII находятся аналогичные съ XIX и XX мотивы, болѣе свадебные, чѣмъ колядочные, о змѣѣ сватѣ, причемъ подробно разсмотрѣнъ былинный эпизодъ о купаньѣ Добрыни Никитича. Сюда же отнесенъ пѣсенный образъ о „переплытіи рѣки (Дуная, моря)“ и сродные съ нимъ „перескочить“, „перейти“, „бресть“, „плыть“, которые имѣютъ отношеніе къ любви и браку. Эта богатая фактами глава составляетъ развитіе положеній, высказанныхъ въ предыдущихъ трудахъ Потебни.

Въ XXIII гл. разсмотрѣнъ встрѣчающійся въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ мотивъ, какъ юнакъ поймалъ вилу, мотивъ величальный и свадебный.

Въ XXIV гл. величальный мотивъ о семистахъ молодцахъ, помогающихъ добыть невѣсту. Услуга ихъ сходна съ услугою сокола, переносящаго невѣсту, и змѣи (въ XXII гл.). Краткія замѣтки о пѣсенныхъ „Блудцахъ“ (напоминаютъ Бродниковъ) и о связи орла и оранія въ пѣсняхъ (созвучіе).

Въ XXV гл. указано нѣсколько пѣсенъ на мотивъ: „молодецъ ѣдетъ въ горы или за горы по дѣвицу“, и

Въ XXVI гл. указаніе въ одной пѣснѣ добавочнаго мотива о посольствѣ впередъ пословъ къ матери, что-бы она приготовила пива и меду.

Въ XXVII гл. разобраны колядки и свадебныя пѣсни на тотъ мотивъ, что сама невѣста ѣдетъ къ жениху запросто, или тучей и дождемъ, или зорею, росою.

Въ XXVIII гл. мотивъ: „дѣвица въ деревѣ“; въ сербской пѣснѣ дѣвица вышла изъ-подъ коры сосны и засіяла, какъ солнце. Замѣтка о вилахъ—древесныхъ нимфахъ и о названіи самовила (вила—δρυάς, самовила—ἁμα-δρυάς).

Въ XXIX гл. разсмотрѣны пѣсни на мотивъ: дѣвица не ровня молодцу; у нея знатная (небесная) родня; пѣсни о молодцѣ съ знатной родней; миѳологическія основанія этихъ пѣсенъ—солнце мать, мѣсяцъ отецъ, звѣзды—сестрицы.

Въ главахъ XXX—XLVII сгруппированы пѣсни на мотивы: дѣвица въ плѣну; дѣвица кони пасла и погубила (=вышла замужъ); дѣвица „якъ зоря“; дѣвица мститъ мостъ милому; перевозъ черезъ рѣку (молодецъ перевозитъ дѣвицу; дѣвица перевозитъ); золотая ряса (украшеніе) или роса; садъ—виноградъ, яблоки и пр. (дѣвица собираетъ съ милымъ), дѣвица стережетъ огонь; „троякій напій“; „дивча шинкарка“; три свата; дѣвица танецъ (срав. т. I Объясненій 190 и сл.); дѣвица въ лѣсу заблудилась; дѣвица ведетъ танецъ; дѣвица сгубила перстень; павяный вѣнокъ; вѣтеръ уноситъ вѣнокъ; три рыболова, молодецъ, доставая вѣнокъ, тонетъ. Изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, вошедшихъ въ эти главы, значительный интересъ представля-

ютъ замѣтки о терновомъ огнѣ (стр. 434—437), о значеніяхъ рясы, росы, золотой коры (465—468), о значеніи слова грабоваты (497) и о мифическомъ значеніи пѣсенъ о сожженіи дѣвицы (506—523).

Въ XLVIII гл. разобраны пѣсни—загадки (что растетъ безъ кореня? горитъ безъ пламени? цвѣтетъ безъ синецвѣта? и т. п. съ отвѣтами: камень, золото, папоротникъ и др.). Потебня останавливается на характерныхъ свойствахъ пѣсенъ—загадокъ. Къ этой главѣ примыкаетъ небольшая XLIX глава о мотивѣ „Диво дивное“ и болѣе обширная L—о неисполнимыхъ задачахъ (соткать полотно безъ берда, выорать поле безъ плуга, вымыть безъ воды, мыла и валька, построить мостъ изъ одной вѣтки, сосчитать звѣзды и др.). Въ концѣ L главы находится интересный этюдъ о повѣсти о Петрѣ и Февроніи въ связи съ мнѣніями Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Веселовскаго, съ указаніемъ на одну весьма сходную индійскую сказку.

Въ главахъ LI—LXXI сгруппированы и разсмотрѣны пѣсни на мотивы: золотыя ворота; дворъ на столбахъ; мѣсяцъ, солнце и звѣзды въ терему (и построеніе церкви); молодецъ въ челнѣ; рада (муживъ громада) рѣшаетъ плыть на службу къ доброму пану; молодецъ добываетъ городъ, причемъ горожане откупаются золотомъ, серебромъ, конемъ, дѣвицей (замѣтки о словахъ хоробръ, поляница); молодецъ за выслугу получаетъ скотъ или саблю, коня, дѣвицу; молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу; молодецъ играетъ и поетъ (въ былинахъ и свад. пѣсняхъ); дѣвица вышиваетъ три ширинки; молодецъ хвалится конемъ, стрѣлою, лукомъ; похвала коню; молодецъ съ конемъ говоритъ; конь чуетъ бѣду; мать (или тесть) узнаютъ N по коню, по платью (величальный мотивъ, встрѣчающійся, между прочимъ, въ былинѣ про Ивана Гостинаго сына); вдова отправляетъ сына на войну; вдовина дочь отправляется на войну, поединокъ съ турскимъ царемъ (замѣчаніе о пѣсенномъ „стеречи бродовъ“); отраженіе набѣга и отбитый полонъ; умная жена, вдова (прославленіе); N суды судитъ; переборъ (N перебираетъ конями, дѣвицами—величальная пѣсня). При разсмотрѣніи этихъ мотивовъ Потебня ограничивается группировкой пѣсенныхъ данныхъ.

LXXII—LXXIV главы посвящены тремъ мотивамъ: девять сыновъ разбойниковъ убиваютъ зятя и входятъ въ кровосмѣшеніе съ сестрой; мать проклинаетъ сына; смерть молодца и горе матери, сестры, милой. Эти мотивы составляютъ исключеніе по печальному своему содержанію. Колядка изображаетъ обыкновенно радостную, желанную сторону жизни. Въ этихъ исключительныхъ мотивахъ пѣсня дѣлаетъ, что можетъ, для смягченія непоправимаго зла, вѣчной разлуки.

Послѣднія LXXV—LXXXVIII главы посвящены христіанско-апокрифическимъ мотивамъ колядокъ: начало свѣта; „чому не такъ е, якъ було здавна?"; Рождество и преслѣдованіе Христа жидами; Богородица съ Младенцомъ спасается отъ жидовъ при помощи чуда (быстро созрѣвшей пшеницы); рожденіе и наименованіе Христа; вдова ищетъ сына; Пречистая ищетъ Сына; N ищетъ дороги въ рай; обрѣтеніе честнаго креста; три гроба; воскресеніе; ожившій пѣтухъ; установленіе постовъ; мученіе Христа; грѣхъ ивы, осины; изъ крови—вино, изъ тѣла—церковь; рѣка изъ крови, росы, слезы; купанье Христа; Его споръ съ Петромъ; Пречистая (или Богъ) отмыкаетъ пекло и выпускаетъ грѣшныя души, кромѣ одной; св. Петръ и его мать въ пеклѣ; разлука души съ тѣломъ; грѣшная душа. Всѣ эти мотивы разсмотрѣны кратко.

Изслѣдованіе Потебни о малорусскихъ пѣсняхъ затрогиваетъ массу народно-поэтическихъ мотивовъ. Какъ ни обширно это сочиненіе, нѣкоторые его отдѣлы, нѣкоторыя частныя замѣчанія Потебни могутъ быть снабжены дополненіями, особенно съ привлеченіемъ къ дѣлу сказокъ, апокрифовъ и легендъ. Въ настоящее время можно уже указать на многія мелкія статьи и обширныя изслѣдованія, вышедшія послѣ 1887 г. и восполняющія отчасти капитальный трудъ Потебни. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо упущеніяхъ со стороны Потебни. Собрать и сгруппировать такую массу пѣсенъ, какую представилъ Потебня—это такой грандіозный трудъ, который могъ явиться только результатомъ многолѣтней добросовѣстной научной дѣятельности при громадной эрудиціи, при необыкновенной, почти феноменальной памяти. Не въ упущеніяхъ дѣло, а

въ ростѣ науки. Фольклоръ, весьма быстро развивающійся, вноситъ почти ежедневно такую массу новыхъ матеріаловъ, что было бы странно, если бы теперь, 5 лѣтъ спустя по выходѣ „Объясненій", нечего было сказать въ дополненіе къ нимъ. Ограничиваемся здѣсь нѣсколькими указаніями: Въ I т. „Объясненій" на стр. 23 въ примѣч. Потебня упоминаетъ о радостномъ восклицаніи въ латышскихъ купальскихъ пѣсняхъ ligo. По поводу этой случайной замѣтки Потебни г. *Вольтеръ* въ VII т. „Archiv fur slav. Philologie" помѣстилъ интересную статью „Was ist ligo?" Замѣчанія Потебни объ Усенѣ (II, стр. 35—45) могутъ быть еще болѣе подкрѣплены „Матеріалами для этнографіи латышскаго племени" г. *Вольтера*, вышедшими въ 1890 г. Статьи о пѣсняхъ съ загадками и неразрѣшимыми задачами (II гл. XLVIII и L) могутъ быть расширены многими сказочными мотивами въ сборникахъ *Манжуры* (стр. 40—41), *Караджича* (148), *Zbiór wiadomości* XII 50, *Cosquin* № 32 и др. Въ особенности много дополненій можно сдѣлать къ послѣднимъ 14 главамъ (LXXV—LXXXVIII), посвященнымъ христіанскимъ мотивамъ колядокъ. Такъ, укажемъ здѣсь на прекрасное изслѣдованіе г. *Батюшкова* „Споръ души съ тѣломъ" (1891 г.), обширную статью г. *Драгоманова* „Славянскитѣ сказания за пожертвуване собственно дѣте" (въ Сборникѣ за народни умотворенія I—II), громадное изслѣдованіе американскаго ученаго *Child*'а „The english and scotish popular ballads" въ 7 томахъ (1882—1890 г.); въ I т. подъ § 22 собраны западно-европейскіе варіанты сказанія объ ожившемъ пѣтухѣ [1]). Вышли эти сочиненія, по изданіи колядокъ, вышли тогда, когда Потебня лежалъ на смертномъ одрѣ, и сколько бы ни вышло въ ближайшіе годы сочиненій на темы, затронутыя Потебнею въ „Объясненіяхъ", этотъ трудъ долго еще будетъ выситься въ видѣ грандіознаго созданія русской науки, образцоваго въ смыслѣ научной добросовѣстности, трудолюбія и эрудиціи.

Оставляя въ сторонѣ прекрасную статью Потебни о значеніяхъ множественнаго числа (въ Филолог. Запискахъ и от-

[1]) Легенда объ ожившемъ пѣтухѣ, зап. въ Олонец. губ., наш. въ IV т. Этногр. Обозр. 1891 г. стр. 197.—Прим. Н. С.

дѣльно) и небольшое предисловіе къ старинным малорусскимъ лѣчебникамъ въ Кіев. Старинѣ, какъ статьи, неимѣющія прямого отношенія къ этнографіи, остановлюсь еще на послѣднемъ небольшомъ этнографическомъ трудѣ Потебни —„*Этимологическихъ замѣткахъ*“ въ III вып. Живой Старины 1891 г. (стр. 117—128). Въ статьѣ говорится о словахъ: багачъ, багатьтя; Бѣлая Русь; буртальникъ, волотъ, подоприсвѣтъ, ягуны, ярчукъ, и о сказочныхъ мотивахъ и повѣрьяхъ о кобыльей головѣ, бычкѣ-дристункѣ, и русалкахъ и петрушкѣ. Къ малорусской этнографіи относятся замѣтки:

Багатьтя—горячіе уголья; въ малор. въ значеніи богатства это слово („кажется“) утратилось, но сохранилось въ бѣлорусскомъ; сближеніе жара (горячихъ угольевъ) съ золотомъ. Выписки изъ малор. актовъ о названіи огня богачомъ. Параллель изъ Ригъ-Веды.

Бѣлая Русь—объясненія слова бѣлая въ значеніи вольная.

Бычекъ-дристунокъ малор. сказокъ; указаніе на такого же бычка въ Естест. Исторіи Плинія.

Волотъ, велетень производится изъ волотръ и сопоставляется съ санск. Вритра.

Кобылья голова, какъ остатокъ стариннаго обряда освященія и укрѣпленія межи.

Русалки не любятъ петрушки; указано сходное повѣрье у Плинія.

Ягуны отъ яго (какъ чакавцы, штокавцы).

Ярчукъ—марчукъ, песъ, рожденный „въ Марцю“ (въ мартѣ), вѣроятно, въ какіе-либо задушные дни.

По поводу двухъ толкованій Потебни (Соловей на дубахъ и Бѣлая Русь) редакторъ Ж. Старины *В. И. Ламанскій* въ той же III кн. помѣстилъ двѣ обширныхъ статьи: 1) Прусскіе нѣмцы и суданскіе габери въ Кимре —„на дубахъ“ и 2) Бѣлая Русь. Въ послѣдней статьѣ, весьма богатой интересными фактами, находятся, между прочимъ, замѣчанія о названіи Малая Русь. Проф. *А. И. Смирновъ* въ III кн. Русскаго Филол. Вѣст. 1891 г. высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на замѣтку Потебни о волотѣ, считая ее маловѣроятной.

Этими трудами исчерпывается дѣятельность Потебни, какъ этнографа. Въ бумагахъ его, сколько мнѣ извѣстно, не осталось статей по этнографіи. Въ лекціяхъ ничего не могло сохраниться, по той причинѣ, что Потебня, кажется, никогда не читалъ лекцій этнографическаго содержанія, въ родѣ перечисленныхъ здѣсь трудовъ. Лекціи университетскія за мою память (съ 1870 г.) были посвящены спеціально русской грамматикѣ и чтенію древнихъ русскихъ литературныхъ памятниковъ (по Христоматіи Буслаева); въ послѣдніе годы Потебня читалъ еще лекціи по теоріи поэзіи, и этотъ курсъ былъ для студентовъ болѣе понятенъ и болѣе ихъ интересовалъ, чѣмъ спеціально филологическія лекціи. При объясненіи Слова о Полку Игоревѣ Потебня указывалъ на пѣсни народныя, но далеко не въ такой полнотѣ, какъ дѣлаетъ это онъ въ своемъ печатномъ трудѣ о Словѣ. Кромѣ университетскихъ лекцій, Потебня одно время читалъ еще лекціи у себя на дому небольшому кружку дамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, эти лекціи посвящены были исключительно нѣкоторымъ отдѣламъ теоріи поэзіи (о баснѣ, пословицѣ и пр.). Потебня очень рѣдко читалъ публичныя лекціи. За 20 лѣтъ моего знакомства съ Потебней я могу припомнить только пять такихъ лекцій. 18 ноября 1878 г. прочитана была лекція о Г. Ѳ. Квиткѣ, по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя. Лекція дала сбору 200 руб., которые пошли на изданіе сочиненій Квитки (въ счетъ 2812 р. 20 к. пожертвованій). Затѣмъ, были еще лекціи о Достоевскомъ (по его кончинѣ, какъ поминки) и о Гомерѣ (точнаго заглавія не припомню). Ни одна изъ этихъ лекцій не напечатана, и въ бумагахъ Потебни не сохранилось никакихъ записей. О лекціи П. о Квиткѣ была подробная корреспонденція въ кіевской газетѣ „Трудъ“.

Потебня неоднократно высказывалъ мнѣніе, что въ русской наукѣ и литературѣ много скрывается такихъ силъ, которыми, по разнымъ причинамъ, общество не воспользовалось, и самъ Потебня несомнѣнно былъ такой силой; многое онъ могъ бы сказать, многое освѣтить, многихъ просвѣтить, при другихъ условіяхъ нашей общественности. Правда, самъ По-

тебня былъ очень скроменъ, сдержанъ, избѣгалъ популярности; но никто и ничто въ нашей глухой провинціальной жизни и не вызывало его къ широкой общественной дѣятельности; напротивъ, обстоятельства такъ складывались, что кабинетное уединеніе и суровое аскетическое отношеніе къ окружающему міру были для Потебни единственно возможнымъ существованіемъ, и только въ чистой области науки могли раскрываться прекрасныя стороны его глубоко-человѣчной души, чувство справедливости, желаніе правды, исканіе истины и добра.

Одинъ изъ учениковъ Потебни г. Горнфельдъ такъ закончилъ свою прекрасную статью о лекціяхъ Потебни въ 335 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г. [1]): „Предо мною лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ, для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взглядъ, это „нездѣшнее“ спокойствіе—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: „Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи“. И оно отпало это слабое тѣло... Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя; но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, „чѣмъ люди живы“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Перепечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. № 2.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.[1]

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1784-1851).

Евстафій Петровичъ Рудыковскій, старшій братъ Андрея Петровича, воспитывался въ кіевской академіи, а затѣмъ — въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Объ этой порѣ его жизни не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, какія находятся въ запискахъ его младшаго брата. Самый фактъ отправленія его въ медико-хирургическую академію извѣстенъ только изъ этихъ записокъ; ни въ книгѣ Аскоченскаго, ни въ собранныхъ имъ „Актахъ кіево-братскаго училищнаго монастыря и Академіи“ нѣтъ никакихъ указаній на этотъ фактъ, хотя тамъ приведены фамиліи многихъ студентовъ, которые были посылаемы въ медико-хирургическую академію. Въ семьѣ Е. П. осталось воспоминаніе о хранившихся у него двухъ толстыхъ, переплетенныхъ въ кожу, рукописныхъ книгахъ: одна изъ нихъ составлена была во время пребыванія въ кіевской академіи и наполнена была проповѣдями и стихотвореніями, другая, составленная въ медико-хирургической академіи заключала въ себѣ лекціи по разнымъ медицинскимъ наукамъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось розыскать этихъ книгъ. Особый интересъ могла бы представить первая, тѣмъ болѣе, что годы ученія Е. П. совпадаютъ относительно свѣтлымъ періодомъ дореформеннаго существованія академіи — ректорствомъ Иринея Фальковскаго. Во всякомъ

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 4.

случаѣ, можно сказать, что воспитаніе въ кіевской академіи наложило неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь и дѣятельность Е. П.: здѣсь пріобрѣлъ онъ основательное знаніе древнихъ языковъ; здѣсь зародилась въ немъ склонность къ литературнымъ занятіямъ; академія же внушила ему глубокое религіозное чувство, не покидавшее его ни при какихъ обстоятельствахъ жизни.

По окончаніи медико-хирургической академіи[1]) Е. П. служилъ лекаремъ (впослѣдствіи штабъ-лекаремъ) въ Томскомъ пѣхотномъ полку. Онъ сопровождалъ свой полкъ во время походовъ 1812—15 г. и присутствовалъ при многихъ сраженіяхъ. Въ послужномъ спискѣ въ графѣ о походахъ противъ непріятелей сказано, что въ 1812 г. онъ „былъ при дѣйствительныхъ сраженіяхъ—августа 5 при г. Смоленскѣ; 24, 25 и 26 чиселъ того же мѣсяца въ достопамятномъ сраженіи при Бородинѣ[2]); октября 12 при бѣгствѣ непріятеля во время преслѣдованія онаго подъ г. Мало-Ярославцемъ; ноября 6 при атакѣ и разбитіи подъ г. Краснымъ непріятельскаго корпуса". Въ 1813—15 г. онъ побывалъ съ своимъ полкомъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, Силезіи, Саксоніи, Баваріи, Франціи, Пруссіи и возвратился въ Россію въ концѣ 1815 года. Въ это время завязались у него близкія отношенія съ нѣкоторыми видными дѣятелями той эпохи—ген. Н. Н. Раевскимъ, М. Ѳ. Орловымъ и др.

Въ 1818 г. Е. П. перешелъ на службу въ кіевскій военный госпиталь, но скоро былъ прикомандированъ къ штабу 4-го корпуса, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Въ 1820 г. онъ сопровождалъ командовавшаго корпусомъ генерала Н. Н. Раевскаго въ его путешествіи на Кавказъ и въ Крымъ,—извѣстномъ путешествіи, въ которомъ принималъ участіе Пушкинъ. Е. П. описалъ эту встрѣчу съ Пушкинымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841 г. (№ 1). Небольшая статейка Е. П.[3])

---

[1]) Изъ послужного списка видно, что Е. П. поступилъ въ м.-х. академію въ 1806 г., а окончилъ курсъ въ 1810.

[2]) Въ 1840 г. ему былъ назначенъ за участіе въ бородинской битвѣ окладъ жалованія, который онъ тогда получалъ—500 р. асс.

[3]) „Встрѣча съ Пушкинымъ (изъ записокъ медика)".

цѣликомъ перепечатана П. В. Анненковымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“ (стр. 65—67) и съ небольшими сокращеніями въ статьѣ Липранди „Пушкинъ въ южной Россіи“ (Р. Архивъ 1866, стр. 1101—1104). Въ одномъ шуточномъ стихотвореніи Е. П. также упоминается объ этой встрѣчѣ:

„О Нарзанъ, Нарзанъ чудесный!... До небесъ превозносилъ—
Съ Пушкинымъ тебя я пилъ, Онъ стихами, а я прозой.

Не знаемъ, къ какому времени относится знакомство съ Грибоѣдовымъ, но въ одномъ стихотвореніи Е. П. встрѣчается слѣдующій намекъ на на него:

„Правъ Грибоѣдовъ, *мой пріятель*! —Что за коммиссія, Создатель,
Слова его легли свинцомъ: Быть взрослой дочери отцомъ!“ [1])

Отношенія съ Раевскимъ продолжались и въ Кіевѣ. Такъ, когда въ 1825 г. у Е. П. родились сыновья—близнецы Владиміръ и Иванъ, онъ, по совѣту Раевскаго, просилъ Императора Александра I быть ихъ воспреемникомъ. На просьбу эту послѣдовало Высочайшее соизволеніе; при совершеніи же крещенія воспреемниками были—Владимира генералъ Н. Н. Раевскій и кн. М. Н. Волконская (дочь его, жена декабриста), а Ивана генералъ М. Ѳ. Орловъ (женатый на дочери Раевскаго) и генеральша Д. А. Красовская. У Раевскаго и по службѣ Е. П. встрѣчался со многими декабристами (кн. Трубецкой, Лореръ, Поджіо и др.), лѣчилъ ихъ и былъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя, принадлежа къ старшему поколѣнію, не былъ посвященъ въ ихъ планы.

Въ 1825 г. Е. П. оставилъ службу въ арміи и окончательно поселился въ Кіевѣ. Сначала онъ служилъ въ больницѣ Приказа общественнаго призрѣнія (Кирилловская больница), а въ 1834 г., уже въ чинѣ статскаго совѣтника, перешелъ въ военный госпиталь, гдѣ и служилъ до самой смерти, сначала младшимъ, а потомъ старшимъ ординаторомъ.

Поселившись въ Кіевѣ, Е. П. пріобрѣлъ большую практику. Онъ былъ постояннымъ врачемъ у генералъ-губернато-

[1]) Знакомство съ Грибоѣдовымъ представляется довольно вѣроятнымъ вслѣдствіе близкихъ отношеній Е. П. съ ген. Красовскимъ, о чемъ см. ниже.

ровъ Желтухина и Княжнина, губернаторовъ Ковалева и Катеринича, интенданта Лашкарева. Но особенно близокъ онъ былъ съ начальникомъ 4-й дивизіи генераломъ А. И. Красовскимъ, съ которымъ его связывали не одни оффиціальныя отношенія, но и литературныя симпатіи. Красовскій, какъ извѣстно, былъ человѣкъ образованный и расположенный къ литературѣ; достаточно припомнить, что Грибоѣдовъ, благодаря ему, единственный разъ въ жизни видѣлъ на сценѣ свою комедію (въ 1827 г. въ Эривани, въ офицерскомъ театрѣ). Е. П. отдавалъ на его судъ свои стихи, какъ можно заключить изъ слѣдующаго письма, черновой набросокъ котораго сохранился на оборотѣ одного изъ патріотическихъ стихотвореній Е. П.:

„М. Г. Аѳанасій Ивановичъ! Услышавши ваше припоминаніе о старыхъ моихъ и доселѣ еще у васъ имѣющихся произведеніяхъ, я изъ любопытства отыскалъ у себя нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣвшими и, погладивши ихъ немножко отъ жесткостей, препровождаю къ вамъ для замѣны прежнихъ. Если же и новые вирши мои найдете не лучше прежнихъ, то тѣ и другіе бросьте въ каминъ".

Таже мысль выражена въ слѣдующемъ „посвященіи" одного изъ патріотическихъ стихотвореній:

„Красовскій—мой Герой!
Ему стихи мои и проза!
Любилъ онъ васъ читать порой,
Сѣвъ у камина въ часъ трескучаго мороза.
А я любилъ на васъ рецензіи его:
Недѣльное? въ огонь, и болѣ ничего.
Ступайте же къ нему, вотъ участь вамъ готова:
Въ каминъ или въ бюро, и болѣе ни слова",

Въ стихотвореніи „Бандурка" Е. П. первые свои поэтическіе опыты приписываетъ вліянію Красовскаго:

„Вотъ я—поэтомъ быть въ жизнь не имѣлъ затѣй.
Но ляховъ ты побивъ и возвратившись съ бою,
Сказалъ въ кругу друзей: „дарю тебя лихою
Бандуркой ляхскою,—ты-жъ въ струны пріударь!"
Я брякнулъ кое-какъ,—и запылалъ Пожаръ" [1]).

[1]) Стих. „Бандурка" служитъ вступленіемъ къ стих. „Пожаръ"

Приведенные отрывки довольно ясно рисуютъ отношенія, существовавшія между Е. П. и Красовскимъ.

Были у Е. П. довольно обширныя знакомства и въ средѣ духовенства. Самое замѣчательное изъ нихъ—знакомство съ митрополитомъ Евгеніемъ, о смерти котораго находимъ слѣдующую надпись на принадлежавшемъ Е. П. экземплярѣ „Кіевскаго мѣсяцеслова“: „1837 года, февраля 23 дня, во вторникъ сырныя недѣли въ 8 часовъ утра преставился Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Евгеній на 71 году жизни. Post quartam per unam noctem accessionem Ferbis arthritica ab Apoplexia serosa in specu vertebralis. Sit illi requies aeterna *post tot ac tantos* labores pastorales“. Въ бумагахъ Е. П. есть указанія на знакомство его и переписку съ епископами Кирилломъ (Куницкимъ) и Іереміею (Соловьевымъ). По семейнымъ преданіямъ, Е. П. часто бывалъ въ Лаврѣ и велъ продолжительныя бесѣды съ монахами. Вопросы религіи и философіи всегда интересовали его, и въ обсужденіи ихъ онъ обнаруживалъ извѣстную самостоятельность мысли. Такъ въ одномъ, имѣющемся у насъ письмѣ отъ 1822 г. (къ другу его, д-ру М. П. Ризенку)—письмѣ, которое все наполнено философскими разсужденіями съ значительною долею скептицизма, встрѣчаются, между прочимъ, такія мысли: „У васъ перестали говорить о войнѣ, и о мирѣ. А я, сказавши о мирѣ, о войнѣ потому не говорю, что признаю оную отсутствіемъ токмо мира, а не существомъ. Такъ какъ холодъ есть Absentia Caloris & Umbra Lucis. Дю-Туа, авторъ Божественной философіи, съ нѣкотораго времени взялъ меня безъ цѣны и сребра въ свою школу и открылъ мнѣ такое поле, по которому наши Иринеи и Гіацинты [1]) никогда насъ не водили и сами не ходили. Тамъ бы они упали и открыли срамоту свою“.

Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета у Е. П. явились новыя знакомства, а съ ними и новые интересы. Старый знакомый Лашкаревъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Жито-

[1]) Очевидно—Ириней Фальковскій и преемникъ его по ректорству Іакинфъ Лагановскій.

миръ. Жена его, молодая женщина, образованная и любившая общество, часто пріѣзжала въ Кіевъ и останавливалась у Е. П., у котораго тогда былъ собственный домъ. Она познакомилась съ нѣкоторыми профессорами, которые съ тѣхъ поръ начали бывать въ домѣ Рудыковскихъ. Это были К. А. Неволинъ, С. О. Богородскій, М. А. Максимовичъ. Другимъ путемъ началось знакомство съ В. А. Караваевымъ и Ѳ. С. Цыцуринымъ. Было еще старое знакомство съ семействомъ Бунге (съ д-ромъ Христіаномъ Григорьевичемъ, отцемъ Н. Х. Бунге) Въ 1845 г. одна изъ дочерей Е. П.—Марья Евстафьевна вышла замужъ за чиновника канцеляріи генералъ-губернатора Н. Я. Шульгина, братъ котораго Виталій Яковлевичъ вскорѣ получилъ кафедру исторіи въ университетѣ.

Всѣ эти знакомства и отношенія вводили Е. П. въ сферу совершенно новыхъ для него умственныхъ интересовъ[1]). Въ особенности сошелся онъ съ М. А. Максимовичемъ, какъ можно видѣть изъ прилагаемыхъ стихотвореній, сестра М. А.—Елена Александровна часто и по долгу гостила въ семьѣ Е. П., что еще больше сближало его съ М. А. Весьма близкія отношенія были съ В. Я. Шульгинымъ, съ которымъ Е. П. нерѣдко засиживался до глубокой ночи въ бесѣдахъ и спорахъ. Въ бумагахъ Е. П. сохранилось два письма Шульгина, которыя могутъ до нѣкоторой степени охарактеризовать эти отношенія. Одно изъ этихъ писемъ касается какой-то рѣдкой книги, которую Шульгину удалось пріобрѣсть для Е. П. при посредствѣ надзирателя 1-й гимназіи Романовскаго. Письмо изложено въ шутливой формѣ, на латинскомъ языкѣ. Начинается оно такимъ обращеніемъ: „Viro ornatissimo, in arte medica peritissimo, de litteris humanis ac divinis bene merito Eustathio filio Petris de Rudikovski s. d. nominis tui observantissimus, tibique addictissimus, tuus ex animo totus Vitalis Schulgin“. Послѣ извиненія въ дурной латыни и сообщенія, что книга пріобрѣтена Р—мъ,

[1]) Что событія университетской жизни Е. П. принималъ близко къ сердцу, можно видѣть изъ помѣщаемаго ниже стихотворенія „На смерть ректора университета В. Ф. Цыха“.

слѣдующимъ образомъ описывается самый способъ пріобрѣтенія книги: „Ub omnes res praetiosissimae hominibusque carissimae ex-inopinato inveniuntur, ut hoc unum exemplum afferem-vitrum a Phoenicibus-ita et hic liber a Romanovscio. Seminarii Kiovensis alumnus possedebat librum, dignitatis illius inscius, vendiditque vilissimo praetio—1 et dimidium rubelus argenteus. Per quam tute librum possidas, maximamque ex illo jucunditatem haurias!"... Еще интереснѣе другое письмо, служащее отвѣтомъ на печатаемое ниже стихотвореніе „Насильный бракъ". „До свѣдѣнія моего дошло, что *кичливая жена*, выслушавъ Вашъ безпристрастный судъ Вассаловъ, не угомонилась и подала аппеляцію во французскую Палату Депутатовъ и ожидаетъ оттуда съ первою почтою защитительной рѣчи какого-нибудь болтливаго оратора, которой списокъ постараюсь достать, списать и доставить вамъ при первомъ свиданіи. Вашъ отъ головы до пятокъ Виталій Шульгинъ". Кромѣ приведенныхъ писемъ, нѣкоторыя указанія на отношенія къ В. Я. Шульгину можно найти въ прилагаемыхъ стихотвореніяхъ Е. П. При чтеніи этихъ стихотвореній, также какъ и стихотвореній, посвященныхъ М. А. Максимовичу, нужно имѣть въ виду, что они предназначались не для печати, а для тѣснаго семейнаго кружка. Матримоніальные намеки молодымъ ученымъ и ироническое отношеніе къ ихъ научнымъ занятіямъ были со стороны „старого Остапа" не болѣе какъ шуткой: достаточно прочесть описаніе домашняго музея М. А. Максимовича въ „посланіи" къ нему, чтобы видѣть, что авторъ и самъ далеко не чуждъ былъ интереса къ „святой старовинѣ".

Духовная жизнь, такимъ образомъ, съ годами росла и расширялась. Не такъ благопріятно складывались внѣшнія условія жизни. Практика съ открытіемъ университета значительно уменьшилась. Да и годы брали свое; подъ старость трудно было аккуратно выполнять служебныя обязанности, являться на службу къ 8 ч. утра. Пришлось переселиться поближе къ госпиталю, на Печерскъ, а домъ отдать въ аренду, а затѣмъ и продать [1]). Въ тяжелыхъ условіяхъ приходилось доживать послѣд-

[1]) Домъ Е. П. находился на „Театральной улицѣ", какъ тогда назывался Крещатикъ; принадлежавшее ему мѣсто составляло значительную часть теперешней

ніе годы. Но Е. П. не падалъ духомъ и продолжалъ свои любимыя ученыя и литературныя работы: многія стихотворенія помѣчены „келья на печерскомъ базарѣ“.

Вообще, по разсказамъ близкихъ къ Е. П. лицъ, это былъ человѣкъ идеалистическаго склада. Практическихъ способностей у него не было, и житейскія дѣла мало его интересовали. Ему предлагали въ свое время видныя мѣста въ столицѣ (напр. главнаго доктора обуховской больницы), онъ предпочелъ остаться въ Кіевѣ и умеръ старшимъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Онъ имѣлъ въ свое время большую практику и умеръ бѣднякомъ. Денежными дѣлами онъ мало интересовался. Жалованіе немедленно по полученіи передавалъ женѣ, которая вела всѣ расходы; его же больше всего интересовали его научныя и литературныя занятія. Въ послѣдніе годы онъ велъ уединенную кабинетную жизнь, и до глубокой ночи засиживался за работой. Не смотря на недостатокъ средствъ, онъ не жалѣлъ денегъ на книги [1]) и имѣлъ прекрасную библіотеку, въ которой были рѣдкія старинныя изданія Библіи, (напр. Кельнское изданіе Новаго Завѣта на латинскомъ языкѣ 1670 г.; Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ Бенедикта Арія Монтана, изд. въ Амстердамѣ въ 1731) и нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей (напр. „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго—Базельское изданіе 1780 съ гравюрами Гольбейна). Вообще Е. П. былъ человѣкъ разносторонне образованный: онъ зналъ прекрасно древніе языки, которые изучилъ еще въ академіи [2]), а впослѣдствіи изучилъ и новые; онъ живо интересовался литературою, исторіею, политикою, и въ то же время не покидалъ богословскихъ занятій. Въ послѣдніе годы жизни его за-

---

усадьбы насл. пр. Меринга и всю усадьбу г. Зейделя. Въ бумагахъ Е. П. сохранилась слѣдующая замѣтка: „1842 іюля 28 совершена купчая на проданный мною домъ г.-м. К. Я. Флиге за 5114 р. 10 к.“ Такъ цѣнилась въ Кіевѣ земля 50 лѣтъ тому назадъ.

[1]) Намъ передавали, напр., такой фактъ: какъ-то на кіевскихъ контрактахъ Е. П. соблазнился латинскою библіею, стоившею 20 р., и пріобрѣлъ ее на послѣднія деньги, оставшись затѣмъ въ довольно критическомъ положеніи.

[2]) На пріемномъ экзаменѣ въ м.-х. академіи Е. П. удивилъ экзаменаторовъ, написавъ стихотвореніе на латинскомъ языкѣ.

нималъ переводъ псалмовъ съ подстрочнаго латинскаго перевода Б. Арія Монтана. Сохранилась переплетенная книга, въ которой рукою Е. П. переписанъ весь переводъ А. Монтана. Въ „предувѣдомленіи“ въ этой книгѣ говорится: „имѣвъ случай троекратно въ разныя времена, но на короткій срокъ, для просмотра только, воспользоваться рѣдкаго изданія Еврейскою Библіею съ надстрочнымъ латинскимъ переводомъ Б. А. Монтана, возымѣлъ я желаніе выписать изъ оной латинскій переводъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ или трудно переводимыхъ псалмовъ изъ Псалтыри и, продолжая при каждомъ таковомъ представлявшемся мнѣ случаѣ выписывать псалмовъ все болѣе и болѣе, нечувствительно дошелъ до того, что болѣе половины ихъ было уже мною выписано; наконецъ удалось мнѣ окончить трудъ мой выпискою всѣхъ псалмовъ“. Е. П. занимала мысль перевести эти псалмы на русскій языкъ; работа эта, кажется, была даже окончена, но мнѣ не удалось розыскать ее; въ имѣющейся же у меня книгѣ [1]) находится латинскій текстъ всѣхъ псалмовъ, на русскій же языкъ переведено всего пять. Это былъ, повидимому, послѣдній трудъ Е. П.

Въ продолженіе всей своей разнообразной и многотрудной жизни Е. П. находилъ время для работъ чисто-литературныхъ. Въ бумагахъ его сохранилось нѣсколько десятковъ стихотвореній на русскомъ и на малороссійскомъ языкахъ [2]). Самъ онъ повидимому не придавалъ особеннаго значенія этимъ своимъ сочиненіямъ и только одинъ разъ сдѣлалъ попытку напечатать одно изъ нихъ; но въ нашихъ глазахъ они имѣютъ извѣ-

---

[1]) Книга эта озаглавлена: „Liber Tehillim id est Laudum, qui apud nos dicitur liber Psalmorum. Depromptus ex Biblia Hebraica, quam ex Hebraica veritate in linguam latinam versit Santes Pagninus. Tandem hanc ejus versionem recensuit & verbum verbo redditam textui Hebraico interlinearem fecit Benedictus Arias-Montanus. Antwerpiae 1572. Perscriptus 1850 Anno cura et vigiliis Eustathii Rudikowskij Kioviae.

[2]) Не знаемъ, всѣ ли стихотворенія Е. П. дошли до насъ. Какія-то стихотворенія Е. П. еще въ семидесятыхъ годахъ увезены были въ Петербургъ однимъ изъ сыновей его, уже умершимъ, и повидимому затеряны. Неизвѣстно, были-ли это копіи имѣющихся у насъ стихотвореній, или между ними были и другія, намъ неизвѣстныя.

стное историческое значеніе, а нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ несомнѣнный поэтическій талантъ автора. Всѣ сохранившіяся стихотворенія Е. П. можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) оды и стихотворенія религіознаго содержанія; 2) патріотическія стихотворенія; 3) стихотворенія на малорусскомъ языкѣ; 4) стихотворенія автобіографическаго характера. Едвали мы ошибемся, если самое зарожденіе литературныхъ наклонностей припишемъ вліянію кіевской академіи. Въ какомъ-бы состояніи она ни находилась въ годы ученія Е. П., во всякомъ случаѣ это была еще дореформенная школа, въ которой сохранились традиціи старой академіи кіевской. Извѣстно, какъ развиты были въ этой школѣ литературныя занятія, и какъ разнообразны были литературные опыты ея воспитанниковъ [1]). Въ концѣ XVIII в. работы эти были уже въ упадкѣ, но все-таки существовали, и нѣкоторыя стихотворенія Е. П. представляютъ, быть можетъ, послѣдніе образцы стариннаго кіевскаго виршеслагательства. Послѣдующая жизнь Е. П., весьма разнообразная и полная интереса, натолкнула его на новыя темы; знакомство съ выдающимися писателями и учеными должно было отразиться и на содержаніи, и на формѣ его литературныхъ опытовъ; но впечатлѣнія юности брали свое, и подъ старость Е. П. возвращается къ народнымъ малорусскимъ сюжетамъ, но приступаетъ къ этимъ сюжетамъ уже съ другими, новыми взглядами и воспроизводитъ ихъ въ новыхъ литературныхъ формахъ. Такимъ образомъ, литературная дѣятельность Е. П. представляетъ интересный образчикъ взаимодѣйствія двухъ различныхъ эпохъ и формъ литературнаго развитія.

Первые литературные опыты Е. П. относятся еще ко времени ученія его въ Кіевской Академіи. До насъ дошло только одно, но весьма характерное стихотвореніе, написанное въ эту пору. Это „крестообразные эпиграммы на день ангела митрополита кіевскаго Серапіона“, написанные, повидимому, въ 1805

[1]) Обстоятельный обзоръ этихъ работъ сдѣланъ проф. Петровымъ въ статьѣ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году“ (Труды К. Д. А. 1866 іюнь, ноябрь, декабрь и 1867 январь).

или 1806 году. Стихотвореніе это принадлежитъ къ числу тѣхъ „художественныхъ“ или „курьезныхъ“ эпиграммъ [1]) которыя были въ большомъ ходу въ старинной академіи, но уже со временъ Ѳеофана Прокоповича постепенно исключаются изъ курсовъ піитики, какъ „трудныя бездѣлицы“. Такимъ образомъ данное стихотвореніе, относящееся къ началу XIX ст. представляетъ интересный образчикъ литературнаго переживанія. Въ утерянной рукописной книгѣ, которую Е. П. велъ въ кіевской академіи, вѣроятно, находилось не мало подобныхъ произведеній какъ самого автора, такъ и его товарищей.

Къ подобнаго рода стихотвореніямъ близко примыкаютъ оды религіознаго содержанія. Религіозная лирика занимала Е. П. въ продолженіе всей его жизни и была выраженіемъ того религіознаго настроенія, которое проявлялось въ бесѣдахъ съ духовными лицами и изученіи священнаго писанія. Къ этому роду относятся старотворенія. „Побѣдная пѣснь Богу и Царю“ (1831), „Торжество Православія“ (1848), „Торжество Кіева при возобновленіи Кіево-Софійскаго собора“ (1850). Въ стихотвореніяхъ этихъ, кромѣ религіознаго настроенія, чувствуются отголоски политическихъ идей автора: такъ стихотвореніе „Побѣдная пѣснь“ написано подъ впечатлѣніемъ польскаго возстанія 1830—31 г.; въ стихотвореніи на возобновленіе К.-Софійскаго собора проглядываютъ славянофильскія симпатіи.

Между стихотвореніями Е. П. есть цѣлый рядъ произведеній патріотическаго характера. Всѣ они относятся къ 30—40 годамъ, и многія изъ нихъ, какъ замѣчено выше, посвящены генералу Красовскому. Вотъ заглавія этихъ стихотвореній „Балъ“ (въ Кіевѣ въ 1831 въ честь гр. Ф. В. Остенъ-Сакена); „Пожаръ“ (польское возстаніе 1830), „Крыса“ (ген. Ромарино), „Насильный бракъ“ (дополненіе къ извѣстной балладѣ гр. Ростопчиной), „Русскій вопль противъ XIX вѣка“, „Казацкія замѣтки на Вѣнскія баррикады“ (два послѣднихъ стихотворенія написаны по поводу событій 1848 г.), „1851 годъ“ (характеристика первой половины XIX стол.). Всѣ эти стихотворенія

[1]) Подробности см. у Петрова (Тр. К. Д. А. 1867, январь).

написаны въ строго-консервативномъ духѣ и представляютъ отголосокъ того настроенія, которое вызвано было возстаніемъ 1830 г. и нашло себѣ выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина „Клеветникамъ Россіи“. Оригинальную особенность нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній представляетъ проглядывающій въ нихъ юморъ (Крыса, Насильный бракъ).

Сближеніе съ профессорскимъ кружкомъ, и въ особенности съ М. А. Максимовичемъ, внесло новый элементъ въ поэзію Е. П.—элементъ народный. Проведя дѣтство въ украинскомъ селѣ, юность въ кіевской академіи и большую часть жизни въ Кіевѣ, Е. П. былъ прекрасно знакомъ съ жизнью малорусскаго крестьянина и съ народнымъ языкомъ. Школьныя традиціи, а затѣмъ военная служба натолкнули его на торжественную лирику, но достаточно было встрѣчи съ людьми другого направленія, чтобы поэзія его приняла характеръ—реальный и народный. Такимъ толчкомъ было сближеніе съ Максимовичемъ и, отчасти, съ семействомъ Шульгиныхъ, глава котораго Яковъ Игнатьевичъ былъ коренной малороссъ (настоящая фамилія его была Шульга), неумѣвшій говорить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ малороссійскаго. Самъ Е. П. считалъ малороссійскія стихотворенія лучшими своими сочиненіями, а себя—малороссійскимъ поэтомъ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго письма Е. П. къ одному изъ молодыхъ друзей его Г. И. Нечаю: М. Г. Григорій Ивановичъ. Вчера Вы въ общемъ разговорѣ объ изданіи „Ста Русскихъ Литтераторовъ“ изъявили сомнѣніе объ успѣшномъ окончаніи этого изданія, въ той мысли, что едва-ли издателю удастся набрать такое число литтераторовъ. Не можете-ли Вы сообщить издателю мою мысль—недостающее число русскихъ дополнить малороссійскими. Русская публика равно восхищается и произведеніями Грицька Основьяненка. Онъ бы въ послѣднемъ десяткѣ былъ первымъ, и я не послѣднимъ. Я готовъ сообщить издателю мою пьесу „Козлы“, если только передъ нею будетъ поставленъ портретъ мой, хотя и не въ Лондонѣ гравированный. Вашъ покорный слуга Остапъ“.

Малороссійскія стихотворенія Е. П. довольно разнообразны. Между ними встрѣчаются сказки (3), басни (5), пьесы этно-

графическаго содержанія (2), историко-этнографическаго (1), пѣсни (2) и наконецъ одна пародія (на „Наталку Полтавку“). Кромѣ того, нѣкоторыя посланія къ Максимовичу, Шульгинымъ, Красовскому написаны на малороссійскомъ языкѣ. Характерныя особенности малороссійскихъ стихотвореній Е. П. составляютъ вѣрное изображеніе народной жизни и народныхъ типовъ, чисто украинскій юморъ, простой образный языкъ, наконецъ—легкій, изящный стихъ. Стихотвореніе „Объ Натальци Полтавци мои думки“ уже вводитъ насъ въ кругъ литературныхъ понятій автора. Рѣзкая, можетъ быть мѣстами слишкомъ крѣпкая, сатира на эту сентиментальную оперетту показываетъ трезвый взглядъ на поэзію, требованіе реальнаго изображенія народной жизни и въ то-же время идейнаго содержанія. Такое именно изображеніе жизни встрѣчаемъ мы въ сказкахъ и баснѣхъ, которыя можно назвать лучшими изъ всѣхъ сочиненій Е. П. Сказки (казки) представляютъ совершенно самостоятельныя произведенія, написанныя въ чисто-народномъ духѣ (одна только заключительная сцена первой сказки представляетъ какъ-бы отголоски романтизма, къ которому Е. П. вообще относился иронически [1]). Изъ басенъ (байки) однѣ оригинальны, другія заимствованы изъ Крылова, но представляютъ совершенно самостоятельную переработку даннаго сюжета. Два этнографическихъ очерка („Помынъ о славній козаччини“... и „Одъ Грицька Перепеличенка“ и т. д.), заключаютъ въ себѣ насмѣшку, не особенно глубокую, надъ недостатками современныхъ козаковъ и крестьянъ. Гораздо выше по идеѣ, не смотря на довольно странную форму, историко-этнографическая пьеса „Козаки въ счастьи“, изображающая зарождавшуюся въ XVII ст. рознь между козаками и „выписчиками“ и стремленіе козаковъ обособиться въ привиллегированное сословіе. По всей вѣроятности, стихотвореніе это навѣяно бесѣдами съ М. А. Максимовичемъ.

[1]) Въ одномъ стихотвореніи Е. П. встрѣчается цѣлый рядъ романтическихъ картинъ, написанныхъ въ ироническомъ тонѣ, напр: „тамъ въ саванѣ мертвецъ въ глубокой темнотѣ бесѣдуетъ съ луной, плывущей въ высотѣ“ и т. д.. оканчивающійся слѣдующею строчкою „монахъ же молится въ уединенной кельѣ и все считаетъ онъ презрѣнной суетой, *какъ я мяуканье поэзіи пустой*“.

Таковы главныя черты литературной дѣятельности Е. П. Рудыковскаго. Подводя итогъ всему сказанному, нельзя, кажется намъ, не согласиться съ сдѣланною имъ самимъ оцѣнкою его литературной дѣятельности: онъ былъ поэтъ по преимуществу малороссійскій. Религіозная и торжественная лирика его представляетъ отголосокъ отживавшаго уже тогда свой вѣкъ одописательства; между тѣмъ какъ малороссійскія стихотворенія его явились подъ вліяніемъ развивавшагося на его глазахъ плодотворнаго стремленія къ изученію народнаго быта, языка, исторіи. Не смотря на довольно преклонный возрастъ, (въ 1834 г., во время открытія университета, ему было уже 50 лѣтъ), Е. П. усвоилъ это новое направленіе, и сочиненія его могутъ быть поставлены наряду съ сочиненіями нѣкоторыхъ изъ его молодыхъ современниковъ. Предоставляя спеціалистамъ по исторіи малорусской литературы опредѣлить мѣсто, занимаемое Е. П. Рудыковскимъ среди современныхъ ему малороссійскихъ писателей, скажемъ только, что, по нашему мнѣнію, его „казки“ и „байки“ наиболѣе сходны съ „приказками“ Е. П. Гребенки.

Дальше мы печатаемъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Е. П., которыя могутъ служить образчиками трехъ указанныхъ выше направленій его поэзіи. Въ заключеніе помѣщаемъ нѣсколько стихотвореній, которыя могутъ служить дополненіемъ къ представленному выше біографическому очерку. Подобныхъ стихотвореній сохранилось довольно много; но большая часть ихъ имѣетъ слишкомъ интимный характеръ (напр. посланія къ дѣтямъ, родственникамъ и близкимъ знакомымъ). Мы помѣщаемъ только тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ общій интересъ— или потому что посвящены извѣстнымъ личностямъ (М. А. Максимовичу, В. Я. Шульгину и ихъ семьямъ), или знакомятъ съ литературными взглядами автора („Элегія при прощаніи съ поэзіею“), или, наконецъ, дополняютъ представленную выше характеристику его („День моего рожденія“, „Годъ 67 моей жизни“).

Крестообразные Эпиграммы на день Ангела Митр. Кіевск. Серапіона.

Сочин. и пис. Кіевск. Акад. Студентъ Богословія Евстафій Рудыковскій.

II [1]).

Побѣдная пѣснь.

Въ день возшествія на Всероссійскій Императорскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Перваго, царствованія Его Величества въ седмое лѣто. 1831 года ноября 20-го дня.

Милость и судъ воспою Тебѣ Господи!
Пою и разумѣю. *Псал. 100 ст. 1.*

Пѣснь Богу.

Божія Богови!
Поемъ Господеви, славно бо прославися.
Исход. гл. 15.

Исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ,
Господи, и имени Твоему пою. *Пс. 17 ст. 50.*

Благословенъ Господь нашъ Богъ,
Премудрый, непостижимый, дивный,
Россіи возносящій рогъ,
Творящій чудеса,—Единый!
Въ началѣ всѣхъ временъ, вѣковъ,
Въ шесть дней Онъ сотворилъ вселенну,

---

[1]) Первымъ стихотвореніемъ помѣщаемъ крестообразныя эпиграммы, исполненныя у насъ литографіей, при чемъ обращаемъ вниманіе на то, что въ подлинникѣ онѣ написаны разноцвѣтными чернилами. Въ виду нѣкоторой трудности чтенія „крестообразныхъ эпиграммъ“, считаемъ нелишнимъ развязать это стихотвореніе.

Большой кругъ:

Всякъ въ сердцѣ носитъ крестъ, кто вѣренъ рабъ Христу;
Но ты, Серапіонъ, Монархомъ оправданъ
На персѣхъ крестъ носить небесну красоту,
Да свѣтится твой свѣтъ для щастья нашихъ странъ.

Крестъ изъ прямыхъ лучей:

Да жизнь твою во вѣкъ, СЕРАПІОНЪ, хранитъ
Новградскъ СЕРАПІОНЪ Твой Тезоименитъ.

Крестъ изъ косыхъ лучей:

Чье сердце есть Престолъ Творца?
Вдовицъ Помощника, Отца.

Крестъ изъ полукруговъ:

Сіяй, Серапіонъ, въ нощи какъ твердь звѣздами:
Тебя облекъ Творецъ самъ сими чудесами.

Квадратъ:

Ты всегда готовъ,
Пастырю Христовъ,
Крестъ его носить,
Чтобъ съ нимъ въ небѣ жить.

Въ седьмый почилъ отъ всѣхъ трудовъ,
Субботу тѣмъ явивъ священну.
И надъ дѣлами рукъ своихъ
Царемъ поставилъ человѣка,—
Да зритъ Его онъ славу въ нихъ:
Законъ сей далъ ему отъ вѣка.
Святъ, непреложенъ сей законъ!
Но грѣхъ царя и чадъ рабами
Продалъ въ плѣнъ воли ихъ,—и онъ
Забытъ сталъ рабскими сердцами.
Тогда премудрый Богъ, святымъ
Храня вселенну провидѣньемъ,
Заблуждшимъ чадамъ и слѣпымъ
Избралъ вождей своимъ велѣньемъ:
„Пасите мой народъ вожди!
„Вождямъ послушны будьте, дѣти!
„Строптивый,—милости не жди!
„Лукавыхъ разорю совѣты!
„Владѣю царствомъ Я Единъ!
„Даю его—кому изволю.
„Да будетъ царь и властелинъ,
„Кто вѣренъ мнѣ, мою чтитъ волю!“
Что жъ? Вѣрны-ль тѣ Ему цари?
И вѣрны-ль тѣ царямъ народы?...
О Вышній! Самъ съ небесъ Ты зри:
Они,—какъ въ бурномъ морѣ воды,—
Мятутся и мятутъ другихъ!...
Сердца въ нихъ розны, какъ языки!...
Нѣтъ мира, нѣтъ любви у нихъ!...
Вездѣ стонъ жертвъ и бранны клики!...
Тотъ—захватилъ коварствомъ тронъ!...
Тѣ—въ звѣрствѣ и царя убили!...
Весь свѣтъ злодѣйствъ и крови полнъ!...
Такъ всѣ отъ Бога отступили!...
Творецъ отъ дѣлъ своихъ почилъ,
Отъ нашихъ нѣтъ Ему покоя.

Онъ все терпѣнье истощилъ,
Судьбы народовъ, царства строя.
Избралъ Израиля въ народъ,
Да внемлетъ онъ Его закону.
Кому-жъ внималъ сей злобный родъ?
Тельцу, Ваалу и Дагону!...
Какихъ Богъ не явилъ чудесъ
Въ Египтѣ, въ морѣ и въ пустынѣ
Израилю, чтобы принесъ
Ему онъ жертву во святынѣ?
Но попранъ имъ святый законъ,
Отвергнутъ имъ Господь великій,—
Отвергъ Израиля и Онъ,
И обратился во языки.
Растлѣній вся земля полна!...
Но вѣсть Господь и тутъ спасати
Прошли закона времена,
Открылъ Онъ царство Благодати.
Послалъ въ міръ Сына Своего
Спасти насъ, сотворить сынами.
Послушны-жъ Слову мы Его?
Онъ на крестѣ былъ распятъ нами!...
Но Богъ распятый побѣдилъ
И грѣхъ, и смерть, и силы ада;
Царемъ царей себя явилъ,
И Вѣрой въ жизнь призвалъ вновь чада.
Въ чемъ неуспѣлъ потопъ, огнь, мечъ,
Успѣла кроткая въ томъ Вѣра.
Дана ей власть все зло пресѣчь,
Но насъ спасла-ль и эта мѣра?
И вѣру оскорбили мы,
Не сохранивъ Любви завѣта.
Мы въ лонѣ Вѣры,—царства тьмы
Искали, прежде царства свѣта!...
Владиміромъ Богъ свѣтъ излилъ
На Русь небесной благодати,

Еще-жъ онъ въ гробѣ не простылъ,
Какъ сынъ его убилъ трехъ братій!...
„О Боже! умъ нашъ просвѣти!“
Такъ древле Русь воззвала къ Богу:
„Самъ воцарись надъ нами Ты!
„Самъ къ Правдѣ намъ открой дорогу!“
И Вышній праотцевъ сей стонъ
Событій утѣшаетъ вѣкомъ.
Въ тебѣ, Россія, зримъ мы тронъ,
Воздвигнутый не человѣкомъ.
Его самъ Вышній совершилъ,—
Онъ племена, народы многи
Жезломъ желѣзнымъ сокрушилъ,
И Трону далъ сему подъ ноги.
Отъ Рюрика по вѣкъ Петровъ,
Отъ дней Петра до Николая
Подъ дивный Росска Трона кровъ
Вела десница насъ святая.
Какихъ намъ Богъ давалъ Царей!
Самъ съ ними царствовалъ надъ нами!
И мы ихъ, въ радости своей,
Земными чтили божествами.
О! буди препрославленъ въ вѣкъ!
Съ Сіона, отъ горы святыя,
Ты, Боже, намъ въ сердца изрекъ:
„Израиль новый мой—Россія!“ Аминь.

Пѣснь Царю.

Кесарево Кесареви!
Величаяй спасенія Царева и творяй милость Христу своему и сѣмени Его до вѣка.
Псал. 17 ст. 51.

Благословенъ Господь нашъ Богъ!
Въ Царяхъ намъ образъ свой являя,
Вознесъ Онъ вновь Россіи рогъ,
На Тронъ возвелъ Онъ Николая.

Живи, о Царь нашъ Николай!
Живи, Царь Россамъ Богомъ данный!
Россія! болѣ не желай,—
Съ Нимъ ты взнеслась на верхъ желаній!
Шесть лѣтъ уже Ты возсѣдишь,
Земное божество, на Тронѣ;
Шесть лѣтъ творилъ Ты и творишь
Все къ нашей славѣ, оборонѣ.
Довлѣетъ Славѣ!... о! почій!...
Седьмое лѣто—дни покоя!...
Какъ въ день седьмый почилъ Святый
Творецъ, въ шесть дней весь міръ устроя.
Востокъ, югъ, западъ былъ въ огнѣ,
Съ нимъ язвы къ намъ вторгались новы;
Внутри отчизны и извнѣ
Грозили ей измѣны, ковы.
Симъ царскимъ горестямъ во слѣдъ
Ты сердцу столь драгихъ лишился,
Но духъ великій Твой средь бѣдъ,
Бывъ Богомъ твердъ не сокрушился.
Шесть лѣтъ,—съ начала до конца,—
Какъ христіанинъ Ты сражался,
Терпѣніямъ Ты ждалъ вѣнца,—
И се!—безсмертьемъ живъ вѣнчался.
Довольно Славы!—о!—почій!...
Седьмое лѣто—дни покоя!...
Узрѣлъ въ Тебѣ свѣтъ образъ—чей?
Великаго Царя—Героя!
Вложи въ ножны Твой грозный мечъ,—
Обвитъ онъ миртами, оливой,
Часъ Миру ѳуміамъ возжечь,
Нашъ вѣкъ—покоя, вѣкъ счастливый!
Но Твой покой гдѣ?—Зритъ то Самъ,
Самъ Сердцевѣдецъ Твой—что даже
Дремоты нѣтъ Твоимъ очамъ
Покоя нашего на стражѣ.

О насъ Твой промыслъ—Твой покой;
Твой трудъ для насъ—Твоя отрада;
Лить милости на насъ рѣкой—
Единая Тебѣ награда.
Объемля сушу и моря
Недремлющимъ и быстрымъ окомъ,
Для блага Царства, Алтаря,
День—ночь Ты въ подвигѣ высокомъ.
Двуглавый Твой Орелъ не спитъ,
Всегда простерты держитъ крылы,
И хищныхъ змѣй онъ сторожитъ,
Чтобъ чадъ Твоихъ не уязвили.
Недавно Персъ и Оттоманъ
Предъ нимъ блеснули чешуями,—
И гдѣ они?—Урокъ имъ данъ!
Растерзаны Орла когтями!...
Недавно Ляхская змѣя
И къ Трону жало простирала,
Шипѣла, хвостъ вокругъ вія,—
И та Орлу покорна стала!
Монархъ! Рука Твоя колоссъ
Блаженства Росскаго свершила,
Изъ адамантовъ онъ возросъ,
А слава верхъ его покрыла.
Пусть зависть чуждыхъ на него
Теперь съ отчаяньемъ взираетъ,
Въ безсиліи грызетъ его,
Языкъ и мечъ свой изощряетъ.
Пусть изнуряется еще
Душа ея, рука кровава;
Затѣи всѣ ея вотще:
Ей вѣчный стыдъ,—намъ вѣчна слава!
Пусть злоба, числя свой урокъ,
Влечетъ къ измѣнамъ всю вселенну
Твой окруживъ сердцами Тронъ,
Слились мы всѣ въ гранитну стѣну!

Тѣмъ Россъ Твой—мощный исполинъ!
Пол-свѣта подъ его стопою;
Онъ дожилъ мудрости сѣдинъ,
Великъ онъ миромъ и войною.
Монархъ! довольно!... почивай!
Седьмое лѣто—дни покоя!
Отнынь плоды трудовъ вкушай,
Внутрь насъ еще блаженство строя.
Данъ намъ съ Престола Твой законъ?
Дана закону твердость сила?
Какъ солнце жъ да сіяетъ онъ!
Да проліется отъ свѣтила.
Сего—и теплота, и свѣтъ;
Да темныхъ просвѣщаетъ очи,
Да грѣетъ вдовъ, сиротъ въ часъ бѣдъ,
И гонитъ тьму коварства ночи!...
Тогда намъ небо на земли
Откроетъ Вышній Посѣтитель.
„Да будетъ только намъ,—внемли
„Мольбамъ Россіи всей Спаситель!
„Храни Хріста намъ Твоего
„И укрѣпляй Твоею силой,
„Храни державный Домъ Его,—
„Залогъ блаженства Россамъ милый!...
„Тебѣ Царь сердце далъ свое:
„Въ томъ сердцѣ—зри!—всѣхъ нашихъ доля:
„Да придетъ царствіе Твое
„И въ насъ Твоя да будетъ воля!

Аминь [1]).

---

[1]) Сохранился латинскій переводъ этой оды:

Benedictus Dominus noster Deus
Sapientissimus, incomprehensibilis, admirandus.
Rossiae elevans cornu
Faciens mirabilia solus!... и т. д.

III.

Торжество Кіева

при возобновленіи Кіево-Софійскаго собора 1850 года.

Возвысь главу твою сѣдую,
Священный, древній Кіевъ градъ!
Пой пѣснь Сіонскую—святую!
Ты вновь—столица всѣхъ отрадъ!
Девятый вѣкъ ты доживаешь,
Дѣлъ древнихъ славу вспоминаешь,
Что Вѣры былъ ты колыбель,
И Возрожденія купель.
Вотъ на твоемъ вновь небосклонѣ
Златое солнышко взошло!
Софійскій храмъ въ златой коронѣ!
Такъ не сіялъ ужъ онъ давно.
Едва-ль онъ былъ при Ярославѣ
Въ такомъ величіи и славѣ,
Какъ въ наши вожделѣнны дни.
Да льются въ вѣкъ на Русь они!..
Храмъ созданъ Княземъ Ярославомъ,
Царь Николай возобновилъ,—
И въ немъ, столь древнемъ, многоглавомъ
Ликъ древній всѣхъ святыхъ ожилъ!
По мановенью Николая
Свой вѣрно Солнцевъ трудъ свершая
Открылъ въ семъ храмѣ древній свѣтъ,
И вѣковой тьмы въ немъ ужъ нѣтъ!
Что вѣки отъ очей скрывало
Ликъ всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ,
То Солнцевъ сдернулъ покрывало
И свѣту въ храмъ сей путь открылъ.
Сіяй небесною вновь славой
Подъ Николаевой Державой,
Софійскій Ярославовъ храмъ!
Такъ!... Богъ во всемъ помощникъ намъ!...

Поможетъ возвратить Софію,
Что древне въ Греціи цвѣла
И украшала Византію,
И здѣшней образцемъ была;
А нынѣ?!!... тьмою Мохамета
Какъ въ рубище вдова одѣта,
Стоитъ—превращена въ мечеть!...
Доколѣ-жъ вѣрнымъ то терпѣть?....

IV.

Рыцарская баллада.

Насильный бракъ.

Текстъ баллады гр. Ростопчиной, какъ онъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1872, т. V (февр. кн. стр. 297—9) съ слѣдующимъ окончаніемъ:

Вассалы.

Вас. 1. Ты правъ во всемъ, нашъ повелитель!
Всѣ правы жалобы твои
Но вышнихъ лишь судебъ Властитель
Въ нихъ можетъ вникнуть на земли [1]).

Вас. 2. Словами намъ нельзя измѣрить
Всю тайну скорби твоея,
Но можемъ чувствовать и вѣрить,
Каковъ гнетъ этотъ бытія....

Вас. 3. Мятежная твоя супруга
Тебѣ быть вѣрной отреклась,

---

[1]) Вар. Ты правъ во всемъ нашъ повелитель,
Что ждалъ покорности жены,
Но видно тайный обольститель
Расторгъ твои покоя дни.
Твоя вѣнчанная подруга
Въ тебѣ не хочетъ видѣть друга....

Въ тебѣ не хочетъ видѣть друга
Въ плѣнъ своевольства отдалась.

Вас. 4. Мечты, мечты ее волнуютъ
И умъ, и сердце, и языкъ,...
Воображеніе чаруютъ....
Въ ней фанатизмъ еще великъ!...
О дикой вольности мечтаетъ,
Свободу ставитъ въ томъ свою,
Былой развратъ свой вспоминаетъ,
Чтобъ отравлять любовь твою.

Вас. 3. Ты зналъ до брака всѣ тѣ козни,
Чѣмъ прежде славилась она,
Но былъ въ надеждѣ, что возможны
Раскаянья ей времена
И въ той надеждѣ далъ ей руку,
Супруги именемъ почтилъ.
Что жъ взялъ въ награду?

Вас. 2. Злую муку.
Сносить злонравье выше силъ!...

Всѣ. Терпѣніе! Отецъ нашъ! Молимъ,
Терпѣніе еще имѣй!
Жены къ любви не приневолимъ,
Щади ее ты для дѣтей.

Слуги.

Слуга 1. И такъ, ты ей не дашь разводу?...

Слуга 2. Кричи она, раззинувъ пасть,
Скачи она въ огонь, и въ воду,
Въ развратъ ей прежній не попасть.

Слуга 3. Женѣ кичливой и мятежной
Другого врачевства ужъ нѣтъ,—
Предать темницѣ неизбѣжной,
Коль дневній надоѣлъ ей свѣтъ.

Слуга 4. А если головой объ стѣну
Тамъ биться вздумаетъ она;

Кричать, точа, какъ нынѣ, пѣну,
Твоя злонравная жена,

Всѣ. Мы пеленать ее готовы
Съ привѣтной лаской, безъ угрозъ.
Пріемы эти намъ не новы,
Не таемъ мы отъ женскихъ слезъ.

Слуга 5. Авось! полѣчимъ—вразумится,
Коль нужно, пустимъ ей и кровь,
Отъ буйной воли исцѣлится,
И запылаетъ въ ней любовь.

Баронъ.

Народъ! Съ любовію пріемлю
Вашъ безпристрастный сей совѣтъ.
Что гласу истины я внемлю,
Пусть это знаетъ цѣлый свѣтъ.

V.

Крыса.

Истинное происшествіе, случившееся 17 октября 1831 года въ квартирѣ генерала Красовскаго въ Кіевѣ.

Теперь лишь я узналъ—не лжетъ, кто говоритъ,
Что на ловца и звѣрь бѣжитъ.
Вечоръ сидѣли мы съ тобою лишь вдвоемъ,
Толкуя о войнѣ, геройхъ—томъ и семъ;
Какъ вдругъ завидѣлъ крысу ты.
Злодѣйка кралася, гдѣ болѣ темноты.
По данному тобою знаку
Я долженъ весть атаку.
„Нагрянь!—возьми во флангъ!—коли, руби врага!“...
(Я помню всѣ твои командныя слова).
Но крыса предо мною,
Вмигъ съ полу да на столъ, по рамамъ окнъ—юлою;

Сигары, скляночки всѣ къ чорту прочь съ окна,
Цапъ-цапъ, царапъ—и ужъ на притолкѣ она!...
Меня вооружилъ ты саблею своей.
Не струсилъ я—ей, ей!
Ужъ саблю я занесъ, готовъ ее разить
И прямо въ сердце ей вонзить,
И ты стоишь тутъ съ свѣчкой.
Но крыса вмигъ
Прыгъ, прыгъ!...
Нашла дыру подъ печкой.
Тутъ сталъ я разсуждать,
Какъ крысу мнѣ оттоль достать!
Вдругъ мнѣ приходитъ мысль (другому врядъ пришла бы):
Не Ромарино-ль твой то въ маленькомъ маштабѣ [1]).

VI.

Годъ 1851

Вѣкъ девятнадцатый на свѣтѣ
Крылатый, мощный исполинъ
Въ виду насъ всѣхъ въ своемъ полетѣ
Годъ пишетъ—пятьдесятъ одинъ!
Примѣтно этотъ вѣкъ старѣетъ
И доживаетъ до сѣдинъ;
И онъ отъ Времени дряхлѣетъ—
Судьбы и Рока властелинъ.

---

[1]) Въ видѣ комментарія къ этому стихотворенію находимъ нужнымъ привести слѣдующую справку изъ соч. генерала Пузыревскаго „Польско-русская война 1831 г." (изд. 2-е, т. I, стр. 307):

„Положеніе русскаго отряда, окруженнаго съ трехъ сторонъ, казалось критическимъ, какъ неожиданное отступленіе 6 іюля Ромарино отъ Подлодова устранило опасность съ лѣваго фланга. Ромарино считалъ, какъ видно изъ перехваченнаго письма изъ Собіешина, это отступленіе весьма искуснымъ съ его стороны маневромъ. Говоря въ письмѣ о предстоявшихъ ему дѣйствіяхъ,... онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приписалъ, что, по только что полученнымъ свѣдѣніямъ, русская пѣхота и кавалерія переправляются, въ надеждѣ, конечно, отрѣзать его отъ Вислы, но прибавлялъ: *„à bon chat—bon rat"*.

Была его бурлива младость,
Довольно онъ побушевалъ!...
Что же затѣетъ онъ на старость?
Кто бъ намъ то нынѣ разгадалъ?
Мы жили въ первой половинѣ,
Вторую внукамъ отдаемъ
Съ заботою о ихъ судьбинѣ:
Что будетъ въ вѣкѣ семъ потомъ?
Они исторіи скрижали
Прочтутъ, узнаютъ все изъ нихъ,
Что въ этотъ вѣкъ мы испытали
Въ теченьи черныхъ дней и злыхъ.
Съ нашествіями Тамерлана
Европа испытала вся
Тьму угнетеній отъ тирана,
Защиты отъ Небесъ прося.
Потомъ вѣкъ сей вооружился
На насъ холерой, мятежемъ,
Войной!... Гладъ, моръ, пожаръ разлился!...
Сверкнулъ кровавымъ вѣкъ бичемъ,—
И все въ унынье погрузилось!...
Затрепеталъ и Умъ, и Духъ!...
Подъ игомъ бѣдствій все томилось,
Въ душевный падая недугъ!...
Затмилось зломъ добро былое,
Запала въ грудь одна любовь—
Любить Отечество святое,
И за него пролить всю кровь.
Любовь же подвиги открыла
Вождей и ратныхъ всѣхъ сыновъ,
И падши Троны утвердила,
И миръ дала Европѣ вновь
Вотъ этотъ вѣкъ чѣмъ былъ донынѣ
Богатъ въ исторіи людей:
А чѣмъ онъ будетъ при кончинѣ,
Узнаютъ правнуки позднѣй.

Но вѣкомъ всѣмъ владѣетъ Вышній
Вѣковъ и вѣчности Отецъ.
Онъ далъ уроки намъ нелишни,
Дастъ и отраду для сердецъ.
Давалъ и дастъ Монарховъ мудрыхъ,
Хранителей Руси святой,
Да въ вѣкъ хранятъ отъ суемудрыхъ
Умовъ Европы нашъ покой.
Да Алтари и Тронъ нашъ въ мирѣ
Цвѣтутъ во вѣки на землѣ,
Да воспѣваемъ мы на лирѣ
Небесну благость въ тишинѣ:
„Языки! знайте, вразумляйтесь,
„Не поднимайте буйства рогъ,
„Принявъ вѣтвь мира покоряйтесь,
„И помните,—что съ нами Богъ"!...

VII.

Овъ Натальци Полтавци.

МОИ ДУМКИ.

Наталька, та Петро,—вона не згирша казка;
Есть що и въ руки взять—паперу добра вязка.
Що-жъ тутъ въ середыни?—Насылу я добывсь,
Що той-такы Петро зъ Наталкой оженывсь.
Хочь довго першъ воны въ тимъ малы перешкоду,
И ледви вже зъ нудьги не повкыдалысь въ воду;
Та добри люде, бачь, загынуть не далы;
За щирую любовъ до купы ихъ звелы.
Брехенька хочъ куды!—нема вже що й казаты!
Але-жъ,—якъ-бы те все по-наськiй розскубаты,—
То мы-бъ натknулысь тутъ не на одну бридню.
Першъ, чимъ зъ Наталкою прiйшовъ Петро въ ридню,
Якъ винъ въ годованци достався до Терпылыхы?
Ой!—певне бувъ винъ сынъ якоись Дзюндзюрыхы,

Зъ которою водывсь Терпылыхо старый,
Повадывшись [1]) скакать винъ черезъ тынъ чужій,
Та й мусивъ дидъ такы до того доскакатьця,
Що мавъ іому и цей годованець достатьця.
А що-жъ?—пидкынулы!—бо дидъ бувъ выноватъ,
Що Дзюндзюрыси винъ знаходывсь... [2]) кумъ, чи сватъ.
А щобъ бильшъ сорому свого не выявляты,
То й мусивъ Петруся чужого колыхаты.

Отъ!—цей Петрусь рисъ, рисъ,—да и Петромъ зробывсь;
А въ дяку за хлибъ-силь зъ Наталкою здружывсь.
Старый Терпылыхо не дуже дурнемъ бувшы,
Солодку доччину зъ Петромъ розмову чувшы,
Та й ще прымитывшы Петра, що винъ не разъ
Зъ дочкою въ жмурки гра,—якъ прійде темный часъ,—
Не довго думавъ дидъ,—загарбавъ за чупрыну
Петруся,—та й зломавъ на іому винъ лищину [3]);
И не жаліючы ни трохи кулакивъ —
Винъ ребра у Петра — чи вси — переличывъ;
Та й зъ дому винъ якъ пса прогнавъ на шляхъ шырокій,
Й дорогу показавъ на вси чотыры бокы.

Петро помандровавъ, и все по свиту шлявсь,
Тымъ часомъ-же старый Терпылыхо скончавсь.
Натальци й замужъ часъ. Наталка одмовляе
Всимъ женыхамъ своимъ—тилько Петра бажае.
Стара дочку жуе, щобъ замужъ йшла прытьмомъ,
Не голосыла щобъ даремне за Петромъ.
Що може вже Петра нема давно на свити,
Або винъ ма соби другую на прыкмити;
И марне молодыхъ литъ тратыть не велыть,
Щобъ опизнывшыся въ дивкахъ не посывить.
А доненьци не те верзлося у головци,
Не йдуть еи на умъ ни женыхы, ни хлопци.

---

[1]) *Вар.*: поквапывшись.
[2]) *Вар.*: зробывся.
[3]) *Вар.*: дубыну.

Хочь гарни женыхы траплялыся еи;
Та ба!—Натальци, бачъ, не тее на уми.
Дякы и пысари—ватагою за нею, --
Вона-жъ,—то сякъ, то такъ,—всихъ одбува брехнею.
Той—нибы пьяниця; той ни—такъ же голякъ;
У сіого се знайшла,—у того те не такъ.
Самъ Возный прыступавсь,—що ажъ доставъ оскому;
Такъ що-жъ?—брыкаетця,—ни прыступу никому.

Якъ Возный зъ Выборнымъ до матери прыйшлы,
Щобъ сватать,—то дочку зарумсану знайшлы.
Що-жъ каже?—Женыха пысьменного не хоче!
И знай—що про Петра и день, и ничъ сокоче.
А ій то не Петро такъ мизкы завертавъ,
А те,—що напередъ пысьменныхъ винъ читавъ.
Петро бувъ не пысьмакъ,—та добре вмивъ складаты,—
Буки есть—бе, твердывъ: пысьменнымъ такъ не втяты.
Однакъ-же возный нашъ на тее не вважавъ;
Заславъ винъ старостивъ, та и хусткы побравъ.

А тута якъ на те-жъ Петрунечко й явывся,
Не знаты—звиткиль, якъ винъ тута очутывся.
Наталка пидняла крыкъ, галасъ якъ не свій:
„Мій сызый голубе!... Петрунечку-жъ ты мій!...
„Давно-жъ моя душа тилько тебе бажала!...
„Безъ тебе-жъ я була на вики вже пропала!...
„Охъ!—жыжкы трусяться... не вымовлю, постій!...
„На вики я твоя!... а ты на вики мій!“

Отъ и весилле вамъ!—чи вы такее чулы?
А Возному-же що?—пидъ нисъ далы дви дули!
Панъ Возный изъ зубывъ Наталку упустывъ,—
Тай губкы облызавъ—неначе медъ видъ йивъ.
Банькы повытрищавъ, та й ставъ, згорнувшы руки;
И въ глуздъ іому не йде—яки отце зъ нымъ штукы.
Здаетця-жъ не такій соби винъ іолопъ бувъ,
Щобъ,—якъ москаль казавъ,—іого хто въ лапти взувъ.
Якъ-же винъ давъ Петру изъ себе такъ накпытьця,
Щобъ цей хусткы побравъ, а той прыйшовъ женытьця!

Отъ такъ!—пысьменный бувъ,—винъ заразъ догадавсь,—
Де двое бьютьця, тамъ щобъ третій не мишавсь.
Ой мудрый!—та не те було въ іого на думци,
А тобъ винъ носа втеръ Петру й іого голубци.
Не бійсь,—винъ-бы Петра на порохъ стеръ и змявъ,—
Та по пысьменьському напередъ рожжовавъ:
Що хочъ Петро й мугыръ,—та Возного не нышчій,—
Самъ зъ верху все вже спывъ,—іому-жъ оставывъ дрижчы.
Та й билшъ не ставъ шукать—чого не положивъ,
И заразъ для Петра Наталку одступывъ.
Та й каже: „Слухайте!—горыть во мни презильно,
„Тее-то, якъ его,—желаніе безмирно,
„Зробыть, хочь-бы не хтивъ, для всихъ прикладъ добра.
„Нехай соби вже йде Наталка за Петра.
„Я правъ моихъ до ней законныхъ одступаюсь,
„Бо щиросты въ любви зило сей удывляюсь.
„Я возный, —а процесъ сей хочу самъ програть
„И буду всимъ Петру й Натальци помагать [1]).
„Теперь я въ васъ Дружко. Готовтеся-жъ до шлюбу,
Петру овець я зъ шисть дамъ молодій на шубу“.
Тутъ вси на радощахъ—ажъ плакать почалы,
Що въ Возномъ такого добродія знайшлы,—
Якъ батька ридного.—Ой! гарный це Добродій!...
Багацько ще колысь Петру винъ вчыныть шкоды.
Эй Петре!—брать не квапсь одъ Возного овець.
Побачишь самъ, зъ сіого, що выйде за конець.

Ну!—що-жъ на решти?—Вже загралы и музыкы,
Весилле почалось—и бенькетъ бувъ велыкій.
Сусиды тишылысь,—вси былы тропака,
Що Терпылышына просваталась дочка.
Одна Наталка щось [2]),—якъ нибы на похмилле,
Съ пидлобья дывытьця—не мыле ій весилле.
Сумуе, зблидла вся, повисыла и нисъ.

---

[1]) *Вар.*: Безъ пошлинъ за Петра Наталку отказать.

[2]) *Вар.*: лышь.

Чого-жъ вона це пакъ маркотна ажъ до слизъ?
Эге!—чого?—Пытай!—про те вона то знае.
Вышнивкы не було?—а хто-жъ іого вгадае!
А може й не того?—Згадать не латва ричь,
Що варытьця въ горшку,—хыба полизты въ пичь.
Ій стало жаль Попа!—Прощайсь винъ зъ бородою,
Щобъ въ друге не винчавъ [1]) винъ брата изъ сестрою.
На решти вже щобъ тамъ такее не було,
Та губы молодій щось дуже надуло.

А мы соби ще разъ вернимося до казкы.
Тамъ нисенитныць тьма!—тамъ письни все, та пляски!
Стара, дочка, Петро и Возный—вси ревуть,
Единъ по едному,—якъ ты жмели гудуть.
Та письни-жъ всякому прыточени до шмыгы,
Якъ нибы на верби поростыкавъ хто фыгы.
До сватанья,—то вси спивалы писеньки.
По шлюби-жъ ни одынъ, помовклы мовъ пеньки.
Мовъ першъ тоби ввесь медъ уперлы у капусту,
А потимъ въ шулыки свыныну клалы тлусту.
Це правда! билая!—якъ заткало въ кагли,
Або та,—що верзуть бувае москали.

Брехунъ брехавъ брехню, чортъ ма еи чимъ змирыть;
А я перебрехавъ коротче—щобъ повирыть.
Нехай! Колысь потимъ, якъ буду маты часъ,
То я утну брехню гарнишчую для васъ.
Я вамъ, Добродію!—скажу такую казку,—
Якъ визъ переробывсь чумацкій на каляску.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) *Вар.*: За те, що повинчавъ.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

XI.

1787 г.—Отъ Мценска.

Путешествіе Императрицы изъ Орла продолжалось черезъ село Ивановское и Желѣзницу до города Мценска, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ; до Мценска провожали Императрицу правитель Орловскаго намѣстничества Неплюевъ, губернскій и уѣздный предводители дворянства. Карета императрицы была окружена дворянами, ѣхавшими верхами, а передъ каретою скакали верхами-же почтмейстеръ Орловскаго уѣзда и 6 почтальоновъ.

Въ Мценскъ Императрица прибыла около 7 ч. вечера 18 іюня; при въѣздѣ въ городъ, стоявшіе въ строю два баталіона Лифляндскаго егерскаго корпуса отдали честь ружьемъ; въ городѣ производилась пушечная пальба и колокольный звонъ.

У самаго въѣзда въ городъ встрѣтилъ генералъ-аншефъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменской, съ прочимъ генералитетомъ и съ штабъ-офицерами, потомъ, у тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ на городской землѣ, встрѣтили городничій, градской голова съ первостатейнымъ купечествомъ и стояли присутствующіе городоваго магистрата и цеховые съ ихъ управными значками.

У дома, приготовленнаго для Высочайшаго пребыванія, встрѣтили: гофмаршалъ и правитель губерніи Орловской съ

[1] См. „Кіевская Старина“ 1892 г., № 3.

гражданскими чиновниками, и тутъ Ея Величеству поднесли хлѣбъ и соль: мценское купечество на серебряномъ, продолговатомъ блюдѣ, съ серебряною рѣзною солонкою со вкладкою синяго стекла. Вечеромъ Императрица играла въ карты съ приглашенными къ ея столу: съ оберъ-камергеромъ Шуваловымъ, графомъ Сегюромъ и великобританскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ.

Съ вечера и за полночь предъ домомъ, гдѣ пребывала Императрица, иллюминованъ былъ щитъ и весь городъ освѣщенъ былъ огнями.

На другой день, 19-го іюня, въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ и при колокольномъ звонѣ выѣхала изъ города. Путешествіе продолжалось чрезъ постоялые дворы *Шушлинскіе,* 28 верстъ, до назначенной для обѣденнаго стола станціи въ *Большое Скуратово*; не доѣзжая до оной 15 верстъ, близъ Шушлинскихъ постоялыхъ дворовъ, на губернской Тульскаго намѣстничества межѣ, встрѣтили правящій должность генералъ-губернатора калужскаго и тульскаго генералъ-поручикъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, правитель намѣстничества генералъ-поручикъ Иванъ Александровичъ Заборовскій и губернскій предводитель тульскаго дворянства генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ съ предводителями уѣздныхъ ближнихъ городовъ и дворянами обоего пола. Тутъ Императрица вышла изъ кареты и во время перемѣны лошадей зашла въ построенный дворецъ и здѣсь жаловала къ рукѣ встрѣтившихъ Тульскаго намѣстничества правителей, начальниковъ и губернскаго предводителя съ дворянами, потомъ, въ сопровожденіи тульскихъ дворянъ въ 1-мъ часу по полудни прибыла въ село Большое Скуратово, гдѣ Государыню встрѣтили: гофмаршалъ и Тульскаго намѣстничества правители, начальники съ дворянствомъ и купечествомъ, причемъ отъ бѣлевскихъ купцовъ поднесено хлѣбъ и соль на серебряномъ большомъ продолговатомъ золоченомъ блюдѣ съ серебряною золоченою на пьедесталѣ, хорошо выработанною, солонкою, также разные фрукты на пяти фафоровыхъ блюдахъ и живыя стерляди.

Послѣ обѣда, въ 2 часа по полудни, путешествіе продолжалось чрезъ *Малое Скуратово* и село *Серіевское* 60 верстъ, до назначенной для ночлега станціи въ село Лопатково, принадлежащее армянину надворному совѣтнику Ивану Лазареву, куда прибыли въ исходѣ 7-го часа вечера.

Вечеръ Императрица провела предъ внутренними покоями, до 9-го часа забавлялась въ карты съ оберъ-камергеромъ Шуваловымъ и министрами графомъ Кобенцелемъ и Фицъ-Гербертомъ. Съ вечера предъ домомъ горѣла иллюминація.

20-го іюня, въ воскресенье, при восторженныхъ крикахъ крестьянъ, столпившихся около помѣщичьяго дома, Императрица пѣшкомъ прошла въ деревенскую церковь, выслушала литургію и черезъ станцію Калѣну выѣхала въ Тулу.

За двѣ версты до города Ее встрѣтили: генералъ-губернаторъ Калужскаго и Тульскаго намѣстничествъ генералъ-поручикъ Кречетниковъ, губернскій предводитель генералъ-поручикъ Давыдовъ съ уѣздными предводителями и дворянами. При пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, сопровождаемый эскадрономъ Ямбургскаго карабинернаго полка, Императорскій поѣздъ вступилъ въ городъ; въ предмѣстьи встрѣчали оружейники съ значками ихъ цѣховъ, а у тріумфальныхъ воротъ ожидали присутствующіе губернскаго и городоваго магистрата, купечество, мѣщанство; у дома народнаго училища и у дома воспитательнаго выведены были ученики, а съ ними учители, надзиратели и надзирательницы; у судебныхъ мѣстъ стояли присутствующіе и канцелярскіе служители.—Когда Императрица проѣзжала черезъ крѣпость, у собора Успенскаго встрѣтилъ со крестомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря архимандритъ Павелъ съ прочимъ духовенствомъ. Императрица прикладывалась ко кресту, сидя въ каретѣ. Въ 2 часа дня Императрица прибыла во дворецъ, и здѣсь въ передней комнатѣ тульскіе и калужскіе купцы поднесли ей хлѣбъ и соль на фарфоровомъ блюдѣ, и на пяти-же фарфоровыхъ круглыхъ блюдахъ разные фрукты.

Столъ Императорскій былъ изготовленъ на 32 куверта; къ столу были приглашены: Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ,

Иванъ Александровичъ Заборовскій, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, калужскій губернаторъ Петръ Степановичъ Протасовъ и многіе дворяне.

Послѣ стола Императрица ѣздила въ двухмѣстной каретѣ осматривать арсеналъ, а вечеромъ была въ городскомъ театрѣ, гдѣ представлена была русская комедія „*Хвастунъ*“. Актерами были воспитанники и воспитанницы московскіе.

Вечеромъ иллюминація, — описанная въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ:

„Съ вечера предъ домомъ Высочайшаго пребыванія, по другую сторону имѣвшагося пруда, горѣла порядочно устроенная иллюминація, притомъ крѣпость, на оной башни и у церквей колокольни всѣ освѣщены были огнями, равно въ городѣ дома, какъ казенные, такъ и партикулярные были-же иллюминованы и въ то-же время, съ 9 до 12 часовъ ночи, по пруду, что передъ домомъ Ея Величества, на водѣ ходила устроенная и ельникомъ убранная пирамида, которая вся была освѣщена огнями и на которой поперемѣнно играла духовая музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ и, какъ тихая музыка, такъ и подобное тому пѣніе, довольно пріятно было къ слушанію всѣхъ зрителей“. (Камеръ-Фурьерскій журналъ. Путешествіе 1787 г.).

Современникъ и очевидецъ пребыванія Императрицы въ Тулѣ Болотовъ (см. Р. Старина 1873. Февраль) оставилъ намъ любопытный разсказъ:

Въ Тулѣ въ маѣ мѣсяцѣ начали еще приготовленія. Небольшой каменный домъ, на оружейномъ заводѣ, въ которомъ жилъ обыкновенно намѣстникъ, перестраивали—его увеличивали пристройками.

Въ началѣ іюня начали съѣзжаться дворяне тульскіе въ Тулу—съ женами и дѣтьми видѣть Матушку-Царицу. — Дамы шили себѣ алыя русскія шелковыя платья подъ цвѣтъ тульскаго мундира. — Намѣстникъ за нѣсколько дней уѣхалъ на встрѣчу Императрицѣ; жители толпились по улицамъ, смотрѣли передѣланный вновь дворецъ, церемоніальный разводъ смѣны караула, пробныя иллюминаціи противъ дворца, за каналомъ, подлѣ крѣпости, приготовленіе къ серенадѣ. Два нарочитой величины

плоскодонныя судна, иллюминованныя, съ насаженными въ нихъ пѣвчими и музыкантами, поющими пріятные гимны, сочиненные нарочно для сего случая, разъѣзжали, тихо будучи тянуты канатами взадъ и впередъ мимо дворца, по широкому каналу, а весь народъ, которымъ оба берега канала сего были унизаны, любовался симъ зрѣлищемъ.

Въ ночь подъ 20-е іюня пріѣхалъ намѣстникъ для сдѣланія распоряженій къ встрѣчѣ Императрицы въ тотъ день. — Утро было прекрасное, лѣтнее, свѣтлое и тихое. По всей Тулѣ поднялась скачка каретъ и колясокъ и бѣганіе взадъ и впередъ народа. Въ 12 ч. утра раздалась за городомъ пушечная пальба, возвѣщавшая приближеніе Высочайшаго поѣзда.—Наконецъ появились кареты,—вотъ и Императорская шестимѣстная.—Дамы ждутъ съ нетерпѣніемъ въ соборѣ—и Она обманула ихъ ожиданія. Остановившись на секунду противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только передъ вынесеннымъ къ Ней архимандритомъ крестомъ и приказала тотчасъ продолжать путь свой ко дворцу (стр. 152). Дамы всѣ съ большимъ неудовольствіемъ разъѣхались по домамъ.

Всѣ утѣшались, что увидятъ Императрицу въ театрѣ. — Дѣйствительно, вечеромъ Императрица пріѣхала въ театръ со своею свитою, едва успѣло собраться тамъ все дворянство. Минута вшествія Ея, разсказываетъ очевидецъ, (Болотовъ, стр. 152),—была восхитительная для всѣхъ...

На другой день назначенъ былъ въ залѣ дворянскаго собранія балъ, гдѣ надѣялись еще разъ видѣть близко Императрицу.

21-го іюня весь день Императрица пробыла въ Тулѣ; по утру, при выходѣ въ залу въ сопровожденіи свиты, Императрицѣ говорилъ привѣтственную рѣчь сперва ученый архимандритъ Павелъ; рѣчь была не длинная, продолжалась двѣ или три минуты; не успѣла приложиться Императрица ко кресту и образу, поднесенному архимандритомъ, какъ началъ рѣчь губернскій предводитель. Потомъ намѣстникъ подвелъ Болотова съ рисунками и ландкартами. „Не успѣлъ я, преклонившись, — разсказываетъ Болотовъ,—поднесть книги свои къ Государынѣ, какъ

кто-то изъ ея придворныхъ схватилъ всѣ оныя у меня изъ рукъ и я съ тѣхъ поръ ихъ не видѣлъ, ибо онъ въ мигъ скрылся съ ними за народомъ, а куда онъ ихъ понесъ, я того не могъ уже никакъ видѣть, ибо въ самый тотъ моментъ и стали подходить къ Государынѣ наши градоначальники и судьи, а за ними и все дворянство къ рукѣ" (стр. 158). Потомъ Императрица, предшествуемая намѣстникомъ, пошла смотрѣть оружейный заводъ. Вся толпа послѣдовала за Императрицею, всѣ старались ближе видѣть Матушку, но рѣдкимъ удавалось это счастье,—Императрица постоянно окружена была лицами своей свиты. — Съ завода Императрица возвратилась въ свои покои,—всѣ разъѣхались.

Вечеромъ вся тульская публика съѣхалась въ залу дворянскаго собранія на балъ; съ нетерпѣніемъ ожидали Императрицу. „Ѣдетъ, ѣдетъ!" — раздалось въ толпѣ. Началась суета, толканіе. Всякому хотѣлось стать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали вшествіе пріѣзжихъ въ сѣни. Загремѣла музыка, растворились двери... Всѣ были поражены: вмѣсто Государыни намѣстникъ велъ камеръ-фрейлину Анну Степановну Протасову, а за ними кавалеры и дамы изъ свиты Императорской. Войдя въ залу, они пошли танцовать большой длинной польской. Начались разспросы: „гдѣ-жъ и что-жъ Государыня-то?—Развѣ она не изволитъ быть?"—Узнали, что Императрица по причинѣ усталости и небольшого недомоганья отмѣнила свое посѣщеніе. Но вскорѣ услышали, что не усталость и нездоровье были причиною непосѣщенія Императрицею бала, а что за часъ до бала пріѣхалъ курьеръ отъ Потемкина и привезъ какія-то важныя извѣстія.— Это было извѣстіе объ объявленіи намъ войны Турціею.

На другой день Императрица выѣхала въ Москву, гдѣ ожидалъ Ея возвращенія изъ путешествія великій князь.

Г. В. Есиповъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Гора, на которой нынѣ стоитъ памятникъ св. Владиміру, какъ разъ тогда обдѣлывалась, но весьма неудачно: каждую весну дернъ сползалъ внизъ, и опять принимались за работу. По Андреевскому спуску находился одно-этажный каменный домъ Муравьева, оставившаго описаніе путешествія по святымъ мѣстамъ. Ниже въ оврагѣ шла улица въ особую часть города, называемую Кожемяки и состоявшую изъ деревянныхъ домиковъ. Отъ Подола къ Кирилловской больницѣ умалишенныхъ тянулись деревянные дома Оболони. За Лыбедью поднималась въ гору митрополичья роща съ двухъ-этажнымъ маленькимъ, узенькимъ каменнымъ домикомъ[2]). Въ немъ никто не жилъ ни зимою, ни лѣтомъ. Находился только при немъ въ видѣ сторожа старичекъ, лаврскій послушникъ. Каждый годъ перваго мая въ этой рощѣ происходило съ ранняго утра и до другаго утра народное гулянье. Продавалась водка, пиво, сбитень, чай, каленые орѣхи, изюмъ, яблоки и другія сласти. Народъ пьянствовалъ цѣлыя сутки, и часто происходили здѣсь серьезныя драки со множествомъ раненныхъ. Въ 4 часа по полудни на бѣлой лошади со свитой и нѣсколькими козаками появлялся генералъ-губернаторъ и за нимъ вся знать въ экипажахъ и на лошадяхъ. Вечеромъ генералъ-губернаторъ, знать и средній

---

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 4.

[2]) Теперь роща эта принадлежитъ Кадетскому корпусу.—Ред.

купеческій и чиновничій классъ возвращались въ городъ. Мастеровые, мѣщане и простой народъ изъ окрестностей только еще начинали разгуливаться. Встрѣчались и разгульные студенты, и купеческіе сынки, и молодые чиновники. Въ глубинѣ рощицы можно было натолкнуться на нескромныя сцены; слышались неприличныя пѣсни и шутки. Передъ разсвѣтомъ по дорогѣ въ Кіевъ, и въ рощѣ, и по оврагамъ, валялись сотни спящихъ и мертвецки пьяныхъ, большею частью полураздѣтыхъ или до-нага раздѣтыхъ жуликами. Особенно много валялось совсѣмъ нагихъ, и пожилыхъ, и молодыхъ, женщинъ и дѣвокъ. На слѣдующій день всѣ части наполнены были буянами обоего пола, подобранными полиціею въ теченіе ночи, а также ограбленными до нага. По вытрезвленіи они получали начальническое внушеніе въ видѣ десятковъ и сотенъ розогъ и отпускались по домамъ; а болѣе виновные, сверхъ того, наряжались мести улицы. Кромѣ этого веселаго и разгульнаго праздника, народъ десятками тысячъ, сдерживаемый полиціей, жандармами и войсками, присутствовалъ ежегодно на крестномъ ходѣ митрополита со всѣмъ духовенствомъ изъ Братскаго монастыря на Іордань—на Днѣпръ. За шествіемъ слѣдовали экипажи кіевской знати и въ числѣ ихъ карета съ людьми въ придворной красной ливреѣ фрейлины, графини М.

Графиня М. имѣла свой домъ въ Липкахъ; сынъ ея, тупой, здоровенный блондинъ, посѣщалъ лекціи естественнаго факультета. Была ли она бѣдна, или ужъ такова была ея натура, но о ней разсказывали слѣдующее. Жила она въ кругу знати, въ обществѣ графини Растопчиной, Судіенка, Ризнича и другихъ. Кто-то изъ этихъ богачей выдавалъ дочь замужъ; осматривали приданное, разложенное на столѣ въ особой комнатѣ. Замѣчено было, что графиня М. нѣсколько разъ любовалась брилльянтовымъ уборомъ: серьгами, діадемой, колье, браслетами и перстнемъ съ солитеромъ—цѣною въ нѣсколько тысячъ рублей. Послѣ разъѣзда гостей исчезъ солитеръ и серьги. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Бибикова, онъ призвалъ одного ловкаго сыщика и объявилъ ему, что если тотъ отыщетъ пропажу, то получитъ 1000 рублей, если же пропажи

не обнаружитъ, а только произведетъ скандалъ, то попадетъ въ Сибирь. При этомъ намекнулъ, что особенно часто этими драгоцѣнностями любовалась графиня М. Сыщикъ переодѣлся въ костюмъ лакея и сталъ посѣщать лавочку съ мелочами и сластями, которую часто въ отсутствіе графини посѣщала ея довѣренная камеристка, ища развлеченія въ обществѣ другихъ горничныхъ и лакеевъ. Сыщикъ былъ ловокъ, красивъ и не безъ юмора. Онъ сталъ тѣшить всю компанію, и горничныя въ немъ души не чаяли. Влюбилась въ него и камеристка графини. Замѣтивъ это, онъ объяснился ей въ любви и выразилъ желаніе обвѣнчаться съ нею. Начались любовныя свиданія и откровенности, и камеристка, между прочимъ, разсказала ему, что до упомянутой выше свадьбы шкатулка съ украшеніями графини была у нея на рукахъ; но съ вечера свадьбы графиня забрала шкатулку въ спальню къ себѣ, у себя хранитъ ключъ, и когда вынимаетъ или прячетъ вещи, то ее высылаетъ изъ спальни и дверь запираетъ на замокъ. Сыщикъ рѣшилъ, что тамъ-то именно и находятся украденныя драгоцѣнности. Взявши съ собою четырехъ десятскихъ и поставивъ ихъ вблизи дома графини, онъ попросилъ камеристку доложить о немъ, а самъ тутъ же спрятался за портьерой. Графиня закричала, что она не имѣетъ дѣла съ полиціею, знать не хочетъ ея агентовъ, и пусть пришедшій убирается къ чорту, иначе она отошлетъ его къ Бибикову. Крича, графиня поднялась и хотѣла выскользнуть въ спальню. Агентъ моментально выскочилъ изъ-за портьеры, загородилъ ей дорогу и объявилъ, что арестуетъ ее и произведетъ во всемъ домѣ обыскъ, если она добровольно не отдастъ исчезнувшихъ серегъ и солитера. Графиня еще пуще раскричалась: „кто смѣетъ ее арестовать? какая-нибудь пьяная полицейская сволочь! Она его упрячетъ въ Сибирь! Она сейчасъ напишетъ записку къ Бибикову, пусть онъ самъ пріѣдетъ и полюбуется на свою полицію!“ Сыщикъ хладнокровно объявилъ ей, что серьги и солитеръ у нея въ шкатулкѣ, а шкатулка находится въ спальнѣ въ такомъ-то мѣстѣ; и что онъ сейчасъ ихъ отыщетъ въ присутствіи понятыхъ и десятскихъ, которые ждутъ его распоряженія у крыльца.

Графиня смирилась, повела его въ спальню, отперла шкатулку, отдала ему серьги и солитеръ и дала еще сто рублей. Агентъ раскланялся и ушелъ къ Бибикову, который отсчиталъ ему 1000 рублей и предложилъ повышеніе въ полиціи, а съ графиней видѣлся въ тотъ же вечеръ, кушалъ у нея чай; разстались весьма любезно. Но на третій день она совсѣмъ уѣхала изъ Кіева и сына опредѣлила въ Петербургскій университетъ.

Крѣпость Кіевская только съ 1848 г. стала расширяться и охватила Никольскіе ряды. Зданіе университета было единственнымъ капитальнымъ зданіемъ въ Кіевѣ. Оно обошлось казнѣ, если не ошибаюсь, въ 2 милліона слишкомъ рублей. Строилъ его профессоръ университета, архитекторъ Б. Онъ въ то же время построилъ себѣ два хорошіе дома: одинъ на Крещатикѣ, ниже жандармскихъ казармъ, другой на Старомъ Кіевѣ, подлѣ церкви св. Ирины. Говорили, что онъ составилъ себѣ порядочное состояніе.

Студенты Кіевскаго Университета съ самаго его основанія были въ большинствѣ поляки юго-западнаго и сѣверо-западнаго края и ополяченные дѣти русскихъ чиновниковъ изъ тѣхъ же мѣстностей. Меньшинство составляли малороссы. Ополяченіе русскихъ въ означенныхъ краяхъ простиралось до того, что не только въ тѣхъ русскихъ домахъ, гдѣ матери были католички-шляхтянки, но даже и въ семьяхъ, прибывшихъ изъ Малороссіи или Россіи, домашнимъ разговорнымъ языкомъ былъ языкъ польскій; православная прислуга тоже говорила по польски. Костелы православными дамами посѣщались чаще, чѣмъ церкви. Ловкіе ксендзы во всѣхъ русскихъ домахъ были, какъ у себя дома; вели любовныя интрижки и посредствомъ русскихъ дамъ медленно, но неустанно вели трудную работу воздвиженія фундаментовъ будущаго королевства польскаго отъ моря и до моря и торжества католицизма. Въ городахъ, даже въ селеніяхъ, гдѣ довольно оказывалось католиковъ, православныя, вышедшія за католиковъ, начинали посѣщать костелы; дѣтей отъ такихъ браковъ, не смотря на законъ, крестили

ксендзы. Польскій панъ и польскій ксендзъ были сила, передъ которою по распущенности, глупости или изъ корысти преклонялось все русское чиновничество. Притомъ даже послѣ бунта 1830—31 годовъ всѣ вліятельныя мѣста по разнымъ вѣдомствамъ наполнены были способными и ловкими поляками, втиснутыми на эти мѣста съ обдуманнымъ выборомъ панами. Для полученія мѣстъ или повышеній и русскимъ приходилось искать протекціи пановъ, которой удостоивались только „dobrze myślący“. Русское православное духовенство было въ пренебреженіи; паны и чиновники, и польскіе, и русскіе, смѣялись надъ его бѣдностью, необразованностью и жадностью, надъ его мужичествомъ. Сплошное русское православное сельское населеніе именовалось „bydłem“ и изнемогало подъ панщиной, которая имѣла мѣсто даже въ годовые праздники, и канчуками экономовъ. Непокорныхъ панъ отдавалъ въ солдаты, выселялъ въ Сибирь, продавалъ, проигрывалъ въ карты и даже обмѣнивалъ на собакъ и лошадей. Всѣ суды были въ рукахъ пановъ, а всѣ судьи — поляки-паны. Всѣ дѣла съ быдломъ рѣшались въ пользу пановъ. Для быдла не существовало никакой защиты. Но быдло все таки, за немногими исключеніями, перенося и панщину, и всевозможныя истязанія, оставалось и русскимъ, и православнымъ. Нужно признаться, что въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ чиновничество вообще—и въ томъ числѣ и русское—не мало содѣйствовало подготовкѣ къ возстанію 1863 года. Каждый ксендзъ-пробощъ владѣлъ населенною православнымъ быдломъ деревнею. Когда эти деревни были впослѣдствіи отняты у ксендзовъ и замѣнены жалованьемъ отъ правительства, въ ксендзовкахъ не оказалось уже православнаго быдла: все оно совратилось въ католицизмъ и приняло названіе шляхты. Д. Г. Бибиковъ, оказалъ услугу Россіи, что не давалъ большой воли польскимъ панамъ и ксендзамъ и ввелъ инвентари, по которымъ русское быдло должно было отбывать панщину (барщину) вмѣсто семи только три дня въ недѣлю; хотя за составленіе инвентарей въ пользу Писарева, правителя канцеляріи Би-

бикова, взыскано было не съ пановъ, а съ быдла 6000 руб. сер.

Сильно ополячивали русскихъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, существовавшихъ въ юго-западномъ краѣ. До исторіи студента Гордона и до ареста Конарскаго, директора, смотрители училищъ (prefecty) были большею частью поляки, равно какъ и большинство учителей, даже русскій языкъ читали поляки. Напримѣръ, префектомъ Немировскаго 4-хъ класснаго уѣзднаго училища былъ полякъ Миладовскій; математику преподавалъ полякъ Осечковскій, латинскій языкъ—полякъ Чарнецкій, французскій языкъ — католикъ французъ Феранъ, нѣмецкій языкъ—полякъ Грудзинскій; латинскій и русскій—полякъ Булгаровскій, рисованіе и чистописаніе—полякъ Гонзаль. Врачемъ былъ полякъ Поповскій, участвовавшій въ мятежѣ 1831 года. Законъ Божій католикамъ преподавалъ ксендзъ Антониковскій, который былъ главнымъ распорядителемъ въ училищѣ и носилъ собственно названіе префекта, а Миладовскій, не знаю почему, именовался директоромъ. Учитель приходскаго училища тоже былъ полякъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ собственныхъ домахъ содержалъ многолюдную ученическую квартиру, которой считался и надзирателемъ. Географію преподавали сначала тѣ-же поляки, а потомъ пріѣхалъ малороссъ Мокіевскій. Законоучителя православнаго я по фамиліи не помню. Онъ былъ какой-то чахоточный злюка и въ гимназію никогда не являлся, даже экзаменовалъ у себя на квартирѣ, возлѣ каменной церкви. Все преподаваніе его заключалось въ томъ, что онъ, безъ всякаго объясненія, приказывалъ выучить столько-то параграфовъ учебника и въ слѣдующій разъ по учебнику прослушивалъ. Если кто не вызубрилъ отъ слова до слова, того вздувалъ линейками. Такъ какъ православныхъ было немного, то весь урокъ оканчивался въ четверть часа; остальное время ученики шалили возлѣ церкви или шлялись по городу. Къ нему нужно было ходить во всѣ времена года, даже по грязи, доходившей до пояса. Когда въ такомъ видѣ къ нему являлись православные ученики, то на встрѣчу имъ онъ выскакивалъ въ сѣни со словами: „такихъ запачканныхъ свиней я въ чистую горницу не пускаю. Выучите

далѣе столько-то параграфовъ, и сейчасъ вонъ въ училище, а то загадите мнѣ и сѣни". Не только ученики между собою въ училищѣ, но и съ учителями разговаривали исключительно по польски, хотя преподаваніе происходило по русскимъ учебникамъ, и польскій языкъ вовсе не преподавался, какъ отдѣльный предметъ (онъ введенъ былъ во всѣ учебныя заведенія только передъ возстаніемъ 1863 года, по ходатайству генералъ-губернатора кн. Васильчикова). На ученическихъ квартирахъ, помѣщавшихся у учителей-поляковъ и у частныхъ лицъ, исключительно употреблялся въ разговорѣ польскій языкъ. Большими частными квартирами руководили dozorcy (надзиратели) изъ воспитанниковъ бывшаго виленскаго университета и кременецкаго лицея. Все это были люди дѣйствительно знающіе и образованные. Они прекрасно репетировали съ учениками и, сверхъ того, желающимъ за особое вознагражденіе преподавали французскій языкъ. За репетиторство отъ каждаго ученика была установлена плата, которая вносилась директору Миладовскому, а онъ помѣсячно въ видѣ жалованья выплачивалъ репетиторамъ. Эти репетиторы-надзиратели исполняли по очереди надзирательскія обязанности въ училищѣ, получая вознагражденіе изъ остаточныхъ суммъ училища. Всѣ они перебывали въ польскомъ возстаніи 1831 г. и воспитывали ввѣренныхъ имъ дѣтей въ исключительности польскаго патріотизма. Между ними особенно помнятся мнѣ весьма знающіе люди: Кульчицкій, Чернякъ, д'Артузи. И учителя, и репетиторы, и ученики поляки отзывались съ презрѣніемъ обо всемъ русскомъ и православномъ и всѣхъ русскихъ называли мужиками. Нужно отдать справедливость Миладовскому и составу учителей-поляковъ и дозорцевъ, что они преподавали недурно и гуманно обращались съ дѣтьми, въ томъ числѣ и съ русскими. Неуспѣвавшихъ старались развить репетиціями и обращеніемъ къ ихъ самолюбію, и за неуспѣшность, кромѣ оставленія на второй годъ въ одномъ классѣ, другихъ наказаній не было. За шалости, только крупныя, наказывалъ плеткой собственноручно самъ Миладовскій, и притомъ наказанія эти бывали весьма рѣдки. Ученика никто не держалъ, его не обнажали, не поднимали даже сюртука и не клали на

табуретъ или скамью. Миладовскій бралъ его за руку и стоящаго ударялъ два или три раза по педагогической части, по сюртуку и затѣмъ стыдилъ его, что онъ сѣченый, стыдилъ и классъ, среди котораго отыскалась личность, доведшая себя до такого позорнаго наказанія. Неужели они необразованные, грубые мужики, что не могутъ обойтись безъ плети; товарищамъ всегда возможно предупредить преступную шалость. Виновныхъ въ воровствѣ отдавали родителямъ на извѣстное время на исправленіе, главнымъ образомъ потому, что вору не было возможности жить между товарищами; презрѣніемъ и преслѣдованіемъ они могли бы на первыхъ порахъ довести его до самоубійства.

Братъ Гордона, бывшаго главнымъ руководителемъ польской политической затѣи въ Кіевскомъ Университетѣ, учился во 2-мъ классѣ Немировскаго дворянскаго уѣзднаго училища. Ему было не болѣе 11 или 12 лѣтъ. Вотъ въ одно утро на первый утренній урокъ явился во 2-й классъ попечитель кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке и сейчасъ спросилъ ученика Гордона. Разспрашивалъ, переписывается ли онъ съ братомъ и хорошо ли учится. Оказалось, что братъ никогда къ нему прямо не пишетъ, а кланяется ему и разспрашиваетъ о его поведеніи и успѣхахъ въ письмахъ къ родителямъ. Миладовскій засвидѣтельствовалъ, что Гордонъ весьма способный, развитой ученикъ и по успѣхамъ и поведенію считается въ классѣ, въ которомъ 125 учащихся, однимъ изъ первыхъ. Этимъ дѣло кончилось. Вѣроятно, на основаніи данныхъ слѣдственной коммиссіи въ Кіевѣ, явился вскорѣ на ревизію въ Немировъ профессоръ юридическихъ наукъ Ѳедотовъ. Пріѣхалъ онъ во время классовъ и произвелъ осмотръ вещей, бѣлья и учебныхъ пособій въ нѣсколькихъ ученическихъ квартирахъ. Затѣмъ вызваны были изъ классовъ два взрослыхъ ученика,—въ томъ числѣ Ордынскій, отданный въ солдаты,—4-го класса, одинъ взрослый третьяго и мальчикъ лѣтъ 12 второго, Гумницкій, сынъ помѣщика селенія Крапивна. Эти ученики уже въ классы не возвращались. Гумницкій и затѣмъ Гордонъ послѣ допроса стосланы были къ родителямъ, а три взрослыхъ увезены въ Кіевъ.

Послѣ вакаціоннаго времени училище было преобразовано въ гимназію. Весь прежній штатъ уволенъ, за исключеніемъ учителя Чарнецкаго. Директоромъ назначенъ былъ Кульжинскій, инспекторомъ Орда, а учителями явились на первыхъ порахъ семинаристы. Ополяченіе продолжалось и при русскомъ семинарскомъ режимѣ, и польскій языкъ до 1863 года продолжалъ быть единственнымъ разговорнымъ языкомъ учениковъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, и на квартирахъ. Иные русскіе православные студенты въ университетѣ большо льнули къ кружку студентовъ поляковъ, хотя безпрестанно занимавшихся своей польской политикой объ освобожденіи Польши, но большею частью прилично державшихъ себя, исправно посѣщавшихъ лекціи и усердно занимавшихся наукой,—чѣмъ къ кружку своихъ заднѣпровскихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и поповичей.

Въ послѣднемъ кружкѣ было много способныхъ и даже хорошо подготовленныхъ къ слушанію университетскаго курса молодыхъ людей, получившихъ хорошія начала у польскихъ учителей древнихъ языковъ, такъ какъ эти должности и за Днѣпромъ занимали поляки. Но этотъ кружокъ выдѣлялъ изъ себя много молодежи, страшно буйной, грубой, безнравственной, предававшейся грубому разврату, пьянству и творившей безпрестанные скандалы. Къ этой молодежи прильнуло и нѣсколько поляковъ, влекомыхъ къ такому образу жизни врожденными инстинктами.

Былъ еще кружокъ аристократическій, состоявшій изъ русскихъ и нѣсколькихъ поляковъ, который весь записался на 2-е естественное отдѣленіе философскаго факультета, весьма рѣдко посѣщалъ лекціи, участвовалъ во всѣхъ балахъ, вечерахъ, концертахъ, спектакляхъ, маскарадахъ; проводилъ ночи въ карточной игрѣ и кутежѣ съ кокотками. Во главѣ этого кружка стоялъ племянникъ Бибикова богачъ С—нъ. Бибиковъ былъ опекуномъ его 4000 душъ и капиталовъ и позволялъ ему кутить сколько угодно. Къ этому кружку примыкали и упомянутый уже графъ М., Р—чъ и С—ко, и свѣтлѣйшій князь Л—нъ. Но послѣднему участвовать въ кутежахъ не позволялъ гувернеръ, бывшій при немъ безотлучно, сопровождавшій его

даже въ университетъ на лекціи и просиживавшій на скамейкѣ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ. Въ этомъ же кружкѣ состоялъ сынъ не очень состоятельнаго помѣщика кіевской губерніи полякъ К—скій, знаменитый кіевскій танцоръ, поддерживавшій свои рессурсы счастливою игрою въ карты. Были еще два брата, князья Гедройцы, очень богатые, изъ сѣверозападнаго края; но они не водились съ аристократическимъ кружкомъ, а пристали къ шляхетскому политикующему польскому кружку, который часто цѣлыми десятками собирался въ ихъ обширной квартирѣ по вечерамъ, гдѣ, разумѣется, шли трактаты о политикѣ, и читались запрещенныя сочиненія. Гедройцы внѣ лекцій, особенно по вечерамъ, ходили въ нагольныхъ тулупчикахъ или въ свиткахъ и въ этихъ костюмахъ посѣщали театръ, всегда исключительно помѣщаясь въ райкѣ вмѣстѣ съ братьей шляхтой. При ихъ помощи и руководствѣ для образованія польской молодежи учреждена была очень богатая секретная студенческая библіотека, состоявшая изъ собранія сочиненій лучшихъ польскихъ писателей заграничнаго изданія, запрещенныхъ сочиненій политическаго и соціальнаго содержанія, такихъ же брошюръ и капитальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ университетскаго образованія. Въ университетѣ находился еще настоящій аристократъ князь Коріатовичъ-Курцевичъ; но онъ былъ до такой степени пригнетенъ бѣдностью, что не только не связывался съ кружкомъ аристократовъ, но удалялся и отъ шляхетскаго кружка и спѣшилъ уничтожать конверты отъ писемъ изъ дому, чтобы товарищи не узнали о его громкомъ княжескомъ происхожденіи. Онъ жилъ въ такъ называемомъ штрафгаузѣ, гдѣ болѣе бѣднымъ студентамъ за небольшое вознагражденіе отпускалась пансіонерская пища, а помѣщеніе, освѣщеніе, прислуга, отопленіе и мытье бѣлья давались даромъ.

Въ польскомъ университетскомъ кружкѣ 46, 47, 48 и 49 годовъ, при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ, который такъ строго слѣдилъ за польскими затѣями и пановъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, организовалось все то, что въ 1863 году вывело въ кіевской и волынской губерніи шляхту и пановъ въ

банды. Видную роль въ польскомъ кружкѣ, кромѣ Гедройцевъ, игралъ сынъ учителя верховой ѣзды при университетѣ Ольшанскій, который въ 63 году самъ исполнялъ эту должность и вывелъ изъ Кіева конный вооруженный отрядъ въ 60 человѣкъ, состоявшій исключительно изъ студентовъ университета. Отрядъ этотъ былъ разбитъ, а Ольшанскій пойманъ и повѣшенъ.

Изъ тогдашняго-же кружка университетскаго вышли большею частью тѣ мировые посредники, которые въ 63 году снимали въ селахъ и деревняхъ караулы для пропуска небольшихъ бандъ и одинокихъ повстанцевъ, спѣшившихъ на сборные пункты, тѣ становые пристава и ихъ помощники, а также судебные слѣдователи и акцизные чиновники, тѣ жандармскіе офицеры, которые всякое недоразумѣніе между помѣщиками и крестьянами, между властью и крестьянами, провозглашали бунтами и раздували ихъ до крайности, придавая имъ политическій оттѣнокъ. Они разсчитывали, что вооруженное усмиреніе и сѣченіе на смерть хлоповъ охладитъ преданность послѣднихъ Царю и Россіи, послѣ чего, посредствомъ золотыхъ грамотъ и широкихъ обѣщаній, легко будетъ склонить послѣднихъ идти вмѣстѣ съ поляками драться противъ русскихъ войскъ. А сколько медиковъ, домашнихъ учителей, предводителей дворянства, чиновниковъ разныхъ губернскихъ и даже столичныхъ вѣдомствъ получили закваску въ томъ-же кружкѣ и интриговали повсемѣстно въ Россіи въ пользу независимой Польши отъ моря и до моря! Въ Петербургѣ стали представлять себѣ юго-западный и сѣверо-западный край, населенный испоконъ вѣка сплошною массою русскаго народа, чѣмъ-то кореннымъ польскимъ, отобраннымъ у Польши, гдѣ живутъ хлопы готовые возстать по наущенію злоумышленныхъ людей не только противъ землевладѣльцевъ, но противъ законной русской власти. Событія во Франціи, затѣмъ въ Австріи, Пруссіи и Германіи въ сороковыхъ годахъ не мало тревожили власть. Тутъ уже не одни польскія и якобы малороссійскія затѣи, но врагъ болѣе грозный, охватившій почти всю Европу, стучался въ двери. Кіевскій университетъ, какъ порубежный, обратилъ особенное на себя вниманіе. Генералъ-губернаторъ и попечитель округа

Бибиковъ получилъ чрезвычайныя права въ управляемомъ имъ краѣ. Польскій кружокъ, продолжалъ принимать свои мѣры. Бибиковъ строго сталъ требовать аккуратнаго посѣщенія лекцій и соблюденія формы и чинопочитанія. Поляки все это исполняли съ удивительною точностью. Каждый полякъ имѣлъ всѣ пуговицы на мундирѣ и сюртукѣ, и всѣ они были застегнуты; снимали шапки и прикладывали пальцы къ шляпамъ не только передъ генералами, но чуть-ли не передъ всѣми носившими эполеты. Болѣе зажиточные стали являться уже не въ райкѣ въ театрѣ, а въ креслахъ въ полной формѣ и вели себя вполнѣ прилично. Однажды между ними пронесся слухъ, что студентъ З — цкій подружился въ райкѣ съ какимъ-то пьянымъ русскимъ рабочимъ, который принялъ З — цкаго по костюму и говору тоже за русскаго рабочаго. Они вмѣстѣ вышли изъ театра. Рабочій пригласилъ З — цкаго выпить въ шинкѣ и, окончательно опьянѣвши, дорогою сталъ приглашать его явиться черезъ три дня къ университету рѣзать студентовъ, такъ какъ они поляки — враги Царя и пускаютъ черезъ трубу въ обсерваторіи на Подолъ холеру. А холера тогда сильно свирѣпствовала въ Кіевѣ, особенно на Подолѣ. З—цкій довелъ пьянаго до квартиры и на другой день объявилъ объ этомъ товарищамъ. Его сейчасъ-же нарядили въ мундиръ и съ ассистентами повезли къ Бибикову. Бибиковъ отправилъ З—цкаго переодѣтымъ въ рабочій костюмъ съ полиціймейстеромъ въ квартиру болтавшаго рабочаго. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ вчерашней выпивки, и хотя запирался, но путался въ показаніяхъ. Его арестовали и, кажется, порядкомъ высѣкли. Я думаю, что это—не болѣе, какъ польскій фортель—обратить бдительность власти въ иную сторону и дать ей почувствовать, что жизнь смирныхъ поляковъ виситъ на волоскѣ.

Кромѣ аккуратнаго посѣщеніи университета, соблюденія формы, исправности въ пуговицахъ и чинопочитанія, обращено было строжайшее вниманіе на то, чтобы профессора, особенно исторіи, философіи и словесности, читали свои предметы, строго придерживаясь предписанной программы; не смѣли зарождать въ умахъ слушателей недовѣріе или неуваженіе къ Россіи и

существующему въ Россіи порядку управленія. Профессоръ русской литературы Селинъ, весьма симпатичная личность, владѣвшій безспорно ораторскимъ талантомъ, изощрялъ все свое краснорѣчіе на древнихъ памятникахъ русской литературы, едва скользя по памятникамъ XVIII вѣка и не позволяя себѣ проникать въ XIX столѣтіе. Профессоръ всеобщей исторіи Ставровскій читалъ фактически, по гимназическому, позволяя только себѣ подолѣе останавливаться на безобразіяхъ инквизиціи, индульгенцій, католическихъ монастырей и жизни и дѣяніяхъ папъ (по Ранке), а также щекоталъ нервы своихъ слушателей изображеніемъ гаремной жизни восточныхъ властителей и описаніемъ приготовленія къ брачной ночи дѣвицъ для персидскихъ царей. Орестъ Марковичъ Новицкій прекрасно, толково и ясно излагалъ логику, психологію (онъ издалъ краткія и обширныя руководства этихъ предметовъ) и весьма сжато и сухо исторію философскихъ системъ древняго міра. Еще большею сухостью и туманностью отличалось изложеніе исторіи новыхъ философскихъ системъ Гогоцкаго. Но предполагалось упразднить эту каѳедру въ университетѣ. Старикъ Скворцовъ каѳедральный протоіерей Софійскаго собора, митроносецъ и профессоръ философіи въ духовной академіи, читалъ въ университетѣ богословіе безжизненно и скучно. Половина часовой лекціи проходила въ перекличкѣ, а на лекцію собирались оба отдѣленія философскаго факультета и юридическій факультетъ. Отсутствующимъ ставились *азики*; но такъ какъ Скворцовъ и сквозь очки не видѣлъ хорошо, то часто вмѣсто отсутствующаго *азикъ* приходился присутствующему. На окончательныхъ испытаніяхъ эти *азики* играли большую роль, такъ какъ ими Скворцовъ хотѣлъ конфузить студентовъ, не посѣщавшихъ въ теченіе года его лекцій. Впрочемъ, присутствовавшій всегда на окончательныхъ испытаніяхъ по богословію митрополитъ Филаретъ принималъ сторону сконфуженныхъ, одобрялъ ихъ отвѣты, настаивалъ на хорошихъ отмѣткахъ и заставлялъ Скворцова упрятывать книжицу съ *азиками*. Студентъ Т — бъ, юноша небольшихъ способностей, страшно самолюбивый и честолюбивый, старался всѣми способами выдѣлиться и выдвинуться

среди товарищей; онъ ухаживалъ за всѣми профессорами, и, наконецъ, на исповѣди передъ Пасхою смутилъ бѣднаго старика Скворцова, признавшись въ своемъ невѣріи. Два дня бесѣдовалъ съ нимъ Скворцовъ и къ удовольствію своему сдѣлалъ его опять вѣрующимъ и затѣмъ особенно благосклонно сталъ къ нему относиться, часто приглашая его къ себѣ въ домъ для духовныхъ собесѣдованій. О невѣріи Т—ба и чудномъ скоромъ его обращеніи заговорилъ весь университетъ и городъ. Т—бу только того и нужно было. Онъ сталъ разсказывать и въ глаза говорить Скворцову, что святая молитва его, Скворцова, болѣе на него подѣйствовала, чѣмъ его вполнѣ убѣдительныя доказательства, и что онъ, Т—бъ, имѣлъ затѣмъ сонное видѣніе, которое вполнѣ и навсегда сдѣлало его вѣрующимъ. Этими выходками онъ добился того, что его назначили учителемъ одной изъ кіевскихъ гимназій, чего не удостоивались даже первые изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ. Т—бу никогда не пришло-бы въ голову объявить себя невѣрующимъ, но самъ Скворцовъ подалъ ему эту мысль, опровергая въ аудиторіи положенія Штрауссa, направленныя противъ чудесъ и Божескаго естества Спасителя міра.

Греческихъ и римскихъ классиковъ, исторію литературъ и древностей этихъ народовъ читали ординарные профессора нѣмцы Нейкирхъ и Делленъ. Греческую грамматику первому курсу читалъ адъюнктъ-профессоръ Страшкевичъ. Нейкирхъ былъ страшно сухой и пунктуальный нѣмецъ; чтеніе его отличалось необыкновенною сухостью и почти одной номенклатурой писателей, ихъ сочиненій и предметовъ старины. Чтеніе древностей и литературы греческой происходило на латинскомъ языкѣ; греческихъ классиковъ Нейкирхъ тоже переводилъ на латинскій языкъ. Къ русскимъ объясненіямъ онъ рѣдко прибѣгалъ по той причинѣ, что хотя и изучилъ русскій языкъ грамматически, но въ живомъ разговорѣ боялся передъ аудиторіей сдѣлать ошибку въ удареніи или сочетаніи словъ. Делленъ былъ прямая противоположность Нейкирху—это былъ живой, весьма симпатичный и весьма снисходительный ко всѣмъ человѣкъ, бойко и скоро говорившій по русски, хотя часто съ

ошибками, надъ которыми смѣялся вмѣстѣ съ своей аудиторіей Разъ онъ употребилъ слово *халатъ* вмѣсто *палатка*. Когда ему объяснили различіе этихъ словъ, онъ хохоталъ надъ собою и не могъ успокоиться до конца лекціи. До какой степени онъ былъ добръ, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды учителя словесности Немировской гимназіи Р—цкаго назначили преподавателемъ латинскаго языка въ одну изъ Кіевскихъ гимназій. Латинскій языкъ у него пошелъ плохо. Присутствовавшіе на испытаніи профессора университета постановили сдѣлать Р—цкому замѣчаніе и поручили это дѣло Деллену. Послѣдній пригласилъ къ себѣ Р—цкаго, напоилъ его чаемъ, деликатно высказалъ нѣсколько совѣтовъ, вообще похвалилъ его преподаваніе и на прощаніе расцѣловалъ его. Страшкевичъ старался во всемъ подражать Нейкирху.

Эстетику весьма недурно читалъ Костырь. Французскій, нѣмецкій, англійскій, и итальянскій языки читались лекторами, вовсе не говорившими по русски, и аудиторіи ихъ почти всегда оставались безъ слушателей. Былъ, кажется, на 2-омъ отдѣленіи философскаго факультета профессоръ агрономіи нѣмецъ Мерцъ, который могъ читать писанное по русски, но не понималъ ни одного слова на этомъ языкѣ. Для него кто-то перевелъ на русскій языкъ и отлитографировалъ чью-то агрономію. Мерцъ по ней и читалъ, и если на послусловѣ его заставалъ колокольчикъ, возвѣщавшій окончаніе лекціи, онъ оканчивалъ лекцію полусловомъ, проводя посрединѣ слова черту сверху внизъ карандашемъ, и слѣдующую лекцію начиналъ окончаніемъ слова. Напримѣръ: одна лекція оканчивалась началомъ слова: *земле*—а слѣдующая начиналась окончаніемъ этого слова: *дѣліе*. Другой профессоръ нѣмецъ читалъ: *у рыбъ семь зубъ*; но замѣтивъ улыбку на устахъ слушателей и понявъ, что сдѣлалъ ошибку, онъ поправлялся: *у рыбовъ семь зубовъ*. Опять видя неладное сочетаніе, еще разъ поправлялся: *у рыбей семь зубей*. Лекцій Мерца никто не посѣщалъ изъ его обязательныхъ слушателей; но аудиторія его часто бывала очень полна и только къ концу лекціи пустѣла до послѣдняго человѣка. Дѣло въ томъ, что студенты разныхъ факультетовъ, приходя

ранѣе начала своихъ лекцій, собирались къ Мерцу въ аудиторію и тамъ, кто писалъ, что читалъ; одни входили, другіе выходили. Но Мерцъ этого не замѣчалъ, не смѣя оторвать глазъ отъ тетрадки, чтобы не потерять строки. Разъ ректоръ Траутфеттеръ заглянулъ въ его аудиторію къ концу лекціи; но никого изъ слушателей не нашелъ; одинъ Мерцъ громко читалъ по тетрадкѣ, возсѣдая на каѳедрѣ. Траутфеттеръ, чтобы не конфузить компатріота, поспѣшилъ убраться изъ аудиторіи.

Къ концу царствованія Николая Павловича въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ введена была маршировка и военная выправка. Бибиковъ, разъѣзжая верхомъ по Кіеву и окрестностямъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, замѣчалъ студентовъ которые не застегивали на всѣ пуговки сюртуковъ и мундировъ или не имѣли всѣхъ пуговицъ; такихъ студентовъ Бибиковъ строго наказывалъ. Разумѣется, эти кары выпадали исключительно на долю беззаботныхъ малороссовъ. Профессора и учителя не получали никакихъ наградъ и пособій. Одни ректоры удостаивались за свою административную службу Станислава 2-ой степени на шею; напр., Ѳедоровъ и Траутфеттеръ; изъ профессоровъ одинъ только профессоръ исторіи Ставровскій удостоился Станислава 3 степени въ петлицу. Никакой учитель, инспекторъ и даже директоръ не могъ удостоиться полученія Станислава 3 степени. Если же случались ордена у директоровъ и инспекторовъ, то таковые ими получены были за военную ихъ службу. Высшіе чиновники и аристократія болѣе ограничивались домашнимъ воспитаніемъ дѣтей, а затѣмъ ихъ стали направлять въ училище правовѣдѣнія. На крупные шалости, буйства и кутежи студентовъ Бибиковъ смотрѣлъ сквозь пальцы и наказывалъ снисходительно, общимъ всему университету предостереженіемъ на словахъ, выговоромъ виновнымъ и рѣдко карцеромъ. Но несоблюденіе формы, дисциплины, чинопочитанія наказывалось строго.

Инспекторомъ студентовъ былъ полковникъ гвардіи Сычуговъ, потерявшій носъ въ сраженіи съ поляками въ 1831 году. Онъ былъ человѣкъ мало образованный, но довольно честный, добрый и снисходительный къ молодежи. Всѣ субъ-инспектора

тоже были отставные военные въ капитанскихъ или маіорскихъ чинахъ, каковы, напр.: Троцкій, князь Баратовъ, Гудимъ-Левковичъ. Они но вообще старались ладить со студентами и не позволяли себѣ въ обращеніи съ ними никакихъ дерзостей. Нѣкоторые студенты даже подружились съ Троцкимъ и Гудимой, у которыхъ были семейства, а въ семействахъ барышни; бывали у нихъ запросто и танцовали на вечерахъ. Троцкій, капитанъ артиллеріи, былъ человѣкъ бѣдный, страшно дорожилъ своимъ мѣстомъ съ кватирой, отопленіемъ и 500 р. жалованья. Онъ до того трусилъ начальства, что совершенно терялся, все перепутывалъ и готовъ былъ наврать всякихъ небылицъ.

Студентовъ казенно-коштныхъ изъ штрафгауза кормили не особенно хорошо. Сколько помнится, на каждаго студента изъ казны отпускалось по 150 р. въ годъ. Въ тогдашнее время это была очень высокая стипендія. Между тѣмъ студентамъ отпускалось въ 8 ч. утра и въ 8 ч. вечера по стакану чаю и по булкѣ. Чай былъ безвкусный, чуть сладкій и булки часто черствыя, которыя не разбирались наканунѣ и продавались за полцѣны. На обѣдъ былъ борщъ или супъ безъ говядины; говядина—отдѣльное кушанье, облитая пригорѣлымъ изъ муки и говяжьяго жира соусомъ, и третье блюдо—какая-нибудь каша; а по праздникамъ: супъ съ говядиной, жаркое, всегда прескверное, и какое-нибудь неудобоваримое пирожное Иногда припасы оказывались несвѣжими, а булки—твердыми, какъ дерево. Выведенные изъ терпѣнія студенты иногда ругали эконома Ч—скаго и однажды рѣшились побить его. Обыскали его квартиру, но онъ успѣлъ спрятаться, а на другой день занесъ жалобу исправлявшему должность попечителя, за отъѣздомъ Бибикова въ Петербургъ, помощнику попечителя Юзефовичу. Много хлопотъ было съ этимъ дѣломъ, пока наконецъ оно кончилось сравнительно благополучно. Юзефовичъ пріѣхалъ въ университетъ на обѣдъ студентовъ. Тутъ одинъ за другимъ студенты стали выходить изъ-за стола къ Юзефовичу и приносить жалобы на эконома. Юзефовичъ потребовалъ Ч—скаго и предложилъ ему въ тотъ-же день подать въ отставку. На его мѣсто поступилъ

нѣмецъ, протеже Траутфеттера. Но нѣмецъ не доводилъ дѣла до крайности и старался поддѣлываться подъ вліятельныхъ студентовъ, которымъ постоянно жаловался на бѣдность и многочисленную семью. А Ч—скій плакался потомъ передъ студентами на свою глупость, прибавляя, что знай онъ, что дѣло такъ кончится, онъ не только не спрятался бы и не жаловался, а далъ бы полное удовлетвореніе студентамъ: самъ раздѣлся бы и легъ, чтобы студенты поучили его уму-разуму и всыпали бы ему горяченькихъ полтораста. Значитъ, ужъ слишкомъ выгодно было служить экономомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

1) наемницы девушки малолетки, в видѣ прачекъ, швей,

кружевницъ, кухарокъ, горничныхъ забирались во дворы, для удовлетворения похоти пановъ и паничей и подвергались [illegible] и канчукамъ, усваивали себѣ польский языкъ и шляхетские нравы.

2) на вопросъ православныхъ дѣтей: „да вѣдь самъ царь русский! есть и князья и графы русские!" — „Это они просто слепые и [illegible] ваши хлопы; только одинъ полякъ-католикъ есть родовитый благородный шляхтичъ!" отвечали поляки.

3) два брата Чепеги (?), Чуриковъ (?), Кржижановский и др., бывшие его частные горячайшие поклонники, в немецком видѣ являвшиеся в гимназию на уроки. И тутъ окончилось гуманное обращение съ дѣтьми. [illegible] ругали по обыкновенному [illegible]. Были случаи, что битые после сечения бросались на него и наносили ему оплеухи и в драке разбивали [illegible]; ихъ опять секли и отсылали къ родителямъ. Поднялся ропотъ, пошли жалобы, оставляемые попечителемъ без внимания. Учителя и инспектор [illegible] ругались [illegible] материалистами (?) и бунтовщиками. Дурно учили, дурно обращались и вместе со директоромъ Кушпинскимъ (?) брали со всехъ [illegible] и переводили изъ класса в классъ за деньги. Поляки-ученики смеялись надъ русскими учениками, говоря: „любуйтесь вашими [illegible] порядками, вашими варварскими нравами!" Конечно, это не оставалось без влияния на русскихъ учениковъ: они — вместе съ поляками, проникались недовольствомъ и неуважениемъ къ такому дикому режиму. Вотъ чемъ объясняется участие многихъ русскихъ воспитанниковъ [illegible] края в польскихъ беспорядкахъ и волненияхъ (?). На жалобы учениковъ, что немецкие учителя ихъ не учатъ и часто [illegible] и в классе [illegible] — [illegible] Кушпинский (?) [illegible], что если [illegible] учителемъ, то они и [illegible] любить и почитать, какъ настоящаго учителя. Какова бы ни была [illegible] начальства — ей [illegible] обманъ [illegible] такимъ образомъ

(4) Изъ кружка [illegible] составлялись и сгруппировались [illegible] лучшихъ студентовъ [illegible]

русской исторіи, еще молодого человѣка, Костомарова; цѣль этого кружка была народно-литературная: изученіе исключительно родной старины: исторіи — исторіи Малороссіи, народныхъ обычаевъ, нравовъ, преданій, пѣсенъ. Конечно, къ этому кружку примыкалъ вышедшій изъ народа профессоръ рисованія Кіевскаго университета Шевченко, извѣстнѣйшій изъ поэтовъ, писавшихъ на малороссійскомъ языкѣ, а также многіе почетные члены кіевской археографической комиссіи. У студентовъ этого кружка имѣлись рукописныхъ стихотвореній Шевченка, напримѣръ: Сонъ, Кавказ, Якби ви знали паничі и т. д.

Какихъ бы строгихъ предписаній не издавали, какихъ бы тяжкихъ каръ не назначали правительства, никогда мыслящіе люди не перестанутъ мыслить, какъ никогда не перестанутъ любить, какъ искренне ихъ влекла насущная потребность, на семью, церковь и природу. Это доказываетъ исторія всѣхъ народовъ. Но правительство, не рѣшаясь лишить исключительности, имѣя цѣлью осуществленія пословицы: „своя рубашка ближе къ тѣлу," а не народнаго блага — ничему не научилось изъ исторіи и всегда и всюду оставалось привилегированными statu quo и фактическими противниками всякой новой мысли, всякаго прогресса и реформы. Всякій писатель и поэтъ въ Россіи побаивался правительственной кары за невинную мысль заключить свободную и подлинную мысль въ рамки разъ навсегда опредѣленныя правительствомъ. Конечно, Радищевъ былъ такъ измученъ знаменитымъ Шешковскимъ при Екатеринѣ II, что уже до смерти не поднимался съ кровати; Пушкинъ былъ почти въ постоянной ссылкѣ; Достоевскій — инженеръ-офицеръ — въ каторжныхъ работахъ, гдѣ его такъ 2 раза истязали, что онъ по неволѣ невольно Михайловъ валялся въ больницѣ. Правительство Грубаго

требовало отъ литературы одного только
восхваленія [illegible] въ стихахъ и прозѣ и отвле-
ченнымъ правительственнымъ лицамъ и
всѣмъ установленнымъ правительствомъ
порядкамъ, стихи Шевченка [illegible] отлича-
лись политическою окраскою, подали совер-
шенно [illegible] для правительства, безза-
вѣтная преданность царю и единовѣріе
такъ слили малороссовъ съ русскими, что мы-
сли о какой-нибудь политической сепараціи не
могло быть и мѣста. [illegible], что мало
[illegible] во всей [illegible] исторіи Украины
ненавидѣть ихъ своимъ бывшимъ жестокимъ
палачамъ и гонителямъ православія — по-
лякамъ, такъ думали и члены кружка. Они
[illegible] въ виду [illegible], [illegible]
[illegible] оживить народную жизнь поднять
угнетенный и [illegible] и польскими пана-
ми духъ народа, очистить его отъ пьянства
и дурныхъ нравовъ и воскресить простоту и
чистоту старинныхъ нравовъ и сознаніе
человѣческаго достоинства. Поляки знали
о существованіи этого кружка и — сами го-
товились къ сепараціи — чтобы доказать въ
малороссахъ приверженность къ правитель-
ству и Россіи, рѣшились этотъ кружокъ не-
премѣнно предать въ руки правительства и за-
тѣмъ постепенно [illegible] (?)
[illegible] подъ кары правительства, ис-
пуганнаго готовящейся будто сепара-
ціею ~~[illegible]~~ Малороссіи. Шпіомы
компатріоты всюду на службѣ: и въ кан-
целяріи ген.-губернатора и губернатора, и
въ полиціи, и среди чиновниковъ, студенты
обратили вниманіе правительства
на постоянный (?) кружокъ, студенты
поляки представили широко организо-
ванную шайку, среди которой не можно
[illegible] (?); при
томъ все, что дѣлалось [illegible] (?) сохра-
нялось въ глубочайшей тайнѣ. Посто-

малороссам нечего было скрывать: они не замышляли ничего дурного против правительства. Они охотно давали полякам читать стихи Шевченка, переписывать их, рассказывали им о своих литературных занятиях. Полиция, имея уже от поляков полный список запрещенных стихов Шевченка, желала захватить подлинную его рукопись для обвинения его, и чтобы шире ознакомиться с членами кружка подослала к ним сыщика студента, некоего Петрова. Поляки знали до мельчайших подробностей обо всех распоряжениях полиции и с затаенным злорадством ждали катастрофы и торжествовали успех своей политической интриги: правительство поневоле ослабит надзор свой за поляками и усилит его за малороссами. И действительно, катастрофа случилась: именно, а именно по доносу упомянутого студента философского факультета (отделения) явилась комиссия, состоящая из жандармского полковника, полицеймейстера, чиновника особых поручений ген.-губернатора и помощника попечителя округа М. Юзефовича, члена археографической комиссии, сочувственно относившагося к малороссийскому кружку. Юзефович был из военных, малороссийской нации, и в Киеве имел в Липках дом. Отыскали стихи Шевченка у студента 4 курса Посяды, у студента 2 курса Андрузского и что-то подозрительное у студента Тулуба и посадили всех под арест в аудитории №7. Следующего числа в полдень, возвращаясь из Петербурга в Малороссию, Шевченко был задержан полицмейстером-кавалеристом Со[illegible], подъехавшим к [illegible] против [illegible], но [illegible] сильно [illegible] переправы не было. Станка

только вблизи лодка для переправы почты и курь-еровъ съ квартальнымъ надзирателемъ и двумя жандармами. Лодка эта была той же въ Кiевѣ. Но прибывъ Шевченко и перевести его съ товарищемъ отказали; но когда Солонинъ пообѣщалъ порядочно вознаградить, полицейскій надзиратель и жандармы приняли ихъ и вещи в лодку. Лодка собственно поджидала Шевченка; но чтобы не возбудить его подозрѣнія и не дать ему возможности скрыть бумаги изъ своихъ вещей, его сначала не соглашались будто принять. На середине рѣки квартальный надзиратель показалъ Шевченку предписаніе и объявилъ его арестованнымъ. Спустя нѣсколько минутъ Шевченко вынулъ изъ кармана пальто связку бумагъ и бросилъ по теченію. Квартальный надзиратель и жандармы замѣтили это и распорядились вынуть изъ воды связку. Солонинъ предлагалъ большихъ денегъ, чтобы связкѣ предоставлено было уплыть, но не успѣлъ. Квартальный надзиратель, хотя и радъ былъ получить куши, но боялся измѣны со стороны жандармовъ и требовалъ; а жандармы боялись квартальнаго надзирателя. Костомаровъ хотя и былъ встревоженъ арестомъ Посяды и Андрузскаго, но полагалъ, что это случилось по какому-нибудь другому поводу, а не за литературныя занятія; объ арестѣ Шевченка онъ ничего не зналъ и передъ вечеромъ готовился къ вѣнцу съ любимой дѣвушкой. Невѣста прибыла для вѣнчанія въ узенькую [illegible] церковь; собрались ассистенты, знакомые и любопытные; но жениха долго не являлся; кто-то изъ молодыхъ профессоровъ помчался на дрожкахъ въ квартиру жениха и тотчасъ возвратился. Произошелъ переполохъ; невѣстѣ сдѣлалось дурно — ее безъ чувствъ вынесли изъ церкви и увезли домой. Оказалось, что Костомаровъ былъ арестованъ и увезенъ в крѣпость в тотъ моментъ, когда надѣвалъ перчатки, готовясь ѣхать въ церковь вѣнчаться. Спустя нѣсколько дней, Шевченка, Костомаровъ, Посяда и Андрузскій увезены были в Петер-

бурю. Поэтому было арестовано и разосланы по мѣстамъ еще нѣсколько человѣкъ, между прочимъ малороссійскій писатель Кулишъ, Навроцкій. По упраздненіи учредительнаго Комитета Д.С.С. Кулишъ женился на полькѣ, сблизился съ поляками, усвоилъ себѣ взгляды поляковъ на казачество, Малороссію и Россію, перебрался во Львовъ и сталъ издавать сочиненія, въ которыхъ вождей и другихъ казаковъ представлялъ разбойниками; соединеніе Малороссіи съ Россіею представлялъ роковой ошибкой и убѣждалъ малороссовъ и русиновъ слиться съ поляками и за одно съ ними дѣйствовать, такъ какъ это единеніе будто равныхъ съ равными существовало встарину и было благодѣтельно для судебъ Малороссіи. Между тѣмъ узнали, что Шевченко отданъ в солдаты в Оренбургскіе батальоны, а прочіе разосланы в разные города восточной Евр. Россіи, и послѣ имъ позволено вступить в гражданскую службу. Только въ царствованіе Александра II они были помилованы: Шевченко возвратился на родину, Костомаровъ приглашенъ былъ профессоромъ русской исторіи в СПб. университетъ; Кулишъ опредѣлился в учредительный комитетъ въ царство польское, послѣ получилъ мѣсто инспектора Житомірской семинаріи; объ Андрускомъ не было никакого извѣстія: онъ - помѣшался - умеръ в ссылкѣ.

Кромѣ того, выдавались: Шумовскій, французскій (б) подданный Малербъ, Косовскій, заподозрѣны и литвины: Корева и Чарнецкій. Шумовскій служилъ в 1843 г. учителемъ географіи во 2-й Кіевской гимназіи, а Малербъ содержалъ частный пансіонъ. Оба они не только играли вліятельную роль среди польскаго кіевскаго населенія, среди поляковъ-студентовъ и учениковъ в Кіевѣ, но имѣли сношенія съ Варшавой и провинціями, а также съ поляками учителями губ. Кіевской, Подольской и Волынской. Шумовскій былъ вызванъ администраціями

путемъ в Оренбургъ, послѣ прощенія и получилъ мѣсто учителя — наставникъ — в Казани, в Царствѣ Польскомъ. Малярды выслали заграницу, Козловскій — наставникъ — уволенъ отъ блюдительности властей и остался учительствовать в Малороссіи, хотя во время возстанія онъ игралъ весьма замѣтную роль: онъ объявилъ поляковъ — католиками и обвинялъ всѣ учрежденія пол. прав. послѣ его приказа манифестаціи воспитанниковъ получили абсолютное сочувствіе во всѣхъ заведеніяхъ.

(6) былъ вмѣстѣ какого исповѣданія, колющія себѣ украинцами, малороссами

(7) противъ самаго царя.

(8) наука, учебныхъ заведеній, профессора, учителя, все учащееся и предано пользовались особеннымъ покровительствомъ и направлялись обществомъ считалось особенно подозрительнымъ.

9) Библіотека была расположена по произвольно книгъ во множествѣ квартиръ. Годами собирательницы только полки, тамъ на чердакахъ помѣщены всѣ запрещенныя книги.

10 на слѣдующій день по распоряженію библіотека собраны были на Подолѣ всѣ пришлые изъ Россіи рабочіе, около 4т. человѣкъ, занимавшіеся в то время работами по расширенію трамвая. Лишь со смертью Бабикова, ставленникъ ... стать на колѣни и — выслушавши ее по всѣмъ правиламъ искусства — объявилъ, что отъ Христа только что тѣлохранитель — побитъ, по данной ему царемъ власти; всѣ назначены — всѣхъ перевязать и пересчитать снаружи. толпа кричала, что она ни въ чемъ не повинна и ничего не знаетъ.

11, напротивъ того, имъ внушалось убѣдить слушателей, что этотъ порядокъ наилучшій, ничего только что вѣчный общества могутъ достигнуть на землѣ, гдѣ ни въ чемъ не можетъ быть совершенства. Покоряющіеся съ любовью и смиреніемъ этому порядку, который отъ Бога, который освящаетъ и которому подчиняется и церковь святая, получитъ в будущей вѣчной жизни вѣчную награду. Своеволіе в человѣческихъ обществахъ, именуемыхъ республиками и конституціями, ведетъ къ бѣдствіямъ,

въ безпорядкахъ, въ всевозможныхъ страданіяхъ на земли, и - всякъ сознающій - в будущей жизни этихъ своевольцевъ ожидаетъ таже награда, какая доставалась участью своевольнаго и непокорнаго сатаны. Эти идеи излагались в проповѣдяхъ в церквахъ; излагались начальствомъ и много-ва неискренно, принужденно и иронически исходили изъ устъ профессоровъ. Почитаніе славили, ривали, какъ умѣли, сводя свое чтеніе до сухихъ гимназическихъ учебниковъ. Излагалось также, что нѣтъ державы могущественнѣе Россіи, что слова ея самодержца служатъ закономъ и для всѣхъ прочихъ державъ, что всѣ они в совокупности безсильны противъ Россіи, что по слову ея повелителя русскій народъ закидаетъ шапками Европу.

Въ школахъ - казнями и тумаками своевольные (12)
образы опальныхъ писателей и поэтовъ; развивали отвращеніе они не смѣть изъ всего богатства устной народной литературы.

Но при всемъ томъ надъ этимъ доброднымъ (13)
теченіемъ философіи уже виднѣлась [illegible] тѣнь.

Объявили, что посредствомъ чтенія Евангелія и (14)
апостольскихъ посланій и церковныхъ разъясненій, они пришли къ заключенію, что Священная книга только благочестивый вымыселъ и учитель вѣры, на которомъ почивала благодать Божія; но что онъ не былъ Богъ; что писанія чудеса невѣроятны; что евангелисты и апостолы измыслили чудеса для вящаго распространенія христіанства.

Въ это время все ученіе, учащіе и учащіеся все (15)
вдругъ добро трепетаніе недовѣрія в правительствахъ прикрѣпляемо и притѣснительно вѣтки, начиная съ будущими и офицерами и оканчивая трономъ. Правительство придавало значеніе военнымъ военно-учебнымъ заведеніямъ, гдѣ посредствомъ заключенія до смерти достигалось умѣнію военная дисциплина и покорность

во всемъ, даже в мысляхъ, чувствахъ и образо-
образованіе мыслей и чувствъ и привычекъ и образа
личности и отношеній къ высшимъ, низ-
шимъ и равнымъ. Именно на особую цѣну
духовныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ стремленіе и ус-
тановленіе доходило еще до болѣе грандіозныхъ
размѣровъ, и достигало тамъ дисципли-
на во всемъ, тамъ приниженность и
покорность передъ высшими; тамъ до-
сердечное пренебреженіе къ низшимъ и
сверхъ того тщательность къ братскому
пьянству, шпіонству и клеветамъ. Именно
учебныхъ заведеній создавали армію обс-
курантовъ; духовно-учебныхъ — солдатами
изъ числа исключительно семинаристовъ,
а ихъ за малость и неуспѣшность ис-
ключали массами. Но учебныя заведенія
М. Н. Пр. считались вредною и излишнею
роскошью, не приносящими государству
никакой видимой пользы, а только раз-
вращавшей молодые умы, всеявшей
критическое отношеніе къ существую-
щему порядку, непокорность, само-
мнѣніе и грозившей въ будущемъ потря-
сеніемъ основъ существующаго по-
рядка, поэтому предполагалось по
возможности ихъ ограничить размѣ-
ры минимумомъ. такъ

16) Избрать учрежденіе высшихъ учебныхъ заведеній пра-
вительство не могло, чтобы не быть отсталою передъ Евро-
пой и чтобы не навлекать на себя нападенія европейской
прессы, поэтому и безъ того не щадила Россія и ея правителей,
будучи до такой степени удалены враждебно ко вся-
кому прогрессу и свободомыслію, до такой степени
были увѣрены в могуществѣ своей партіи в СПб. и въ
безконечно милостивомъ себѣ расположеніи Николая,
что в своихъ циничныхъ рѣчахъ къ студентамъ позво-
ляли себѣ неодобрительно отзываться объ образѣ
мыслей покойнаго престола А. Н. и его приверженцевъ.

„Вы думаете, господа," говорилъ однажды Бибиковъ, беседуя саркастически съ либеральничающими въ моей квартирѣ университетскими, — вы думаете, что скоро все воцарится разнузданность мысли. Далеко еще до этого; да едва-ли когда придетъ время такого вида ему позволятъ делать то, что вздумается. Онъ можетъ либеральничать сколько угодно, а дѣло пойдетъ своимъ чередомъ, основаннымъ на недавнемъ житейскомъ опытѣ. Что нѣмцу и французу позволительно, то русскому — смерть?"
Такъ ограничилось наказаніе виновниковъ за 17,
умышленный варварскій поступокъ въ студенствѣ.
Весь этотъ вели романъ съ молодою и красивою, но очень бѣдною чиновницею, мужъ который получалъ жалованья 5 р. въ мѣсяцъ заболѣвшій; 2 человѣка у нея столовались и квартировали; другіе 4 приходили къ товарищамъ распивать чай и кутить. Кутила съ ними и чиновница, а по праздникамъ и мужъ ея. Вдругъ студенты эти узнали, что чиновница пріглашается другими аристократами студентами въ [illegible] и ходитъ туда для заработка, и что вдобавокъ всего — осмѣиваетъ ихъ передъ аристократами, называя ихъ голоштанниками. Одинъ занялъ сосѣднюю комнату, словомъ просверлилъ дыру, лично удостовѣрился въ преступности и измѣнѣ чиновницы, не долго думая, на слѣдующій день въ вечерній часъ, они — ~~обнаживши ее~~ подняли ей юбки и рубашку и обнаженными ягодицами посадили на трубу самовара. Конечно у нея оказались ожоги [illegible] и [illegible] на этой точкѣ и она [illegible] лечиться у [illegible]. Студенты обязаны были на свой счетъ ее вылечить и подвергались [illegible] самовару. Но то было, когда студентъ [illegible] во время торжественнаго парада на благовѣщеніи въ Братскомъ монастырѣ, утвер

ленного или неуклюже-ленного толкающих локтями пробиравшагося впередъ командира [illegible] корпуса генерала (наследник) Паравовскаго. Семиловский [illegible] аристократъ, самъ превосходя своего генерала и это тоже, в соединении своихъ таинственныхъ [illegible] аристократии, графини Ростопчиной и дикцией тоже въ Ж/ въ графини Орловой-Чесменской, спасло его отъ лихой славы в Оренбургских батальонах.

18) Кассапонщики - кроме того - адмиралы и на учебных принадлежностях и на [illegible].

19) Студенты [illegible] на [illegible], по [illegible] на [illegible].

20, Юзефовичъ приказалъ собрать весь университет в 9ч. в торжественном залѣ, желая побеседовать на манеръ Бибикова и распечь его особу. Студенты ждали до 10ч. Юзефовича нет. Начали расходиться, но суб-инспектора упросили подождать еще часок, а между тем доложили ректору Траутфеттеру, что студенты не хотят ждать. Ректор перетрусил и послал к Юзефовичу. Юзефовичъ примчался в карете, но отправился к ректору, а не к студентам, чтобы их научить дисциплине и - имея намерение подольше оставаться в университете и быть на обедах у казенно-коштных, отпустить карету домой. Увидя отъезжающую карету, кто-то из студентов крикнул, что Юзефовичъ вероятно не будет уже [illegible] уехал. Студенты с шумом массою хлынули к выходу. Кто-то из суб-инспекторов помчался к ректору. Ректор и Юзефовичъ с распростертыми руками старались остановить на лестнице студентов, но не тут-то было: лишь своими [illegible] вернуть в залъ одни бывшие в университете. Юзефовичъ [illegible] грозил и [illegible] исключить из университета всех уходящих кроме того десятого. Все знали, что этого он не в состоянии сделать; бывший тогда инспектором студентов [illegible] доложил, что кто-то крикнул одним уходить, и всех бросились к выходу. Юзефовичъ, [illegible] к [illegible] благо [illegible] суб-инспектора Троцкаго, [illegible] и требовал указания, кто крикнул [illegible]. Троцкий потерялся и назвал студента, своего приятеля, [illegible] у него [illegible], другой [illegible] со страху он не мог припомнить. Юзефовичъ потребовал у Траутфеттера немедленно исключить этого студента из университета

вмѣстѣ съ полухмельнымъ медикомъ Тнурка Козловскимъ
шли по главнымъ другимъ обыскивалъ квартиру Чепурновскаго. Іосифо-
вичъ предохранялъ сроднились и металъ громы почти Рыбинскимъ.
Но вотъ сцена: вступаетъ въ курсъ какимъ-то образомъ медикъ Копер-
ницкій и объясняетъ, что такой, то его товарищъ приглушилъ сво-
бодное мѣсто, только по случаю тоскливой Дмитріи откуда онъ уже 3
весь въ опеку слу и его въ дѣвка вовсе нотъ, что трусливый изъ трусости и расте-
рявшись назвалъ ему фамилію и т. ч. студентъ этотъ средневѣк. гнѣвъ
и принялъ трусливаго, что онъ, Коперницкій, признаетъ, что помощи
на попечительству впредь уже не будетъ, тогда онъ в само заметитъ ему
давнюю карету и что, значитъ, можно расходиться. Трусливому сдѣла-
лось дурно, онъ вызываетъ [illegible]. Іосифовичъ совѣтуетъ [illegible]-ли-
нно заговорилъ съ студентами, что [illegible] съ ними побалагурить. Огру-
мленный толпою, онъ явился к столовую и [illegible] нашелъ хорошо
приготовленными. Тутъ одинъ изъ другихъ студентовъ сталъ
выходить изъ за стола къ Іосифовичу и приносилъ [illegible] по [illegible]-
мана и оправдывать Козловскаго. Іосифовичъ опоздалъ огру-
женный со всѣхъ сторонъ. Ему стали дѣлать упреки,
что онъ не зачалъ не смотритъ что онъ и инспекторъ по-
[illegible] такому. Іосифовичъ, видя такое настроеніе и
опасаясь наихудшаго [illegible], сталъ [illegible] обык-
новенную и потребовалъ Чепурновскаго на [illegible] весь свой
гнѣвъ и проговорилъ тотъ-же день подать въ отставку.

РОДИНА КАЛНИШЕВСКАГО.

Петръ Ивановичъ Калнишевскій, послѣдній кошевой запорожскій, давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только изслѣдователей запорожской старины, но и просвѣщенныхъ читателей вообще. Интересъ къ его личности обуславливается какъ значеніемъ его въ исторіи послѣднихъ годовъ Запорожья, такъ и его трагической судьбою по уничтоженіи Сѣчи.

Послѣ знаменитаго Сирка, любимца запорожцевъ, 12 разъ избиравшагося ими кошевымъ, Калнишевскій былъ едва-ли не самый замѣчательный запорожскій предводитель. Ловкій дипломатъ, даровитый администраторъ, одинаково удачно сносившійся и съ петербургскими вельможами, и съ сѣчевою „голотою", онъ одинъ былъ способенъ поддержать, даже обновить падавшее Запорожье. Десять лѣтъ подъ рядъ, съ 1765 по 1775 годъ, онъ удерживалъ за собою постъ кошевого атамана. За него, видимо, уцѣпились и крѣпко держались сѣчевые братчики, смутно предчувствовавшіе кончину милаго Запорожья. Дѣйствительно, судя по мѣрамъ, которыя принималъ Калнишевскій, онъ ясно понималъ тѣ условія, при которыхъ Запорожье могло бы еще существовать въ будущемъ.

Былое значеніе Сѣчи пропало безвозвратно. Она могла остаться только какъ болѣе или менѣе своеобразное поустройству военнопоселенческое общество, не противорѣчащее общегосударственнымъ порядкамъ и въ себѣ самомъ черпающее силы и средства для дальнѣйшаго существованія. Чтобы удержать за собою огромную запорожскую территорію, наод

было фактически овладѣть ею, т. е. ее колонизовать. Чтобы не просить у правительства хлѣбнаго жалованья и не добывать средствъ набѣгами на невѣрныхъ, надо было завести правильное земледѣліе, промыслы и торговлю. Чтобы не вооружать противъ себя всесильныхъ тогдашнихъ закрѣпостителей пріемомъ бѣглецовъ и не быть въ сомнительномъ положеніи относительно прилива соціально свободныхъ людей, надо было... переженить запорожцевъ. Послѣднее, конечно, пришлось бы отложить къ концу, предоставить времени и обстоятельствамъ.

Горячія головы „дитокъ“ могли продолжать мечтать о томъ, что козаку, какъ говорится въ думѣ,

... не честь, не подоба—по риллямъ снотыкаты,
Жовтыхъ чобить калаты,
Дорогіи сукни пыломъ набывать..

А всего приличнѣе:

Питы пидъ городъ Тягиню гулять,
Славы-лыцарства доставать.

Но у „батька“—кошевого совсѣмъ иное было въ головѣ. Калнишевскій усиленно занялся колонизаціей Запорожья. Выростали не только новые зимовники, хутора, но цѣлыя села. Народъ шелъ изъ Украины русской и польской, изъ Молдавіи, изъ Новосербскихъ поселеній и даже изъ татарскаго Буджака. Въ то-же время Калнишевскій отбылъ цѣлый рядъ депутацій въ Петербургъ, отстаивая юридически права Коша на заселяемыя земли. Много надо было ума и такта, чтобы вести запорожскія дѣла въ то время.

Эти административныя и дипломатическія заслуги Калнишевскаго на столько важны, что онѣ совсѣмъ заслоняютъ его военныя доблести. А между тѣмъ Калнишевскій, во главѣ запорожцевъ, съ честью выдержалъ первую турецкую войну, исполняя самыя отвѣтственныя порученія главнокомандующихъ. Потемкинъ, числясь уже въ то время сѣчевымъ братчикомъ, въ серединѣ войны, въ 1772 году, просилъ Калнишевскаго

внести его имя въ списки именно Кущевскаго куреня, къ которому принадлежалъ самъ Калнишевскій [1]).

Слишкомъ поздно Запорожье, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, поняло необходимость реорганизаціи. Событія политическія предупредили его. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира оно было охвачено кольцомъ отобранныхъ у Турціи земель и, не будучи готово къ новой роли, обречено было на уничтоженіе. Послѣдовало занятіе Сѣчи Текелліемъ въ 1775 году. Большинство запорожцевъ, по преданію (разсказъ извѣстнаго Коржа), разбрелось въ разныя стороны, преимущественно къ берегамъ Чернаго моря, а главные представители запорожской старшины были арестованы и отправлены Текелліемъ въ Москву. Это были: кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій, войсковой писарь Иванъ Яковлевичъ Глоба́ и войсковой судья Павелъ Флоровичъ Головатый.

Сирома Калнышъ захлынавъ гирко!
Зо всякимъ козакомъ обнимався,
Сказавъ: прощай, славне, храбре військо!
Та вже більшъ и не вертався... [2])

Куда дѣвались затѣмъ изъ Москвы злополучный кошевой и его товарищи, никто не зналъ. Авторъ „Исторіи Новой Сѣчи“ г. Скальковскій еще въ 1841 году былъ въ невѣдѣніи относительно участи Калнишевскаго. Онъ предполагалъ ссылку его на Донъ, основываясь на словахъ пѣсни, сложенной очевидно по этому случаю:

Ой полеты, та полеты, чорная галко,
Та на Динъ рыбы исты:
Ой принесы, та принесы, чорная галко,
Одъ кошового висты...

Оказалось однако, что Калнишевскій былъ сосланъ совсѣмъ въ противоположную сторону. Подъ сильнымъ конвоемъ онъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Архангельскъ и оттуда въ Соловецкій монастырь.

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, III, 127—129.

[2]) Современная пѣсня, у Скальковскаго, Ш, 195.

Дѣйствительно, Кальнишевскій до смерти ужъ не оставилъ святой обители. Умеръ онъ 31 октября 1803 года, выпущенный не задолго передъ тѣмъ на волю.

Въ пятидесятыхъ годахъ былъ настоятелемъ въ Соловецкомъ монастырѣ архимандритъ Александръ Павловичъ, малороссъ родомъ, по Высочайшему повелѣнію награжденный, говорятъ, какимъ-то военнымъ знакомъ отличія за отраженіе отъ монастыря англичанъ и удостоенный сана полтавскаго епископа [1]). Онъ узналъ о заключеніи и смерти въ Соловкахъ Калнишевскаго, нашелъ его могилу и покрылъ ее каменною плитою съ слѣдующею надписью: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной сѣчи козаковъ Атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою, доброю. Блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ. Аминь. 1856. А. А.“ [2]). Не придавалъ ли преосвященный Александръ значенія личности Калнишевскаго, или причиною была иноческая скромность, только потомъ и отъ него никто ничего не узналъ объ участи послѣдняго кошевого.

Уже въ семидесятыхъ годахъ открылъ мѣсто заключенія Калнишевскаго г. Ефименко, и свѣдѣнія свои опубликовалъ въ „Русской Старинѣ“.

Въ 1887 году Соловецкій монастырь посѣтилъ г. Эварницкій, нѣсколько лѣтъ занимающійся изслѣдованіемъ Запо-

[1]) Старожилы изъ духовенства Полтавской губерніи разсказываютъ много анекдотовъ объ этомъ воинственномъ, но простодушномъ и добромъ человѣкѣ. Привыкнувъ въ удаленной отъ всего свѣта обители распоряжаться по отечески, строго и безъ чиновъ, преосвященный и здѣсь не церемонился, вслѣдствіе чего часто попадалъ въ просакъ и потомъ добродушно заглаживалъ свои неосторожности.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, II, 185.

рожья, и собралъ о Калнишевскомъ самыя точныя справки. Онъ подробно описываетъ мѣста заключенія Калнишевскаго, предметы церковной утвари, имъ пожертвованные въ монастырь, извлекаетъ всѣ свѣдѣнія о немъ изъ монастырскихъ архивныхъ дѣлъ, приводитъ нынѣ существующія преданія о немъ у монаховъ и проч. Присоединимся къ мнѣнію г. Эварницкаго, что едвали справедливо, будто Калнишевскій умеръ 112 лѣтъ отъ роду; тогда при уничтоженіи Сѣчи ему должно было быть 84 года, это совсѣмъ не вяжется съ представленіемъ о бодромъ, полномъ жизни человѣкѣ, какимъ является Калнишевскій въ его дѣлахъ и писаніяхъ того времени. Да и врядъ ли 84-лѣтній старецъ выдержалъ бы 28 лѣтъ неимовѣрно тяжкаго заключенія.

Товарищи Калнишевскаго по несчастію, Глоба и Головатый, тоже умерли въ ссылкѣ: первый въ г. Туруханскѣ на р. Енисеѣ, второй въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ.

Откуда былъ родомъ Калнишевскій?

Г. Скальковскій еще въ 40-хъ годахъ писалъ въ своей „Исторіи Новой Сѣчи“: „Хотя въ куренныхъ спискахъ Кущевскаго куреня онъ былъ записанъ подъ именемъ *Петра Калнижа*, но мы знаемъ навѣрно, что онъ происходилъ изъ козачьяго, и дворянскаго званія Малороссійскаго, изъ Лубенскаго полка. Но подобно всѣмъ Запорожцамъ дворянскаго происхожденія, онъ скрывалъ свое имя и родъ, пока не сдѣлался кошевымъ[1]). Достовѣрно то, что его племянница была замужемъ за хорунжимъ Лубенскимъ Стефаномъ Вертильякомъ, а сестра за какимъ то Лукьяновичемъ изъ с. Троцивки[2]).

„Въ 1763 г. построилъ онъ церковь въ Лохвицѣ, въ 1768 г. въ Кіевѣ, въ Межигорскомъ монастырѣ, во имя Св. Петра и Павла, а въ 1770 въ Ромнахъ; въ то же время по-

[1]) И такъ г. Скальковскій полагаетъ, что настоящая фамилія послѣдняго кошевого—*Калнишевскій*, а *Калнишъ*—передѣлка во вкусѣ запорожцевъ. Изъ приводимыхъ ниже документовъ обнаруживается однако, что на родинѣ онъ былъ извѣстенъ только подъ именемъ *Калниша* и что передѣлкой скорѣе будетъ форма *Калнишевскій*.

[2]) Потомки Вертильяка живутъ доселѣ; одна отрасль ихъ рода имѣетъ имѣніе въ Херсонской губерніи и уѣздѣ, близъ урочища на Мѣловомъ-Оврагѣ, гдѣ

слалъ къ Іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды“ [1]).

Всѣ свѣдѣнія историка Новой Сѣчи о построенныхъ Калнишевскимъ церквяхъ вполнѣ достовѣрны. Въ Межигорьѣ и въ Ромнахъ церкви его стоятъ по сей день, въ Лохвицѣ сгорѣла. Что кошевой строитъ церковь въ запорожскомъ монастырѣ, каковымъ былъ Межигорскій по преимуществу, это понятно. Но почему выборъ его падаетъ на Лохвицу и Ромны, два незначительные городка, какихъ были десятки въ его время въ Малороссіи? Утвержденіе г. Скальковскаго о происхожденіи Калнишевскаго изъ Лубенскаго полка поэтому, очевидно, основательно. Гдѣ-же его родина?

Живя въ Ромнахъ, я и занялся между прочимъ отысканіемъ родины Калнишевскаго. Разскажу здѣсь объ этихъ досужныхъ поискахъ.

У г. Эварницкаго есть выписка изъ „Полнаго собранія законовъ“ (т. XXVI, № 19784), въ которой говорится, что въ спискахъ разныхъ лицъ, помилованныхъ Императоромъ Александромъ I, по вступленіи его на престолъ, былъ и „Петръ Ивановичъ Калнишевскій, *подольскій шляхтичъ*“ [2]).

Прежде всего надо было обратить вниманіе на церкви. Изъ Лохвицы я получилъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ однимъ изъ священниковъ. По сохранившемуся преданію, Калнишевскій построилъ тамъ соборную церковь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, деревянную, которая недолго существовала и сгорѣла отъ громового удара; загорѣлась она 19 іюля 1799 года вечеромъ, какъ разъ во время всенощной наканунѣ праздника св. пророка Иліи. Что бывшую соборную церковь въ Лохвицѣ построилъ Калнишевскій, это доказывается не только

Каменская Сѣчь была. *Прим. г. Скальковскаго.* Села *Троицкаго* въ Полтавской губерніи, судя по „Спискамъ населенныхъ мѣстъ“, нѣтъ (это должно быть описка или опечатка), а есть село Процовка или *Процивка*, подъ г. Ромнами. Въ Роменскомъ уѣздѣ и въ настоящее время живетъ родъ дворянъ Лукьяновичей. Не разъяснитъ ли кто нибудь изъ просвѣщенныхъ членовъ этого рода своего родства съ Калнишевскимъ?

[1]) Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, II, 266.

[2]) Запорожье, II, 183—184.

преданіемъ, но и нѣкоторыми документами. Въ одномъ старомъ „дѣлѣ“ о постройкѣ нынѣшняго лохвицкаго собора есть черновая письма, писаннаго (къ сожалѣнію, мнѣ не сообщаютъ — кѣмъ) къ *черноморскимъ* старшинамъ: Ѳедору Яковлевичу Бурсаку [1]), Мокію Семеновичу Гулику (полковникъ и кавалеръ), Константину Тимофѣевичу Кордовскому (войсковой асаулъ), Козьмѣ Ильичу Бѣлому, Степану Корнѣевичу Порываю (войсковой писарь) и Евтихію Мироновичу Чепѣгѣ (премьеръ-маіоръ), въ которомъ говорится: „состроенную въ Лохвицѣ бывшимъ Запорожской Сѣчи кошовымъ Петромъ Калнышомъ знатнымъ капиталомъ соборную Рождества Пресвятыя Богородицы церковь подъ самое зъ вечера отправляемое тогда заутреннее служеніе громовымъ ударомъ зажгло и все сгорѣло, вынесенъ только изломанный иконостасъ, стоющій десять тысячъ, и икона Божіей Матери чудовная, въ особомъ кіотѣ, существующая болѣе 120 лѣтъ“. Отъ стараго иконостаса, при возобновленіи его въ 1851 году, оставлены двѣ доски, бывшія въ тумбахъ иконостаса, съ надписью, которую трудно разобрать; можно прочесть только имена Петра Калныша, отца его Іоанна и матери Агафіи.

Интересенъ фактъ переписки между лохвичанами и черноморцами. Обращались-ли лохвичане за помощью къ черноморцамъ, какъ къ людямъ близкимъ къ прежнему строителю ихъ церкви, или черноморцы интересовались памятниками, оставшимися послѣ Калнишевскаго,—пока неизвѣстно.

Есть при дѣлѣ и квитанція отъ 5 октября 1763 года, въ которой говорится, что отъ господина кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго получено на церковь соборную лохвицкую 500 рублей; на какой предметъ—тоже неизвѣстно [2]).

---

[1]) Войсковой атаманъ черноморцевъ, занимавшій эту должность съ 22 декабря 1799 г. по 1816 годъ. Другія лица—его сослуживцы.

[2]) Изъ сохранившихся отъ старой церкви вещей замѣчательны: 1) евангеліе въ полулистъ, львовской печати 1601 года, въ полиняломъ бархатномъ переплетѣ съ серебряными накладками на верхней доскѣ и 2) серебряная чаша, „суто вызолоченная“ и имѣющая латинскую форму „пушки“, съ литыми, наложенными на ней, херувимами и слѣдующею надписью на подножіи: „Pixis ecclesiae in Bobrowniki ad fluvium Apprum vulgo Wieprz in districti Lublinensi. Anno DNI 1626“. По преданію чаша эта и чудотворный образъ Божіей Матери принесены запорожцами изъ похода.

Церковь Калнишевскаго въ Ромнахъ стоитъ понынѣ въ томъ видѣ, какъ она была построена. Это церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, стоящая на спускѣ къ Засулью. Наружностью своею зданіе сейчасъ-же подкупаетъ любителя старины: оно въ высшей степени типично: это одинъ изъ чистыхъ образчиковъ деревянныхъ малороссійскихъ храмовъ прошлаго и позапрошлаго столѣтія. Зданіе храма не велико и нѣсколько какъ будто выше, чѣмъ-бы ему слѣдовало быть, судя по длинѣ и ширинѣ [1]); словно хочетъ церковь поднять главу на столько высоко, чтобы видѣть, что дѣлается на плоскогоріи въ городѣ. Основаніе храма представляетъ собою правильный крестъ, съ обрѣзанными углами. Надъ каждою оконечностью креста самостоятельно выростаетъ придѣлъ, увѣнчанный сложнымъ, идущимъ уступами, куполомъ. Надъ серединнымъ четыреугольникомъ основанія высится главный куполъ, такой-же сложный, съ такими-же уступами, только гораздо выше четырехъ боковыхъ.

Въ томъ, что корпусъ храма отъ самаго основанія сложенъ и состоитъ какъ-бы изъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей, только гармонично соединенныхъ въ одно цѣлое,—сказывается характерная особенность деревянныхъ церквей стараго малороссійскаго стиля. Читатели неоднократно видѣли снимки подобныхъ церквей на страницахъ „Кіевской Старины“.

Получивъ любезное разрѣшеніе настоятеля храма о. Ѳ. Мировича, я просилъ товарища взять фотографическій приборъ (которымъ онъ, какъ художникъ-любитель, владѣетъ превосходно) и присоединиться ко мнѣ для осмотра церкви.

Былъ прекрасный іюньскій день, когда намъ отперли маленькую пристройку передъ главнымъ входомъ во храмъ. Намъ представилась массивная, почернѣвшая отъ времени, небольшая по размѣрамъ, дубовая дверь, запертая огромнымъ замкомъ и заключенная въ луткахъ съ рѣзною надписью, на половину закрытою иконами, уставленными въ этомъ маленькомъ притворѣ благочестивыми мѣщанами-прихожанами. Рѣзы надписи забились толстымъ слоемъ пыли и весьма неясно выдѣлялись на

[1]) Длина храма внутри 24 арш. 9 вершк., ширина 22 арш. 3 вершка.

сѣромъ фонѣ лутокъ. Мы хотѣли снять фотографію съ дверей. Священникъ приказалъ раздвинуть образки, вымыть дверь и лутки. Открыли потомъ настежь дверь притвора и на крылечкѣ уставили приборъ. Снимокъ вышелъ довольно удовлетворителенъ. Надпись на луткахъ слѣдующая: „Во дни благополучнія держави ея императорского священѣйшаго величества благочестивѣйшія великія государины Екатерины Алеѯѣевны второй императрицы и самодержицы всероссійской при благовѣрномъ гдрѣ цесаревичѣ и великѡ кнзѣ Павлѣ-Петровичѣ всероссійского престола законномъ наслѣдникѣ поблагословенію святѣйшаго правительствующого духовного синода и преосвященного Арсенія архіепіскпа митрополита кіевского галицкого и малія Россіи соируженъ хра се воимя покрова Бгоматере коштомъ и стараніемъ воискъ запорожскѡ кошевого благородного гдина Петра Калнишевского и Давида Чорного влѣто ѡ созданія мира 7272 ѡ воплощенія Бга Слова 1764“.

Кто такой былъ упоминаемый въ надписи Давидъ Чорный, сотоварищъ Калнишевскаго по пожертвованію, и какую роль онъ игралъ въ войскѣ запорожскомъ, неизвѣстно. Въ „Исторіи Новой Сѣчи“ Скальковскаго часто встрѣчаются въ шестидесятыхъ годахъ урядники съ этой фамиліей, напримѣръ: асаулъ Парфенъ Чорный, полковникъ перевизскій Тарасъ Чорный, атаманъ Мышастовскаго куреня Мойсей Чорный, полковникъ Николай Чорный и проч. Писарь Герасимъ Чорный и козакъ *Демидъ* Чорный ѣздили по порученію войска въ Петербургъ за полученіемъ котловъ и денегъ, пожалованныхъ Потемкинымъ [1]). Но *Давидъ* Чорный не встрѣчается ни разу. Можно предполагать, что онъ былъ уроженецъ г. Роменъ.

Вошли мы въ церковь. Свѣта довольно, хотя и пробивался онъ, можно сказать, насильно, сквозь позеленѣвшія, чуть-ли не современныя постройкѣ храма, стекла. Стѣны церкви были когда-то выбѣлены бѣлилами, но отъ времени и пыли получили какой-то неопредѣленный грязно-сѣрый цвѣтъ. Странное ощущеніе испытываешь, войдя въ этотъ храмъ. Мнѣ подтверждали это

[1]) Ист. Нов. Сѣчи, II, 154, 326, 327; III, 22, 28, 30, 102.

люди, не смотрѣвшіе на него съ исторической точки зрѣнія. Осматриваешься, точно ожидаешь, что вотъ изъ закоулковъ выйдутъ на встрѣчу къ тебѣ прадѣды..... Въ дни богослуженія иллюзія не нарушается. Приходъ Покровской церкви состоитъ изъ предмѣстьевъ г. Роменъ, населенныхъ ремесленнымъ людомъ, въ значительной степени консервативнымъ относительно платья и вообще внѣшности. Заутреня отправляется раннимъ утромъ, обѣдня совпадаетъ со временемъ раннихъ обѣденъ: надо дать время отдохнуть труженникамъ. Смотришь на эти „чумарки“ „кожухи“, на эти простыя, набожныя лица, на эту прадѣдовскую манеру молиться (при извѣстныхъ возгласахъ и пѣснопѣніяхъ точно волна пробѣжитъ по головамъ, какъ вѣтеръ по зрѣющей нивѣ)—и забываешь совершенно нынѣшнюю..... „публику“.

Красота храма—это его иконостасъ. Иконостасъ высокій, старинный. Про него мало сказать: *рѣзной*, онъ *скульптурный*. Онъ почернѣлъ отъ времени, на позолоту и починку его много потребовалось бы средствъ. Это вѣдь не то, что нынѣшніе „ажурные“ иконостасы, въ одинъ ярусъ высотою. Это массивный, многоярусный иконостасъ, воздвигнуть который могъ только фундаторъ богатый, не жалѣвшій „кошту“. Гдѣ же нынѣшнимъ прихожанамъ сравняться съ Калнишевскимъ?

Снять иконостасъ не было возможности: весь нельзя захватить на небольшомъ разстояніи отъ него, а часть не дастъ представленія о цѣломъ. Мы удовольствовались тѣмъ, что сняли заброшенныя, но весьма интересныя части его; это изваянныя изъ дерева фигуры, почти въ ростъ человѣка, пророковъ и апостоловъ. Ихъ числомъ четыре. Сняты онѣ давно съ иконостаса, по приказанію одного изъ бывшихъ полтавскихъ архіереевъ: слишкомъ ужъ, по мнѣнію преосвященнаго, выходило на католическій ладъ. Фигуры эти съ тѣхъ поръ валяются въ ломѣ и мусорѣ въ колокольнѣ. Чуть ли не второй всего разъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ извлекли ихъ для насъ на свѣтъ Божій.

Первый же разъ одна изъ фигуръ стояла нѣкоторое время на вольномъ воздухѣ и исполняла роль, о которой едва ли и во снѣ снилось создателю ея. Намъ разсказывали, что бывшій

въ Покровской церкви очень долго (1829—1874 г.) священникомъ о. Андрей Пархоменко вздумалъ утилизовать фигуру изображающую, кажется, первосвященника Аарона, такимъ образомъ: онъ приказалъ поставить ее на спускѣ, у воротъ церковной ограды, и нацѣпить ей на руку кошелекъ для сбора пожертвованій на храмъ. Дѣло было въ сороковыхъ годахъ или около того. Но не долго стоялъ у воротъ этотъ необыкновенный собиратель подаяній: однажды его испугались лошади проѣзжавшаго мимо помѣщика и понесли. Ѣдущіе получили серьезные ушибы. Съ тѣхъ поръ полиція приказала убрать фигуру.

Намъ вынесли всѣ четыре фигуры на „цвинтарь", на травку, и поставили ихъ рядомъ. Одна изъ фигуръ изображаетъ св. Іоанна Крестителя; правая рука его опущена, лѣвая приподнята; кажется, онъ въ правой рукѣ держалъ что-то, можетъ быть—жезлъ; у ногъ его агнецъ. Вторая фигура—св. евангелистъ Іоаннъ, въ лѣвой рукѣ держитъ книгу, правая опущена; у ногъ орелъ. Двѣ остальныя фигуры—первосвященниковъ Аарона и Захаріи; платье и позы совершенно одинаковы, только у фигуры, стоявшей около воротъ, отбитъ палецъ и на головѣ не достаетъ первосвященнической тіары. Всѣ фигуры сдѣланы изъ липоваго дерева и позолочены.

Обращаемъ вниманіе на эти остатки церковной старины лицъ, завѣдывающихъ кіевскимъ церковно-археологическимъ музеемъ.

Но не всѣ фигуры сняты съ иконостаса: въ самомъ верху его увѣнчиваетъ вызолоченная фигура Бога Отца, къ сожалѣнію—едва видная: такъ высоко она находится, такъ почернѣла и припала пылью, и такъ слабо освѣщена позеленѣлыми и выцвѣтшими стеклами. По карнизамъ есть нѣсколько фигурокъ ангеловъ.

Приводимъ здѣсь выдержку изъ стараго описанія иконостаса.

Первая по времени, болѣе или менѣе систематическая опись всѣхъ церквей полтавской епархіи сдѣлана была въ 1827 году, по распоряженію еп. Георгія. Въ описи этого года Покровской церкви сказано (измѣняемъ пунктуацію и уменьшаемъ число прописныхъ буквъ):

Иконостасъ въ 4 ярусы, на деревѣ, позлащенный, искусной живописью написанъ [1]). Посрединѣ онаго икона съ изображеніемъ Спасителя, сидящаго на престолѣ, въ раковинѣ, искусно написанная, а надъ вратами Тайная Вечеря [2]). Врата столярною работою отдѣланныя, позлащенныя, съ изображеніемъ въ рѣзбѣ Благовѣщенія пресв. Богородицы. Въ *первомъ* ярусѣ (между колонами) намѣстныя иконы... всѣ въ раковинахъ позлащенныхъ. Во *второмъ* ярусѣ праздничныя иконы... всѣ въ раковинахъ позлащенныхъ. Въ *третьемъ* ярусѣ, по правую сторону: апостолы... въ раковинахъ позлащенныхъ, *Іоаннъ Крестителъ въ рѣзбѣ позлащенный*, Спаситель, несущій агнца на раменахъ, и *Іоаннъ евангелистъ въ рѣзбѣ позлащенный*; по лѣвую сторону: апостолы... въ раковинахъ позлащенныхъ, *Захарія первосвященникъ въ рѣзбѣ позлащенный*, горящая Купина, видѣнная Мойсеемъ, *Ааронъ первосвященникъ въ рѣзбѣ позлащенный* [3]). Въ *четвертомъ* ярусѣ посрединѣ икона съ изображеніемъ Вознесенія Господня, искусно живописью написанная, въ раковинѣ позлащенной [4]); по правою сторону: пророки Іеремія, Исаія, а сверху ихъ икона съ изображеніемъ сошествія Спасителя во адъ, между *двумя искусно столярною* (sic) *работою отдѣланными ангелами позлащенными*; по лѣвую сторону: пророки Даніилъ, Мойсей, сверху ихъ икона съ изображеніемъ лѣствицы, видѣнной Іаковомъ во снѣ, между *двумя искусно столярною работою отдѣланными ангелами позлащенными*. Сверху всего иконостаса *изображеніе Боготца, искусно*

---

[1]) Въ описи 1855 года: „Иконостасъ современный постройкѣ церкви, на деревѣ, въ 3 ярусы, по глазированному на серебрѣ малиновому полю, рѣзьбою *арламентною* (это слово, иногда въ формѣ *арламантною*, потомъ въ описи употребляется излюбленно часто) отдѣланный, вся рѣзба въ позолоткѣ, правильною живописью написанный".

[2]) Въ описи 1855 года: „выше Тайной Вечери изображеніе горы Голгофы; на ней *въ рѣзбѣ Распятіе на крестѣ Спасителя въ краскѣ тѣлесной*, а *предстоящіе Богоматерь и Іоаннъ Богословъ позолоченные*".

[3]) Въ описи 1855 года упоминаются уже иконы этихъ святыхъ „на блятѣ".

[4]) По описи 1855 года: „по сторонамъ той иконы *ангелы предсѣдящіе съ трубами, въ рѣзбѣ фигуры человѣческой, позолоченные*".

столярною работою отдѣланное, позлащенное, съ двумя таковыми же ангелами [1]).

Я подчеркнулъ тѣ мѣста, которыя указываютъ, сколько фигуръ въ иконостасѣ, на сколько онъ „скульптурный“.

Весь храмъ обильно уставленъ иконами въ кіотахъ и безъ нихъ, на многихъ иконахъ старинныя серебрянныя „шаты“.

А. Терещенко въ статистическомъ описаніи г. Роменъ, составленномъ въ 1859 году, говоритъ, что въ Покровской церкви „сохранились даже деревянныя, зеленой краскою окрашенныя сѣдалища для старшинъ войска запорожскаго“ [2]).

Мы сняли еще лутки южныхъ церковныхъ дверей, покрытые очень изящною рѣзьбою. Затѣмъ приступили къ съемкѣ всей церкви. Выбрать удобный для этого пунктъ было довольно трудно, такъ какъ церковь стоитъ на спускѣ и приходилось смотрѣть на нее или сверху, или снизу. Съ боковъ тоже не было подходящаго мѣста. Не смотря на то, что мы съ приборомъ взобрались на плоскую крышу сарайчика, стоящаго на дворѣ церковнаго дома, пониже церкви, фотографія все таки вышла немного снизу. Я попросилъ товарища снять церковь еще съ нѣкотораго отдаленія, что и было исполнено.

Старинными документами Покровская церковь весьма небогата. Въ ней есть рядъ описей церковнаго имущества, которыя съ 1827 года становятся вмѣстѣ и описаніями самой церкви. Самая интересная опись относится къ 1761 году и перечисляетъ предметы, принадлежавшіе еще старой церкви, тоже деревянной, стоявшей нѣсколько ниже нынѣшней. Тутъ есть еще „келѣшки“, „лихтари“, „лямпы“, „стихари полотняные“, „патрахили“, „хустки полотняныя, злотомъ и шолкомъ шитыя“ и проч. Другія описи (1774, 1809, 1827, 1830, 1836, 1843, 1855 и 1856 гг.), чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ста-

---

[1]) Въ описи 1855 года: „вверху... изображеніе Бого-Отца, въ рѣзной фигурѣ позолоченной, на облакахъ посребренныхъ, благословящаго, а въ другой рукѣ держащаго скипетръ, окруженный ангелами въ облакахъ, въ рѣзной же фигурѣ раззолоченными“.

[2]) Журналъ Мин. Вн. Д. 1861 г., ч. 48.

новятся подробнѣе, но вмѣстѣ и скучнѣе. Между прочимъ о созданіи храма въ описи 1827 года сказано: „церковь во имя Покрова пресвятыя Богородицы, деревянная, построена въ 1770 году иждивеніемъ мужей запорожскихъ войскъ кошеваго Петра Калнишевскаго и Давида Чернаго“,—и это выраженіе неизмѣнно затѣмъ повторяется во всѣхъ послѣдующихъ описяхъ. Почему тутъ взятъ 1770 годъ, а не 1764-й, какъ сказано въ надписи на дверяхъ, неизвѣстно. Вѣроятно, по преданію, въ этомъ году церковь была окончена.

Кромѣ описей, есть еще расходныя книги, начиная съ 1756 года. Я съ понятнымъ нетерпѣніемъ открылъ запись расходовъ за 1864-й и слѣдующіе годы, думалъ встрѣтить здѣсь расходы по постройкѣ церкви, но ожиданія мои не оправдались. Я прочелъ:

1764 году.

За издѣлку школнихъ сѣней дано майстрамъ . . . . . 1 р. 60 к.
Куплено на школу соломи ради покритя оной за. . . . . — р. 70 к.
За направку церковного замка дано слѣсару. . . . . — р. 15 к.
За подчинку шпиталя, какъ брали въ лисици дано. . . . . — р. 20 к.

1765 года.

За оправку церковной книги дано . . . . . — р. 80 к.
За переливку звона з додачею киевскому майстру Петру Романовскому дано . . . . . 6 р. — к.
На новій діаконскій стихарь дано. . . . . 5 р. — к.
За оковку звона скликалника дано ковалю. . . . . — р. 25 к.
За направку замковъ церковнихъ дано. . . . . — р. 35 к.
За направку церковного окна скляру. . . . . — р. 12 к.
За обмазку школи дано. . . . . — р. 8 к.
За поставку в школѣ печѣ дано гончару. . . . . — р. 40 к.
За поставку в церковномъ дворѣ печѣ дано гончару . . . . . — р. 80 к.
Работникамъ четыромъ человѣкамъ, которіе возили на печѣ школную и церковного двора глину и фундаменти висипали дано. . . . . — р. 24 к.
На тѣхъ работниковъ и гончара харчей и горѣлки пошло за. . . . . — р. 18 к.
За издѣлку в школѣ оконницъ и дверей да за обкиданнѣ деревомъ школнихъ присиъ дано работникамъ. . . . . — р. 30 к.
Харчей пошло на тѣхъ работниковъ и горѣлки на . . . . . — р. 24 к.

1767 года мѣсяця октября.

За постройку шпиталя покровко(го) уплачено Ѳедору Лисому денегъ рублей . . . . . 7 р. — к.
На той же шпиталь употреблено церковной дранѣ полпята ста.
На той же шпиталь куплено гвоздя желѣзного сотню, цена. . . . . — р. 20 к.

На той же шпиталь куплено соломи за. . . . . — р. 66 к.
За мѣсце на той же шпиталь, что роскопували, употреблено денегъ на работники и на харчъ . . . . . 1 р. 20 к.
Куплено на той же шпиталь кроковъ и латъ за. . . . . — р. 87 к.
Да гончареви, что здѣлалъ в шпиталѣ пѣчъ и грубу, дано денегъ . . — р. 90 к.
На той же шпиталь куплено окошокъ за. . . . . — р. 22 к.
1767 года генваря 12 дня за постройку хати на церковномъ дворищи, где живетъ gонтаръ, дано теслямъ Моисѣеви и Тимошеви Овдѣенку дано . . . . . 2 р. 50 к.
. . . . . [1]).

Правда, эти расходы интересны, но все таки это не то, чего я ожидалъ. Должно быть ктиторы не заботились о мелочныхъ записяхъ, да, вѣроятно, и не желали опубликовывать своихъ издержекъ.

Записи расходовъ идутъ до конца прошлаго вѣка и продолжаются въ нынѣшнемъ; онѣ даютъ довольно интересный матерьялъ.

Есть еще книги, такъ называемыхъ, „указовъ“. Вопреки высказанному какъ-то разъ въ „Кіевской Старинѣ“ мнѣнію объ интересности этихъ книгъ, я позволю себѣ сказать, что это самый неинтересный матерьялъ изъ архивовъ нынѣшнихъ церквей. Въ огромномъ большинствѣ это циркуляры синодскіе, уже напечатанные, здѣсь же прошедшіе нѣсколько инстанцій, канцелярію митрополита, канцелярію мѣстнаго духовнаго правленія, и достигшіе церкви съ несносными приписками этихъ канцелярій. Нужно перечесть массу хлама (конечно, съ точки зрѣнія мѣстной исторіи, о которой и говорилось въ „Кіевской Старинѣ“), чтобы набрести на какой-нибудь мѣстный „указъ“, въ родѣ указовъ еп. полтавскаго Гедеона о необходимости цѣлодневнаго звона въ продолженіе всей пасхальной недѣли, о запрещеніи обливанія при крещеніи, о недопущеніи „бублейницъ“ съ бубликами на церковный погостъ и даже въ притворы во время великаго поста, или въ родѣ слѣдующаго:

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ Черниговской духовной дикастеріи протопопу

---

[1]) Постройка новаго шпиталя и на новомъ мѣстѣ показываетъ, кажется, что къ этому времени была уже выстроена новая церковь.

роменскому Трофиму Терешкевичу. По репорту вашему, съ приложеніемъ данной вамъ отъ дячка села Липоваго Івана Яременка, обиженнаго отъ васъ боемъ, мировой росписки, его преосвященство приказалъ вамъ дать указомъ знать, что означенна примирителная отъ упомянутаго дячка Яременка полученная вами росписка, хотя пріемлется, но чтобъ вы отъ нанесенія подчиненнымъ своимъ такихъ обидъ, какову причинили Яременку, и отъ другихъ подобныхъ тому озлобленій всячески воздержались, и были бы образомъ приличествующимъ разсудителному начальнику, отнюдь не выступая изъ предѣловъ, ограничивающихъ власть вашу въ данной вамъ изъ дикастеріи по должности благочиннаго инструкціи. О томъ вамъ къ исполненію строжайше притвердить и притверждается. 792 года ноября 29. Дому архіерейского экономъ іеромонахъ Іоасафъ. Секретарь Семенъ.... Діаконъ Григорій Прозоровъ".

До настоящаго времени Покровская церковь не подверглась какимъ-бы то ни было передѣлкамъ, которыя-бы исказили ея наружный или внутренній видъ. Въ 1827 году подъ нее подложенъ каменный фундаментъ, при чемъ перемѣнены подвалины, перемощенъ полъ и перекрыта желѣзная крыша. Можетъ быть, церковь послѣ того бѣлилась разъ или два. Въ 1848 году вмѣсто старой колокольни построена новая.

Въ настоящее время Покровской церкви грозитъ большая опасность: ее хотятъ сломать и построить вмѣсто нея каменную. Но ей грозила года два тому назадъ еще большая опасность: ее хотѣли передѣлать.

Какъ-то вдругъ пришли къ заключенію, что церковь совершенно неудобна для богослуженія: и изъ-подъ полу дуетъ, и подвалины подгнили, и холодно, и темно, и тѣсно и, наконецъ, чуть-ли купола не грозятъ паденіемъ. Нашлись архитекторы, которые съ готовностью согласились устранить эти неудобства, руководясь вкусами обывателей. Чтобы сдѣлать церковь помѣстительнѣе, хотѣли пустить въ дѣло пріемъ испытанный, къ сожалѣнію—весьма популярный, изуродовавшій не одинъ десятокъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что къ церкви „придвигаютъ" колокольню. Это

значитъ: дѣлаютъ съ западной стороны храма зіяющую рану, проводятъ отъ этой раны заплату въ видѣ галлереи и связываютъ ее съ чуждымъ и относительно идеи христіанскаго храма вообще, и почти всегда относительно стиля даннаго храма, зданіемъ—колокольнею.

Въ самомъ дѣлѣ, кому въ первый разъ пришла въ голову неудачная мысль давать преимущество этому типу храмовыхъ зданій—большимъ колокольнямъ въ одной связи съ маленькими церквами? Что этимъ выигрывается собственно для церкви? Она становится просторнѣе? Но тутъ увеличиваетъ обширность храма нѣчто постороннее ему—галлерея, связывающая колокольню съ храмомъ. Нижній этажъ самой колокольни въ этихъ случаяхъ все таки остается какимъ-то страннымъ преддверіемъ, въ которомъ входящіе еще не снимаютъ шапокъ. А между тѣмъ здѣсь является весьма серьезное неудобство: звонъ колоколовъ надъ головами молящихся часто совершенно заглушаетъ богослуженіе. Надо полагать, что изобрѣтатели этой идеи не обошлись безъ примѣра запада. Но кто-же не знаетъ, что на западѣ колокола знаменитыхъ столичныхъ храмовъ, обширностью своею во много разъ превосходящихъ наши обыкновенныя церкви, едва равняются по вѣсу колоколамъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Если тутъ имѣется въ виду экономія, такъ и это ошибка: при такомъ способѣ постройки извѣстная высота колокольной башни заранѣе опредѣляется и становится обязательной. Въ старину, напротивъ, поступали экономнѣе: всѣ средства вкладывали только въ храмъ, постройку-же колокольни предоставляли „доброхотнымъ дателямъ“.

Что башня для колоколовъ не стоитъ въ неразрывной связи съ идеей христіанскаго храма, этого, кажется, нечего доказывать. Въ старину вмѣсто колоколовъ и рядомъ съ ними употреблялось било, не требующее никакой башни для своего подвѣшиванія. Наша русская колокольня ведетъ свое начало отъ простыхъ деревянныхъ, потомъ каменныхъ столбовъ съ перекладинами, какъ это, между прочимъ, показалъ въ своемъ рефератѣ на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ г. Султановъ, основываясь на изслѣдованіи колоколенъ старинныхъ городовъ

сѣверной полосы Россіи [1]). Достаточно посмотрѣть на колокольни старинныхъ церквей, хотя-бы Новгорода и Пскова, чтобы видѣть, что въ старину не полагали въ колокольняхъ большого значенія: въ этихъ городахъ при многихъ храмахъ сохранились колокольни, представляющія собою каменные столбы съ арками вмѣсто перекладинъ; иногда нѣсколько такихъ столбовъ выходятъ рядомъ изъ одной стѣны.

При Покровской церкви въ Ромнахъ колокольня по стилю не имѣетъ съ самою церковью ничего общаго. Правда, она покосилась, требуетъ починки. Но зачѣмъ-же переносить ее съ мѣста и прилѣплять къ церкви? Интересно, что для прибавленія свѣта хотѣли прорѣзать въ стѣнахъ церкви бо̀льшія окна; двери нынѣшнія собирались тоже расширить и замѣнить болѣе современными.

Были уже составлены планъ и смѣта предстоящихъ искаженій; куплены дубы, которые и теперь лежатъ около церковной ограды. Къ счастью, епархіальное начальство взглянуло на дѣло просвѣщеннѣе мѣстныхъ дѣятелей. Оно не позволило передѣлывать церкви, а разрѣшило ее сломать, если у прихожанъ есть средства построить новую, *каменную*.

Теперь все дѣло въ томъ, чтобы избѣжать опрометчивой торопливости. Во имя художественнаго вкуса, изъ уваженія къ старинѣ, ко храму, въ которомъ крестились, вѣнчались, погребались, изливали предъ Богомъ свои скорби и радости дѣды и прадѣды нынѣшнихъ покровскихъ прихожанъ, имъ бы слѣдовало серьезно подумать надъ тѣмъ, ломать ли зданіе, могущее еще, быть можетъ, пріютить ихъ внукозъ. Пусть въ этомъ случаѣ старики не слушаютъ молодыхъ, а по-стариковски обсудятъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Надо пригласить освидѣтельствовать храмъ знающаго архитектора. Можетъ быть, онъ найдетъ, что достаточно пока незначительной починки, чтобы церковь сдѣлать удобнѣе. А тѣмъ временемъ, не спѣша, можно собрать болѣе значительныя средства и замѣнить потомъ этотъ достой-

[1]) Сообщеніе г. Султанова озаглавливалось: „Историческое развитіе типа русскихъ колоколенъ“.

ный своего времени храмъ другимъ, который былъ бы на столько же достоинъ нашего времени.

Довольно тщательное знакомство съ документами, имѣющимися въ роменской Покровской церкви, не дало никакихъ разъясненій относительно мѣста рожденія Калнишевскаго. Нѣсколько времени спустя, я получилъ ихъ, откуда не ожидалъ, именно—изъ „Полтавскихъ губернскихъ вѣдомостей". Въ №№ 3—6 этой газеты за 1890 годъ напечатанъ былъ историко-статистическій очеркъ, подъ заглавіемъ: „Ромны", написанный г. В. Бучневичемъ. Въ одной изъ выносокъ этой статьи говорилось (въ № 4-мъ): „Родина Калнишевскаго село Пустовойтовка, Роменскаго уѣзда, гдѣ онъ пожертвовалъ на тамошнюю Троицкую церковь 100 руб. и за полученіемъ этихъ денегъ ѣздили въ сѣчь запорожскую викарный іерей того села Тимофей Яковлевъ и ктиторъ Андрей Харченко". Хотя г. Бучневичъ въ своихъ писаніяхъ[1]) обыкновенно игнорируетъ употребленіе кавычекъ и ссылокъ, но такъ какъ у него источники всегда одни и тѣ же и весьма не замысловаты, то раскрыть элементы его свѣдѣній вообще не представляетъ затрудненій. На этотъ разъ однако указанія на с. Пустовойтовку не нашлось въ его источникахъ: ни въ словаряхъ Щекатова и Семенова, ни въ статистическихъ описаніяхъ Полтавской губерніи Арандаренка и Терещенка. Надо было, при случаѣ, побывать въ Пустовойтовкѣ.

Село Пустовойтовка лежитъ всего верстахъ въ 8—10 отъ Роменъ, вверхъ по Сулѣ. Долина рѣки въ этомъ мѣстѣ не широка, версты 3—4, и почти сплошь покрыта селами. Въ настоящее время села эти разрослись на столько, что почти примыкаютъ одно къ другому вплотную. Верстахъ въ трехъ отъ Роменъ лежитъ Герасимовка, противъ нея за рѣкой Плавинище, за Герасимовкой Аксютинцы, Пустовойтовка, далѣе Будки, Волковцы, Коровинцы и проч., и такъ до пограничнаго города Харьковской губерніи Недригайлова. Ставъ за роменскимъ соборомъ на краю высокаго выступа, видишь въ сѣверовосточ-

[1]) См. о нихъ „Кіевскую Старину" за 1883 г. V, 161 и за 1892 г. V.

номъ направленіи эту долину, усѣянную церквами, верстъ на 20. Правый берегъ Сулы въ этомъ мѣстѣ довольно высокъ и живописенъ, и весьма интересенъ въ отношеніи доисторической археологіи, особенно, если интересоваться блестящими коллекціями. Это мѣсто, какъ разъ надъ селами Аксютинцами и Пустовойтовкой, покрыто такъ называемыми скиѳскими курганами и въ послѣдніе годы привлекло къ себѣ вниманіе археологовъ, г.г. Кибальчича, Самоквасова, Антоновича, Мазараки и др.

Село Пустовойтовка ничѣмъ не отличается отъ сотенъ малороссійскихъ селъ, хорошо извѣстныхъ читателямъ, живущимъ въ южномъ краѣ; тѣ же извилистыя улицы съ хатками внутри дворовъ, идущихъ въ перемежку съ садиками, огородами, тѣ же левады, выгоны передъ селомъ, церковь, прячущаяся въ зелени.

Сопутствовать мнѣ въ поѣздкѣ въ Пустовойтовку любезно согласился мѣстный уроженецъ В. И. Б., сообщившій мнѣ передъ тѣмъ, что въ пустовойтовской церкви есть вещи, пожертвованныя Калнишевскимъ. Мы заѣхали къ священнику о. К. Яновскому, принявшему насъ чрезвычайно радушно. Такъ какъ дѣло было за полдень, то мы, не откладывая, отправились въ церковь. Узнавъ объ этомъ, въ церковь явились о. діаконъ и учитель мѣстной школы. Всѣ эти люди, очевидно, проникнуты были любовью къ своему храму. Они съ величайшей готовностью и знаніемъ всего имущества церковнаго рылись съ нами въ старыхъ церковныхъ бумагахъ, показывали предметы церковной утвари, обращали наше вниманіе на ускользавшія отъ насъ подробности. О. настоятель любезно согласился дать мнѣ на просмотръ нѣсколько старыхъ метрическихъ книгъ, которыя я обѣщалъ возвратить въ цѣлости.

Церковь дѣйствительно оказалась построенной Калнишевскимъ и обладающей пожертвованнымъ имъ великолѣпнымъ евангеліемъ. Беремъ опись 1827 года и читаемъ:

„Церковь во имя св. Тройцы, деревянная, построена въ 1773 году иждевеніемъ кошового войска запорожскаго Петра Ивановича Калнишевскаго, о трехъ главахъ, куполы на коей

первоначально покрыты были гонтою, а вся церковь шеліовкою; но въ 1818 году мѣсяца сентября 24 дня, по дозволенію преосвященнаго Меѳодія, бывшаго епископа полтавскаго и переяславскаго, куполы и вся церковь покрыта вновъ чернымъ желѣзомъ, окрашена зеленою краскою, съ внутри выбѣлена, притворы пристроены къ церквѣ. По правую сторону пономарня, а по лѣвую ризница.

„При церквѣ на погостѣ состоитъ колоколня деревянная въ одинъ ярусъ, построенная въ 1795 году по дозволенію преосвященнаго Виктора, архіепископа черниговскаго и нѣженскаго, покрыта сверху дранью, ничемъ не окрашена, да и починки доселѣ ни въ чемъ не имѣла".

Церковь не сохранилась въ этомъ видѣ до нашего времени. Лѣтъ пять тому назадъ она передѣлана по описанному выше популярному способу. При передѣлкѣ лутки старыхъ дверей съ рѣзною надписью выброшены и пропали безслѣдно.

Мы занялись осмотромъ евангелія. Оно московской печати 1758 года, въ листъ, переплетено въ дубовыя доски, обложенныя серебряными вызолоченными листами, по которымъ серебряная же накладная рѣзьба. Переплетъ на корешкѣ и застежки тоже серебряные. Лицевая доска весьма искусно отдѣлана: по срединѣ рельефное распятіе, по сторонамъ котораго помѣщены Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ; надъ распятіемъ св. Тройца, подъ распятіемъ Іоаннъ Златоустъ; съ боковъ—около Божіей Матери Василій Великій, около Іоанна Богослова Андрей Первозванный. По угламъ доски евангелисты: вверху Матѳей и Маркъ, внизу Лука и Іоаннъ. Подъ Іоанномъ Златоустомъ фигура ангела, а подъ нею, у края доски, рѣзная надпись: *„Сія книга евангеліе издѣлано коштомъ воіска запорожскаго нізового судіи войскового Петра Ивиновіча Калнишевскаго"*. На нижней доскѣ по срединѣ изображеніе Спасителя на облакѣ, окруженнаго ангелами; правая рука поднята вверхъ для благословенія, въ лѣвой—шаръ. По угламъ четыре выпуклости, около полувершка въ вышину, въ качествѣ подставокъ. На внутренней сторонѣ нижней доски, внизу, у обрѣза листовъ, рѣзная надпись: *„В церковъ святотроецкую села Пустовоітовки: 1762 году: ценажъ оному пять*

сотъ рублей". По листамъ евангелія (отъ 8 до 43 стр.) внизу написано: „*Сія книга евангеліе вцерковъ свято троецкую села Пустовойтовки издѣлано стараніемъ и коштомъ войска запорожскаго Низового войсковою суди, нинѣ уже Кошевого атамана Петра Івановича Калнишевскаго. За здравіе его и заупокой умершихъ Іоанна, агафіи, Зѣновіи. Еще вживыхъ андрея, Параскавеи, Сімеона, Андрея и Іосифа еще в живихъ пребивающаго. Оному жъ Евангелію цена пять сотъ рублей. Подписана в сѣчѣ Запорожской 1762 году іюля 3 дня*". На внутренней сторонѣ нижней доски есть еще какая то подпись, мною не разобранная. Длина досокъ 11 верш., ширина 7¼ в., вѣсу въ евангеліи 28 фунтовъ.

Священникъ и діаконъ намъ разсказали, что церковь посѣщалъ г. Кибальчичъ и очень хотѣлъ пріобрѣсти евангеліе, но условія для этого оказались неподходящими.

Кромѣ евангелія, въ церкви есть два пожертвованныхъ запорожцами креста, совершенно одинаковые, кипарисные, въ серебряной оправѣ съ такими же подножіями, вызолоченные узорами. Кипарисъ, вставленный въ оправу, какъ въ рамочки, затянутъ съ обѣихъ сторонъ очень тонкими слюдяными листочками. На одномъ изъ крестовъ, по краямъ подножія внутри, рѣзная надпись: „*сей крестъ надалъ осавулъ воиска запорозкого низового всело пустовѣтовку до храму пресвятыя тройци 1757 года: іюля: 5: д.*" На другомъ, въ томъ же мѣстѣ, такая же надпись: „*сей крестъ наданъ отъ козаковъ сѣчи запорозкой куреня Кущьвскаго Давида Бородавки и Василя помершаго в село пустовойтовку до храму святыя троици*". Есть и дарохранительница такой же точно работы, какъ кресты, только безъ надписи.

Осмотрѣвъ эти вещи и прочитавъ, что можно было успѣть до сумерекъ, изъ церковныхъ документовъ, мы вернулись къ священнику, отъ котораго уѣхали съ самыми лучшими впечатлѣніями.

Къ сожалѣнію, ни въ документахъ, просмотрѣнныхъ въ самой пустовойтовской церкви, ни въ метрическихъ книгахъ, прочитанныхъ дома болѣе внимательно, нигдѣ не встрѣтилось

фамиліи Калнишевскаго, или Калныша. Книги же обнимали время отъ 1723 до 1768 и отъ 1780 до 1804 годовъ.

Не смотря однако на отсутствіе имени Калнишевскаго въ пустовойтовскихъ церковныхъ книгахъ, ясно было, что сообщеніе г. Бучневича не гадательно. Чрезъ нѣсколько времени я наконецъ открылъ и самый источникъ этого сообщенія. Оно было получено г. Бучневичемъ отъ старосты роменскаго Святодуховскаго собора И. А. Курилова, который заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ архива бывшаго роменскаго духовнаго правленія.

Надо замѣтить, что архивъ этотъ могъ бы весьма пригодиться для изслѣдователя мѣстной старины, если бы не былъ въ столь жалкомъ положеніи, въ какомъ находится въ настоящее время. Помѣщается онъ въ соборной колокольнѣ, въ темной каморкѣ. Теперь по крайней мѣрѣ, благодаря старанію протоіерея собора о. А. Ельчукова и г. Курилова, въ дыру, служившую окномъ для этой каморки, вставлена рама со стекломъ; потолокъ каморки, которымъ служилъ досчатый дырявый помостъ подъ колоколами, обитъ листовымъ желѣзомъ, и въ самой каморкѣ сдѣланы полки, на которыхъ положены уцѣлѣвшія связки бумагъ. Прежде же архивъ былъ почти что подъ открытымъ небомъ: сквозь огромныя щели помоста сверху и сквозь дыру въ стѣнѣ сбоку бумаги мочило дождемъ и забивало снѣгомъ и пылью (колокольня не высока). Не мудрено, что отъ нѣкоторыхъ связокъ остались только кучи истлѣвшей бумаги. Заниматься въ каморкѣ не возможно, потому что, помимо всякихъ другихъ неудобствъ, въ ней совершенно темно.

Будучи старостой собора, г. Куриловъ разбиралъ бумаги этого архива и на основаніи ихъ составилъ „историко-статистическое описаніе роменскаго Святодуховскаго собора [1])". Онъ же сообщилъ выписку изъ дѣлъ архива и г. Бучневичу. На мою просьбу показать мнѣ самое „дѣло", изъ котораго сдѣлана выписка, г. Куриловъ отвѣтилъ, что дѣло гдѣ то въ архивѣ. Съ дозволенія о. протоіерея я полѣзъ въ каморку, попросивъ въ

[1]) Моя рецензія объ этомъ сочиненіи въ „Кіев. Стар." за апрѣль 1888 года.

руководители г. Курилова. Сколько мы ни рылись, искомаго „дѣла“ не нашли. „Дѣло“ же, по объясненію г. Курилова, состояло въ прошеніи причта пустовойтовской церкви о выдачѣ ему изъ роменскаго духовнаго правленія паспорта для поѣздки въ Сѣчь за полученіемъ обѣщанныхъ Калнишевскимъ на церковь 100 рублей денегъ; при этомъ въ прошеніи было оговорено, что изъ Пустовойтовки кошевой „и родомъ состоитъ“.

Но прошло нѣсколько времени, и г. Куриловъ доставилъ мнѣ въ подлинникѣ два другихъ „дѣла“, которыя гораздо яснѣе подтверждаютъ происхожденіе Калнишевскаго изъ Пустовойтовки. Они заключаютъ въ себѣ три слѣдующіе документа:

I. В духовное протопопіи роменской правленіе доношеніе [1]).

Войска запорожского низового господинъ кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишъ, отъ своей къ храмамъ Божіимъ горливости, вознамѣрился в селѣ вѣдомства протопопіи роменской Пустовойтовкѣ, в которомъ онъ господинъ кошевой родился, от своего собственного кошту вновъ деревянную во імя пресвятія Тройцы церковъ на мѣстѣ свободномъ вистроить; и по заказу его господина кошевого нами подписавшимися на такову церквы новой вистройку потребное число дерева уже виготовлено и майстеръ законтрактованъ, и сумма денежная в наличіи имѣется. Хотя же въ ономъ селѣ Пустовойтовкѣ нынѣ находящаясь церковь не совсѣмъ еще въ крайную обедшалость приходитъ, однакъ какъ невомѣстительною для насъ биваетъ, такъ и часъ отъ часу уже приходитъ въ порчь, а по разсужденію нашему толко что до вистройки можетъ постоять; а по заказу жъ его господина кошевого и по нашему общему совѣту, вознамѣренни ми, за устроеніемъ новой церквы старую разобравъ, з дерева годного, з добавкою нового, здѣлать около новой церквы ограду. И понеже онъ господинъ кошевой атаманъ чрезъ нарочного з Сѣчи Запорожской присланнимъ к намъ подписавшимся сего года и мца писмомъ заказалъ, чтобъ сего лѣта неминуемо такова вновъ

[1]) Перемѣны въ правописаніи, противъ подлинника, состоятъ только въ разстановкѣ знаковъ препинанія, раздѣленіи слитыхъ словъ и употребленіи прописныхъ буквъ.

церковь заложена била и строитись началась, о чемъ от себе и писменную к его преосвященству митрополиту кіевскому и галицкому просбу запечатанную приложилъ, с которою ми и явитись къ его преосвященству въ скорости намѣренни, то за долгъ порядка и в здешнее духовное правленіе представляя, покорно просимъ, прописанное мѣсто, на которомъ та въ новъ церковь строитись імѣетъ, и материяли освѣдителствовавъ, и отъ сего духовнаго правленія къ его ясне в Бг8 преосвященству ж в подлежащихъ обстоятельствахъ с прошеніемъ на заложеніе архипастирского благословенія представленіе учинить.

О семъ просятъ церквы пустовойтовской троецкой прихожане: атаманъ Динисъ Сидоренко, ктиторъ Леско Стайко, Яковъ Скрипаль, Гордѣй Заворотко, Грицко Коржъ, Каленикъ Соломка, Иванъ Черевко, Кузма Донець, Кирикъ Коваленко, Грицко Любаръ; а во мѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе тоя же церкви іерей Тимоѳей Яковлевъ подписался [1]).

II. Бжіею мтію смиренный Гавріилъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій [2]).

По благодати, дару же и власти всятаго и животворящаго Духа, даннѣй намъ отъ Архіерея Великаго, прошедшаго небеса, Хрта Спасителя міра, чрезъ его намѣстники стым апостолы и ихъ преемники, пастыри и учители церковные, другъ другопреемно; а по доношенію духовнаго роменскаго правленія и по прошенію села Пустовойтовки церкви стым живоначалныя Тройцы священника Тимоѳея Яковлева съ прихожаны, и по письменномъ войска низоваго запорожскаго атамана кошеваго Петра Ивановича гдна Калнишевскаго прошенію,—благословили мы въ ономъ селѣ Пустовойтовки церковь деревянную въ то жъ стым живоначалныя Троицы имянованіе, во мѣсто имѣющейся нынѣ обетшалой, вновь на другомъ вигоднѣйшемъ мѣстѣ, по подобію прочихъ стыхъ церквей, по чинополоненію

---

[1]) Помѣта: „поданно 1773 года мая 25 дня, № 31“.

[2]) Эти слова написаны собственноручно митрополитомъ Гавріиломъ Кременецкимъ.

церковному, протопопу роменскому Константину Крижановскому соборнѣ заложить и о заложеніи оной намъ отрепортовать; и притомъ наблюдать, чтобъ въ той церкви какъ престолъ по силѣ указа, въ с҃т҃ѣйшемъ правительствующемъ сунодѣ 734 года сентября 13 д. состоявшагося, въ вышину аршина шести вершковъ и со дскою, въ длину аршина осми вершковъ, въ ширину аршина четирехъ вершковъ, такъ и жертвенникъ въ пропорцію престола и олтаря были здѣланы; по состроеніи же оной церкви и къ с҃вященію приличное все по силѣ жъ указа, въ святѣйшемъ правительствующемъ сунодѣ октября 9 д. 1742 года состоявшагося, изготовить, чтобъ церковныя сосуды были серебреные, а по самой необходимой нуждѣ оловяные изъ чистаго олова, и олтарныя одежды и с҃вященнослужительскія облаченіи имѣлись хотябъ шелковые, и книгами всего церковнаго круга удовольствованна, и тѣ книги на имя той церкви по листамъ подписанны были; а когда та церковь построится, и приличествующее къ освященію совсѣмъ изготовлено будетъ, тогда оное все от духовнаго роменскаго правленія описавъ, съ достовѣрнымъ свидѣтелствомъ ту опись прислать къ намъ при доношеніи, и сколько дворового числа и въ нихъ мужеска и женска пола душъ въ наличіи въ приходѣ тоя церкви находится, обявить имянно, и какъ о с҃вященіи оной новой, такъ и о розобраніи обетшалой церквей тогда жъ просить нашего пастырскаго благословенія, при коемъ прошеніи и прежный освященный антиминсъ для освидѣтельствованія къ намъ прислать чрезъ с҃вященика оной же церкви; а до устроенія и с҃вященія оной церкви с҃вященнослуженіе въ старой по прежнему совершать. Чего въ знаменіе и сія благословителная граммата вышепомянутаго села Пустовойтовки церкви с҃тым живоначалныя Троицы с҃вященик҃ Тимоѳею Яковлеву и фундатору оной церкви съ прохожаны отъ насъ дана, за рукою нашею, при печати каѳедральной, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ каѳедрѣ нашей Софійской митрополитанской. 1773 года, іюня 13 дня [1]).

[1]) Ниже приложена печать, теперь совершенно стертая. На полях помѣта ромен. духов. правленія: „получена 1773 года іюня 18 дня“. „Заложенна августа 25 дня“. № каѳедральной калцелярія 319, № ром духов. пр. 21.

III. Въ духовное роменское правленіе доношеніе.

Вѣдомства протопопіи роменской, въ приходѣ троецкомъ пустовойтовскомъ заложенная въ прошломъ 1773-мъ году деревянная церковь, на мѣсто обветшалой, вновъ строилась всѣмъ коштомъ до единой послѣднѣйшей надобности сего села Пустовойтовки уроженца, бившей сѣчѣ кошевого атамана Петра Иванова Калниша, и состроена уже до самихъ верховъ; но какъ показанной кошевой Калнишъ сталъ отъ мѣста своего удаленнымъ, то ми нижайшіе, сколько могли до состроенія оной церквы возможности нашей, коштъ полагали, но въ совершенное оной окончаніе, по нашимъ оскудѣніямъ, такъ же и за указними нарядами и вистатченіями, оной привесть не можемъ, а остается точію оную гонтою и желѣзомъ покрыть и окожуховать, да и внутрь иконостасъ резбами и иконописствомъ отъдѣлать. Для того духовного роменскаго правленія всенижайше просимъ о таковихъ нашихъ недостаткахъ къ достройки показанной церквы и кѣраинему оскудѣнію въ денгахъ засвидѣтелствовавъ, къ его преосвященству, архипастиру нашому, представить, съ прошеніемъ святителского благословенія и видачи прошнурной книги и граммати на испрашиваніе въ его преосвященства епархіи отъ доброхотнихъ дателей денежного подаянія, и о семъ учинить опредѣленіе.

О семъ просятъ: іерей пустовойтовскій Тимоѳей Яковлевъ, хоружій сотенній Константиновскій Іванъ Заворотко, атамъ сѣлскій пустовойтовскій Мартинъ Потапенко и козаки: Кирило Мартиненко, Антонъ Гейко, Романъ Коваль, Григорій Любарь, Никифоръ Ященко, Каленикъ Соломка, Якимъ Бабѣй, Сидоръ Бабѣй, Яковъ Мелешко, Ничипоръ Мелешко; посполитіе: войтъ Максимъ Чиленко, Трофимъ Черевко, Петро Черевко, Матвѣй Чиленко, Яковъ Скрипка, Петро Ревенко, Иванъ Солонинка, Тимошъ Андрѣенко, Ничипоръ Скрипка, Михайло и Иванъ Харченки, а во мѣсто ихъ вишеписанныхъ козаковъ и посполитихъ неграмотнихъ, по ихъ прошенію, сотенного константиновского правленія подписокъ Иванъ Замура руку приложилъ [1]). 1780 г. мая 7.

---

[1]) Помѣта ромен. дух. правленія: „подачно 1780 года, мая 7 дня".

Эти документы несомнѣнно доказываютъ, что Калнишевскій родился въ с. Пустовойтовкѣ. Надпись на листахъ пожертвованнаго имъ евангелія перечисляетъ его родню: Иванъ и Агафія—родители, остальные—или братья и сестры, или вообще близкіе родственники. Но я не могу себѣ объяснить, почему нѣтъ никого изъ нихъ въ церковныхъ метрическихъ книгахъ села Пустовойтовки? Не носилъ ли отецъ Калнишевскаго другой какой-либо фамиліи?

Вопросъ о средѣ, изъ которой вышелъ Калнишевскій, тоже остается пока открытымъ. На заявленіе г. Скальковскаго о дворянствѣ Калнишевскаго я смотрю, какъ на неудачное предположеніе, потому что дворянства въ нынѣшнемъ смыслѣ еще и не было въ то время въ Малороссіи. Г. Эварницкій говоритъ о какомъ то „собственномъ имѣніи“ Калнишевскаго, взятомъ въ секвестръ, но не указываетъ источника, откуда онъ взялъ это свѣдѣніе.

Мнѣ кажется, что Калнишевскій вышелъ изъ простой народной среды, и главнымъ доказательствомъ этого я считаю именно его обширную церковную благотворительность. Надо проникнуться чисто народнымъ чувствомъ живого убѣжденія въ неизмѣримой важности пожертвованій на дѣло религіи, чтобы такъ, можно сказать, увлекаться этими пожертвованіями, какъ Калнишевскій. Онъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія въ Запорожьѣ. Запорожцы любили жертвовать на церкви, они гордились этимъ, потому что выносили съ собою въ Запорожье усвоенное ими въ народной средѣ чувство уваженія къ „создателямъ и благодѣтелямъ“ храмовъ Божіихъ.

Подведемъ итоги выяснившейся до сихъ поръ церковно-благотворительной дѣятельности Калнишевскаго. Онъ построилъ 4 церкви: въ Межигорьѣ, Лохвицѣ, Ромнахъ и Пустовойтовкѣ, причемъ, если вѣрить письму лохвичанъ къ черноморцамъ, одинъ иконостасъ лохвицкой церкви стоилъ 10,000 рублей; надо, впрочемъ, принять въ соображеніе, что въ Лохвицѣ Калнишевскій построилъ *соборную* церковь, стоившую, должно быть, очень дорого. Онъ пожертвовалъ въ пустовойтовскую церковь евангеліе въ 500 рублей; сдѣлалъ серебряную вызолоченную „шату“ на

икону Богоматери въ Самарскій монастырь, въ 161 р.; во время своего заключенія пожертвовалъ въ Соловецкій монастырь серебряный запрестольный крестъ, вѣсомъ въ 13 съ половиной фунтовъ; туда же, по освобожденіи, сдѣлалъ евангеліе въ 2435 руб.; наконецъ, будучи кошевымъ, послалъ іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды (Эварн. I, 86, II, 182—184; Скальк. II, 266). Объ этомъ пока только мы знаемъ. Но это, очевидно, далеко не все...

И Калнишевскій не ошибся. Многія изъ его пожертвованій, чутко направленныхъ къ удовлетворенію высшихъ потребностей народнаго духа, проживутъ еще вѣка. Они покроютъ доброю памятью имя человѣка, столь несчастнаго при жизни.

Ѳ. Н.

Prof. M. Kowalewsky. Mariage among the early slavs. (Folk-lore, Quarterly Review of Myth, Lond. Dec. 1890).

Неутомимый изслѣдователь въ области первобытной культуры М. М. Ковалевскій, въ 1890 году помѣстилъ въ спеціальномъ англійскомъ журналѣ свою работу, представляющую собой одну изъ лекцій, читанныхъ имъ на такъ называемыхъ ильчестерскихъ курсахъ въ оксфордскомъ университетѣ. Это изслѣдованіе, не смотря на свою относительную краткость, имѣетъ, по нашему мнѣнію, очень крупное значеніе для нашей исторической науки, освѣщая одну изъ ея частей, которая до самаго послѣдняго времени, можно сказать, почти вовсе не была даже еще затронута. До настоящаго времени почти всѣ безъ исключенія русскіе историки оставались при старинныхъ воззрѣніяхъ на патріархальную семью, какъ на первобытную форму человѣческихъ отношеній, не смотря на то, что въ западно-европейской наукѣ взглядъ этотъ довольно давно уже былъ подвергнутъ критикѣ, и исторія развитія семьи была подвинута сравнительно очень далеко. Статья г. Ковалевскаго представляетъ собой первую и почти единственную попытку разсмотрѣть имѣющіяся свѣдѣнія о древней славянской семьѣ съ новой точки зрѣнія, установленной трудами западныхъ, преимущественно англійскихъ ученыхъ [1]) и выводы этой статьи, служа съ одной стороны

[1]) До извѣстной степени вопросъ этотъ разсматривается впрочемъ и въ статьѣ Ѳ. К. Волкова *„Свадебные обычаи славянскихъ народовъ"*, напечатанной въ III т. болгарскаго *„Сборника за народни умотворенія, наука и книжнина"* (окт. 1890 г.), причемъ авторъ, разбирая съ точки зрѣнія свадебныхъ обрядовъ, приходитъ этимъ путемъ къ совершенно тѣмъ-же выводамъ, какъ и г. Ковалевскій.

подтвержденіемъ справедливости новой теоріи, съ другой стороны констатируютъ, какъ кажется, вполнѣ ту-же постепенность развитія семьи у древнихъ славянъ, какая существовала и у всѣхъ прочихъ народовъ.

Переводя съ буквальной точностью извѣстный отрывокъ текста начальной лѣтописи, въ которомъ описываются нравы древнихъ славянъ, г. Ковалевскій приступаетъ къ классификаціи тѣхъ фактовъ, которые можно изъ него извлечь. Прежде всего онъ указываетъ на то, что бракъ въ смыслѣ постояннаго союза между мужемъ и женою, очевидно, вовсе не былъ общимъ установленіемъ у восточныхъ славянъ. За исключеніемъ болѣе цивилизованныхъ Полянъ, ни одно изъ прочихъ племенъ не имѣло еще объ немъ и понятія.

Конечно, это еще вовсе не значитъ, чтобы восточные славяне вовсе не имѣли семьи, дѣло въ томъ, что устройство ихъ семьи не соотвѣтствовало понятіямъ объ этомъ предметѣ автора лѣтописи. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне умыкали себѣ женщинъ, предварительно съ ними сговорившись; это, разумѣется, не могло быть названо бракомъ съ христіанской точки зрѣнія— мы-же въ данномъ случаѣ имѣемъ примѣръ того, что этнологи называютъ бракомъ черезъ умыканіе. У Древлянъ, племени наиболѣе дикаго, говоритъ далѣе г. К—ій, были свои игрища, на которыхъ похищали дѣвицъ (текстъ лѣтописи (Ипат. 7) говоритъ впрочемъ только объ умыканіи у воды: „умыкаху у воды дѣвица“, не упоминая ничего объ игрищахъ); но въ лѣтописи ни слова не говорится объ уговорѣ между похитителемъ и его предполагаемой жертвой. Возможно, что игрища эти были на границахъ или окраинахъ деревень, фактъ, который указываетъ на существованіе экзогаміи, запрещавшей союзы между членами одного и того-же рода (gens). Въ описаніи лѣтописца мы видимъ господство почти безграничнаго распутства (licence) у Древлянъ, картину экзогамическаго народа, женящагося посредствомъ умыканія и находящагося въ періодѣ перехода въ семейный коммунизмъ, что очевидно изъ отношеній между свекрами и снохами. У Полянъ мы не находимъ и слѣда той ограниченной или неограниченной promiscuité, которая господству-

етъ у другихъ славянскихъ племенъ. Но, тѣмъ не менѣе, это было все таки племя экзогамическое, что видно изъ обычая приводить себѣ женъ, очевидно не принадлежащихъ къ тому-же роду. Но у нихъ женихъ уже не похищалъ невѣсту, а прямо получалъ ее изъ рукъ ея родителей, уплачивая имъ за нея извѣстный выкупъ. Относительно этого выкупа выраженіе лѣтописи, говоритъ г. К — ій, не вполнѣ ясно, и прежніе русскіе ученые почти постоянно толковали его въ смыслѣ приданнаго, которое было приносимо на другой день послѣ приведенія невѣсты. Но въ послѣднее время выяснено, что до XV стол. въ источникахъ русской исторіи приданное вовсе не упоминается и что слово *вѣно*, употреблявшееся въ древне-русскомъ языкѣ, означало только *pretium nuptiale*.

Свидѣтельство начальной лѣтописи о различныхъ формахъ брака у восточныхъ Славянъ заставляетъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго обратить на себя вниманіе, такъ какъ оно подтверждается прочей древне-русской литературой, русскими эпическими поэмами, свадебными пѣснями и обрядами и наконецъ существованіемъ ихъ и теперь въ разныхъ отдѣльныхъ уголкахъ Россіи. Древляне, говоритъ г. Ков—ій, не были единственнымъ славянскимъ племенемъ, которому приписывается первобытная свобода нравовъ, и ссылается на извѣстное свидѣтельство Космы Пражского, къ которому съ такимъ раздражительнымъ скептицизмомъ относится въ своемъ курсѣ Русск. Исторіи, г. Бестужевъ-Рюминъ (I, стр. 37). Въ подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія г. Ков — ій приводитъ свидѣтельства неизвѣстнаго автора житія св. Адальберта и русскаго монаха Памфила, жившаго въ XVI ст. и вооружавшагося противъ праздниковъ въ честь Ярила, упоминаетъ далѣе объ извѣстныхъ пунктахъ Стоглава и разсказываетъ наконецъ о современныхъ уже намъ праздникахъ Ярила, а также о переживаніи этихъ праздниковъ, которое онъ видитъ въ существующихъ до сихъ поръ великорусскихъ посидѣлкахъ и малорусскихъ вечерницяхъ. Указывая при этомъ на совершенно аналогическія явленія въ нѣмецкомъ населеніи кант. Гларуса (Kilbenen), въ южныхъ мѣстностяхъ Бадена и Вюртемберга

(Kilchgang или Dorfgehen) а также въ Уэльсѣ (bundling) онъ прибавляетъ, что этихъ примѣровъ достаточно, чтобы въ сравнительной безнравственности русскаго народа видѣть не что иное, какъ переживанія первобытныхъ формъ брака, общихъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ.

Доказательства патріархальнаго строя семьи у древнихъ славянъ г. К—ій видитъ въ запрещеніи браковъ между лицами родственными по отцу и по дѣду, въ свидѣтельствѣ того-же біографа св. Адальберта и наконецъ въ русскихъ былинахъ (Соловей-разбойникъ, женящій своего сына на своей же дочери). Какъ на примѣры экзогамическихъ браковъ, сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, онъ указываетъ на нѣкоторыя мѣстности Архангельской губ., Сибири и Нижегородской губ., заимствуя эти свѣдѣнія изъ соч. г. Смирнова „Очерки семейныхъ отношеній и пр.“. Другимъ важнымъ доказательствомъ существованія патріархата у древнихъ русскихъ славянъ г. Ковалевскій считаетъ независимое положеніе женщинъ въ древнія времена, на которое указываютъ, кромѣ прямого свидѣтельства Космы Пражскаго, легенды о чешскихъ амазонкахъ, упоминаемыхъ тѣмъ же писателемъ, и о русскихъ *поленицахъ*, упоминаемыхъ въ былинахъ и наконецъ сравнительно недавній еще, приводимый Бопланомъ обычай, по которому въ Украинѣ дѣвушки сами себѣ выбирали жениховъ. Къ этимъ очень характернымъ фактамъ г. Ковалевскій присоединяетъ еще одно очень важное доказательство въ пользу существованія въ древней Руси патріархальной семьи, извлеченное изъ самого законодательства, а именно—наиболѣе древнюю версію перваго параграфа текста Русской Правды, которымъ мщеніе за убійство отца принадлежитъ, кромѣ его сына „братоу чадоу любо сестриноу сынови“. Въ обществѣ, организованномъ по принципу агнатическаго родства, говоритъ г. Ковалевскій, сынъ сестры не имѣетъ никакого повода вмѣшиваться въ преслѣдованіе убійцы своего дяди, такъ какъ онъ принадлежитъ къ другому роду, а обязанность мщенія лежитъ исключительно на членахъ рода, къ которому принадлежитъ убитый. Самый фактъ опущенія этой части древняго текста въ болѣе позднихъ спискахъ

указываетъ, по мнѣнію г. К—аго, на послѣдовавшее потомъ развитіе агнатическаго строя семьи, причемъ, разумѣется, упомянутый законъ не могъ имѣть болѣе мѣста. Наконецъ авторъ ссылается на существованіе подобныхъ же обычаевъ и у южныхъ славянъ, засвидѣтельствованное проф. Богишичемъ и съ его словъ Краусомъ.

Сопоставляя затѣмъ свои выводы съ фактами, установленными Баховеномъ для Германіи и Макъ-Ленномъ для Англіи, г. Ковалевскій приводитъ для дополненія доказательствъ всей этой теоріи нѣкоторые современные обычаи русскихъ крестьянъ, главнымъ образомъ въ Украинѣ. Здѣсь прежде всего онъ указываетъ на то, что въ свадебныхъ обрядахъ братъ, а не отецъ является главнымъ покровителемъ и защитникомъ сестры, совершаетъ ея ритуальную продажу жениху, начинаетъ расплетаніе ея косы и проч. Къ этимъ фактамъ г. К—ій могъ бы присовокупить еще то характерное обстоятельство, что во всѣхъ рѣшительно обрядахъ украинской свадьбы изъ родителей жениха и невѣсты главная и первенствующая роль принадлежитъ не отцу, а матери, она является представительницей семьи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и семейнаго культа, главнымъ представителемъ котораго служитъ *домовый староста*—первоначально, а отчасти даже и теперь, *дядя* невѣсты съ *материнской стороны*.

Разсмотрѣвши, такимъ образомъ, доказательства существованія патріархата у древнихъ славянъ, г. Ковалевскій переходитъ къ фактамъ, изъ которыхъ можно заключить о существованіи передъ этимъ болѣе ранней стадіи вполнѣ примитивныхъ отношеній между двумя полами, представляющихъ собою явленія *эндогаміи*. Какъ на такого рода факты, онъ указываетъ на нѣкоторыя мѣста русскихъ былинъ (Михайло Казариновъ), на многочисленныя сказки о кровосмѣшеніи (Афанасьевъ—I. 211—212), на украинскія пѣсни, представляющія идеи перехода отъ эндогаміи къ экзогаміи и т. п. Съ другой стороны онъ указываетъ на то, что находящіяся въ тѣсной связи между собою экзогамія и умыканіе женщинъ—дѣйствительно и существовали въ древ. Руси, что видно изъ свидѣтельства началь-

ной лѣтописи о Радимичахъ, Вятичахъ и пр., подтверждаемыхъ множествомъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, въ которыхъ постоянно говорится о похищеніи дѣвушекъ, и не такъ давно существовавшимъ еще обычаемъ похищенія у Южныхъ Славянъ. Приведя рядъ свѣдѣній, сюда относящихся изъ, Вука Караджича и Богишича, г. К — ій упоминаетъ о свидѣтельствѣ Боплана на счетъ похищенія дѣвицъ въ Украинѣ XVII ст. и цитируетъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ великорусскихъ и, главнымъ образомъ, украинскихъ свадебныхъ пѣсенъ.

Переходя затѣмъ къ слѣдующей за умыканіемъ стадіи развитія брачныхъ обычаевъ, г. Ковалевскій указываетъ на браки Полянъ, у которыхъ, по свидѣтельству лѣтописи, приводили невѣсту, послѣ чего женихъ уплачивалъ родителямъ ея извѣстную сумму, представлявшую собою то, что у римлянъ называлось pretium nuptiale. Этотъ обычай Полянъ, какъ думаетъ авторъ сдѣлался современемъ общимъ обычаемъ всѣхъ славянъ и удержался у нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ. Приведя примѣръ существованія его у нынѣшнихъ сербовъ (Вукъ Карадж.) и болгаръ—(Богишичъ) у лужичанъ, чеховъ и поляковъ, г. К—ій упоминаетъ также о знаменитыхъ ярмаркахъ, существовавшихъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Красномъ Бродѣ въ Угорской Руси. Сказавши затѣмъ нѣсколько словъ о значеніи выраженія *вѣно*, которое въ славянскомъ переводѣ библіи (эпизодъ объ Іаковѣ и Лаванѣ) употреблено также въ смыслѣ платы за невѣсту, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этой платы, сохранившейся въ Великороссіи подъ именемъ кладки. Въ этомъ обычаѣ онъ различаетъ двѣ формы: одну—когда отецъ отдаетъ полученныя отъ жениха деньги (кладку) своей дочери въ видѣ приданаго, и другую—когда онъ ихъ беретъ себѣ въ качествѣ главы семьи—общины, и обращаетъ вниманіе на то, что первая изъ этихъ формъ имѣетъ переходной характеръ и указываетъ тотъ путь, которымъ pretium emptionis, употребляя терминъ римскихъ юристовъ, превратился въ dos или приданое, также точно какъ это можно видѣть и въ обычаѣ древнихъ германцевъ, у кото-

рыхъ, по словамъ Тацита, мужья давали приданое своимъ женамъ, а не отцы послѣднихъ [1]).

Такимъ образомъ, заключаетъ свою статью г. Ков—ій, русская этнографія подтверждаетъ теорію развитія брака, которая была впервые установлена англійскими учеными.

В.

[1]) Очень большой теоретическій интересъ представляетъ собой въ этомъ отношеніи обычай современныхъ болгаръ, у которыхъ, (въ Лѣсковцѣ) существуютъ эти обѣ формы pretium nuptiale, устанавливаемыя г. К—имъ: первая подъ назв. *азарлыкъ* или *баштино право*, половина котораго уплачивается во время сговора, а другая послѣ признанія невѣсты сохранившею свою дѣвственность, и вторая подъ назв. *обушта*, которая идетъ на покупку подарковъ, обыкновенно сапогъ для членовъ рода невѣсты, тогда какъ первая передается невѣстѣ и составляетъ ея приданое (*Bogisić* Zbronik sadašnjih provnih obićaja u južnih Slovena. Zagr. 1874, стр. 258, 259 и 221). Кромѣ полнаго подтвержденія мысли г. К—аго, обычай этотъ указываетъ и на двойное происхожденіе этой платы, въ основаніи которой лежитъ съ одной стороны *баштино право*—jus primae noctis со стороны отца, какъ представителя рода, а съ другой—*выкупъ* или *вира* за нанесеніе обиды роду невѣсты ея похищеніемъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Миссіонеры, распространявшіе унію на Украинѣ въ 1776 году.

Іезуиты, подчинивши своему вліянію Польшу и сдѣлавши изъ нея и подвластныхъ ей Холмщины, Литвы и Бѣлоруссіи динарій святого апостола Петра, задумали тоже сдѣлать и съ Украиною. Чтобы достигнуть своего намѣренія, они около половины XVIII столѣтія наслали на Украину своихъ піонеровъ въ лицѣ Доминиканскихъ и Базиліанскихъ монаховъ, которые, поселившись при устроенныхъ ими кляшторахъ въ Бердичевѣ, Умани и Каневѣ и каплицахъ въ Коростышевѣ, Смѣлой, Фастовѣ, Лисянкѣ и Бѣлой Церкви, начали отсюда, подъ охраною польскихъ жолнѣровъ, предпринимать свои миссіонерскія экскурсіи въ сосѣднія мѣстечки и села для распространенія среди православныхъ ненавистной имъ уніи. Извѣстный гайдамацкій ватажокъ Максимъ Желѣзнякъ съ сподвижниками своими, начавъ въ апрѣлѣ 1768 года движеніе, извѣстное подъ именемъ коліивщины, поголовно истреблялъ не только жидовъ и ляховъ, но то же дѣлалъ и съ миссіонерами уніи. Надлежало предполагать, что времена гайдамачины никогда не изгладятся изъ памяти учениковъ Лойолы, но вышло напротивъ. Едва гайдамаки были истреблены, при помощи предводителя русскаго войска генерала Кречетникова, едва на Украинѣ было возстановленно спокойствіе и тишина, какъ въ замѣнъ истребленныхъ іезуиты наслали на Украину новыхъ миссіонеровъ уніи, которые поселились на разрушенныхъ гнѣздахъ своихъ предшественниковъ и еще до возстановленія ихъ стали предпринимать свои миссіонерскія экскурсіи по сосѣднимъ мѣстечкамъ и селамъ. При въѣздахъ въ эти села и мѣстечка вкапывались высокіе дубовые столбы съ надписью на верху ихъ: *Миссія*, и за тѣмъ, подъ охраною польскихъ жолнѣровъ, сюда приходили проповѣдники уніи, имѣя на деждахъ своихъ нашитые кресты и преднося предъ собою статую

Богоматери. О миссіонерской дѣятельности проповѣдниковъ уніи въ мѣстечкахъ Кошоватой и Богуславѣ считаю небезъинтереснымъ дословно списать изъ вѣдомости, составленной Богуславскимъ протопопомъ о. Стефаномъ Левандовскимъ 16 августа 1779 года и тогда же отосланной въ Переяславскую духовную консисторію, подъ вѣдѣніемъ которой находилась Украина до іюня 1785 года.

«1776 года генваря 1 дня, пишетъ о. Левандовскій, владѣнія пана Молодецкаго мѣстечка Кошоватой губернаторъ Гуляницкій, по приказу унитскихъ духовныхъ властей, призвавъ вездѣ шатающагося апостольскаго миссіонера Андрея Кондратовича и другаго клирика Петра Левоцкаго въ мѣстечко Кошовату, тотчасъ велѣлъ войтамъ, асаульцямъ и козакамъ своимъ согнать не только съ самого мѣстечка Кошоватой, но даже изъ окружныхъ селъ—Луки, Лукіановки, Березнячки и Крутыхъ Горбовъ неунитскій народъ на слушаніе миссіи. Но на сей миссіи апостольскій миссіонеръ болѣе проклиналъ и хулилъ святую вѣру греческую, нежели что другое говорилъ въ пользу уніи; народъ же, слушая оное казанье, въ душѣ своей отвѣтствовалъ тою же хулою и проклятіемъ душепагубной уніи. Того жъ мѣсяца 2 числа паки оный Гуляницкій велѣлъ тѣмъ же своимъ слугамъ, а особливо полякамъ Михальскому и Кучевскому согнать не только со всѣхъ селъ губернаторства своего, но даже изъ чужихъ владѣній народъ. Но понеже благочестивый народъ не хотѣлъ идти на миссію, то жолнѣры польскіе насильственно згоняли оный и повязанныхъ людей приводили до апостольскаго миссіонера, гдѣ, съ соизволенія и приказу его особы, очень многихъ, а особенно Тихона Кальногузенка, Петра Безверхаго и Алексѣя Малюка, яко начальнѣйшихъ и ревнительнѣйшихъ по благочестію, тяжко и тиранско били батожьемъ для устрашенія прочихъ, а при битьѣ, поварачивая оныхъ на всѣ четыре стороны и отсчитывая по сотнѣ ударовъ, приговаривали: «вотъ тебѣ по сто нагаевъ за каждого изъ вашихъ четверыхъ восточныхъ патріарховъ»! Гдѣ же козаки, асаульцы и жолнѣры не заставали хозяевъ, крыющихся отъ миссіи, то женъ и детей ихъ гвалтовно таскали до апостольского миссіонера; а согнанныхъ на тую миссію трое сутокъ держали и, никуда не выпуская, всѣхъ гладомъ и хладомъ морили, вынуждая согласіе на унію. Но согласія на унію миссіонеръ оный не достигъ ни скаредными казаніями своими, ни тяжкимъ битьемъ, ни хладомъ, ни гладомъ».

«Того же 1776 года Генваря 23 числа вездѣ шатающійся и для взятковъ и корыстей своихъ проводящій миссію апостольскій уніат-

скій миссіонеръ Петръ Кондратовичъ и клирикъ Петръ Левоцкій, прійдя въ мѣстечко Богуславъ, вытребовали отъ пана Войны, полковника Королевскихъ войскъ, пришедшихъ изъ Варшавы, и тамошняго губернатора Медушевскаго охрану для проводу своей миссіи и, по приказу онаго Войны, жолнеры изъ сельскихъ квартиръ всѣ собрались въ мѣстечко Богуславъ для устрашенія народа. Миссіонеры жъ разослали до неуніатскихъ Богуславскихъ церквей универсалъ свой для прочтенія народу и велѣнія идти на миссію, а 31 числа того же генваря зачали въ свѣжо отобранной церкви неунитской Троицкой править свою мшу. Когда же на ихъ набоженство и казанія не пошелъ народъ, то губернаторъ Медушевскій асаульцямъ и козакамъ своимъ, а полковникъ Война жолнѣрамъ своимъ велѣли насильственно вытаскивать народъ съ женами и дѣтьми изъ домовъ и сгонять на миссію, устрашая ихъ нагаями, висѣлицами, посѣченіемъ шаблями и разнаго рода карами. Тѣмъ способомъ согнано было много людей. По отправѣ того дня мши и казанья, войска королевскія, окруживъ весь народъ, погнали оный въ замокъ, куда потаскали насильственно и неунитскихъ Богуславскихъ церквей поповъ, дьячковъ, пономарей и Богуславскаго монастыря начальника отца Корнилія. Въ ономъ замкѣ всѣхъ первѣе увѣщевали, и послѣ принуждали присягать и дать подпись на унію; а какъ ничего не успѣли, то выгнавъ поповъ вонъ съ безчестіемъ, народъ же весь удержали цѣлый день безъ воды и куска хлѣба и разными угроженіями принудили точію нѣкоторыхъ къ подпису на унію, а другихъ сами подписали. Въ таковыхъ нуждахъ и при гладѣ и хладѣ удерживая народъ, велѣно куда только миссіонеры по улицамъ не пойдутъ со процессіею своею, чтобы за ними жолнѣры гнали и народъ, окруженный ими. Видя же Война полковникъ, губернаторъ Медушевскій съ миссіонерами, что народъ являетъ къ процессіи холодность и противность, взяли съ жидовскихъ шинковъ музыку жидовскую и стала музыка играть. Такъ съ жидовскою музыкою процессія прошла по всѣмъ улицамъ Богуслава, найпаче останавливаясь супротивъ жидовскихъ шинковъ, предъ коими миссіонеры вѣру греко-неунитскую называли проклятою схизмою, а Войну и Медушевскаго восхваляли, сказуя: «вотъ души побожныя, вотъ какъ вѣру католицкую щиро утверждаютъ и разширяютъ».

«Февраля 2 дня, согнавши народъ, паки миссіонеры съ жолнѣрами и музыкою цѣлый день удерживали оный; ночной же поры, выйдя изъ Троицкой отобранной церкви съ процессіею, сперва отобрали на унію другую Пятницкую церковь, а послѣ и третью, отнявши

ключи отъ священника Власія Креминскаго. По окончаніи такой трагедійной миссіи, Медушевскій отъ убѣжавшихъ оной взялъ штрафу по 3 и 4 рубля на себя, а со всего народа вытребовалъ много денегъ на миссіонеровъ».

«Когда же народъ, по отобраніи церквей на унію, началъ ходить въ Богуславскій монастырь за своими духовными требами, то жолнѣры не точію воспрещали сіе, но и тяжко били народъ на монастырскомъ цвинтарѣ, выводя оный изъ церкви»,

Протоіерей **П. Орловскій.**

Нѣсколько данныхъ о мѣст. Ратно. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о м. Ратно, помѣщеннымъ въ статьѣ «Возсоединеніе уніатовъ въ мѣст. Ратно» (Кіев. Стар., 1892 г. № 3), сообщаю имѣющіяся у меня свѣдѣнія о томъ-же мѣстечкѣ, извлеченныя изъ грамотъ—Владислава III короля Венгерскаго и Польскаго, данной въ г. Будѣ въ 1440 г., и Сигизмунда III, данной въ г. Варшавѣ 21 марта 1615 г., и другихъ Польскихъ королей.

Подлинныя грамоты хранятся въ главномъ Архивѣ Царства Польскаго, куда онѣ сданы на храненіе мѣщанами м. Ратно $^{14}/_{26}$ февраля 1856 г. (книга № 56, стр. 51). Первая изъ нихъ—Владислава—писана на пергаментѣ на латинскомъ языкѣ, на ней имѣется восковая печать, привѣшенная на шелковомъ бѣлаго и розоваго цвѣта шнуркѣ, а вторая—Сигизмунда писана на пергаментѣ на польскомъ языкѣ съ восковою печатью, привѣшенною на таковомъ же шелковомъ шнуркѣ и скрѣплена Флоріаномъ Олешко, Владимірскимъ Войсковымъ Секретаремъ и писаремъ.

Желая привести м. Ратно въ лучшее состояніе, Король Владиславъ, какъ сказано въ грамотѣ его 1440 г., замѣнилъ существовавшіе до того въ мѣстечкѣ польско-русскіе и всякіе другіе законы правомъ Тевтоническимъ-Магдебургскимъ; кромѣ того жители названнаго мѣстечка навсегда освобождались отъ вѣдѣнія и зависимости воеводъ, кастелляновъ, старостъ, судей, подсудковъ и другихъ чиновниковъ, и по уголовнымъ дѣламъ—о кражахъ, зажигательствахъ, смертоубійствахъ, увѣчьяхъ и др. подчинялись вѣдѣнію своего войта, которому предоставлена грамотою полная власть судить рѣшать и осуждать по точному смыслу и разумѣнію постановленій Тевтоническаго закона. Съ тою же цѣлію установлена въ м. Ратно ярмарка въ день Успенія Пресвятой Богородицы (15 августа) и еженедѣльные торги

по вторникамъ. Въ видахъ же увеличенія народонаселенія въ мѣстечкѣ всѣ мѣщане и жители его освобождены въ теченіе 40 лѣтъ отъ всякихъ чиншей, податей, даней, налоговъ и всякаго рода уплатъ, равно отъ всякихъ работъ, свозки, подводъ и другихъ земскихъ повинностей. — Данныя жителямъ м. Ратно королемъ Владиславомъ привиллегіи преемниками его были не только подтверждены, но еще были расширены. Такъ, король Сигизмундъ I-й грамотой, данной въ 1510 г., предоставилъ ратненскимъ мѣщанамъ свободную рыбную ловлю на р. Припяти и рубку лѣса для домашняго обихода, Тотъ же король въ маѣ 1514 г. разрѣшилъ учредить въ м. Ратно ратушу съ лавками и мѣрами для хлѣба и продуктовъ, продаваемыхъ для общаго продовольствія, а также съ клейменными вѣсами по фунтамъ и лотамъ. Тотъ же король Сигизмундъ I-й въ 1546 г. далъ м. Ратно привиллегію на мостовой сборъ на время Богоявленской ярмарки. Въ 1554 г. король Польскій Сигизмундъ-Августъ предоставилъ ратненскимъ мѣщанамъ право свободно пользоваться рѣкой, а также лѣсомъ для строеній и рынка, освободилъ недѣльные (по вторникамъ) торги отъ пошлинъ, предоставивъ воеводѣ взымать пошлину только съ соли.— Стефанъ Баторій грамотой, данной въ Варшавѣ въ 1578 г., подтвердилъ всѣ привиллегіи своихъ предшественниковъ, данныя ими м. Ратно.

Данныя названными королями жителямъ м. Ратно привиллегіи, какъ можно судить изъ данной 21 Марта 1615 г. королемъ Сигизмундомъ III грамоты, имѣли благотворное вліяніе на сторой общественной жизни мѣстечка. Подъ вліяніемъ съ одной стороны Магдебурскаго права, а съ другой зажиточности жителей, въ м. Ратно заведены были при церквахъ школы для обученія грамотѣ,—устроена была больница и, кромѣ того, содержался на общественныя деньги фельдшеръ (цирульникъ). Но наступившее въ царствованіе Сигизмунда III смутное время не вполнѣ благопріятно отозвалось на благосостояніи жителей м. Ратно. Вслѣдствіе постоянныхъ переходовъ войскъ, какъ сказано въ грамотѣ Сигизмунда отъ 21 марта 1615 г., и нападенія разныхъ бродягъ, жители мѣстечка пришли въ совершенную нищету и разореніе. Почему, желая по ходатайству сенаторовъ въ предупрежденіе совершеннаго упадка мѣстечка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшенія доходовъ для казны, оказать помощь мѣстечковымъ жителямъ, Сигизмундъ III грамотой своей отъ 21 марта 1615 г. предоставилъ имъ слѣдующія льготы: во 1-хъ, предоставилъ въ ихъ распоряженіе питейные по мѣстечку сборы, поступавшіе ранѣе въ пользу

королевскаго Ратненскаго замка, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы изъ тѣхъ (питейныхъ) доходовъ ежегодно 120 польскихъ злотыхъ уплачивались въ два срока въ день св. Варѳоломея и въ крестопоклонную недѣлю по прежнему Ратненскому замку, а 40 злотыхъ въ тѣ же сроки уплачивались жительствующему при церкви (какой—не сказано) учителю, который обучалъ бы дѣтей мѣщанскихъ, не требуя уже за то никакого другаго вознагражденія, развѣ бы кто добровольно что-либо ему пожертвовалъ, съ тѣмъ, какъ сказано въ грамотѣ, чтобы юношество въ томъ мѣстечкѣ не оставалось безъ образованія и наставленія въ страхѣ Божіемъ. Затѣмъ, изъ того же питейнаго дохода 20 злотыхъ ежегодно должно быть выплачиваемо въ пользу польской больницы, которая, какъ сказано въ грамотѣ, имѣетъ быть вновь построена. Остатокъ же тѣхъ доходовъ долженъ быть обращаемъ на городскія потребности и содержаніе порядка по городскимъ обычаямъ и нравамъ. Во 2-хъ жители м. Ратно освобождались отъ уплаты половины чинша, который они по древнему обычаю ежегодно платили съ своихъ домовъ въ пользу Королевскаго Замка, съ тѣмъ, чтобы эта половина чинша шла на содержаніе мѣстнаго фельдшера, содержавшагося и прежде на тѣже средства. Тою же грамотою предписывалось не чинить мѣщанамъ никакихъ препятствій по сбору и расходованію питейнаго сбора ни со стороны тогдашней владѣлицы Ратненскаго староства надворной коронной маршальши Елисаветы изъ Лежинецъ, ни со стороны послѣдующихъ старостъ Ратненскихъ и ихъ слугъ. Однако же права королевскія и республики, а равно и церковныя тою же грамотою оставались неприкосновенными.—Привиллегіи, данныя этою грамотою мѣщанамъ м. Ратно, подтверждены были послѣдующими королями—грамотами короля Владислава IV отъ 26 іюня 1633 г. и 28 Марта 1637 г.,—королемъ Яномъ-Казимиромъ грамотою отъ 10 января 1650 г. королемъ Михаиломъ грамотою отъ 15 іюля 1670 г. и королемъ Яномъ III грамотою отъ 18 марта 1679 г.—Кромѣ того, тѣмъ же мѣщанамъ предоставлены были еще слѣдующія права:—грамотою отъ 25 марта 1635 г. Владиславъ IV воспретилъ посторонннимъ купцамъ производить торговлю въ деревняхъ ратненскаго староства, кромѣ м. Ратно; грамотою отъ 16 марта 1637 г. тотъ же король освободилъ мѣщанъ отъ платежа мостовыхъ и вѣсовыхъ пошлинъ; грамотою отъ 15 іюля 1670 г. король Михаилъ разрѣшилъ въ м. Ратно недѣльную ярмарку на праздникъ Рождества Богородицы (8-го сентября).

До половины XVII в. евреи хотя и проживали въ м. Ратно, но видимо не пользовались никакими правами и прочной осѣдлости не имѣли. Но затѣмъ они начали понемногу селиться въ мѣстечкѣ и исподтишка пріобрѣтать отъ мѣстныхъ мѣщанъ недвижимую собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пользоваться всѣми правами, данными кореннымъ жителямъ мѣстечка, отказываясь въ тоже время нести какія-либо общественныя повинности, вслѣдствіе чего таковыя всею своею тяжестію легли на остальныхъ христіанъ-мѣщанъ. По поводу уклоненія Ратненскихъ евреевъ отъ общественныхъ повинностей коренными жителями мѣстечка—христіанами заведено было въ судахъ дѣло и рѣшеніемъ мѣстнаго старостинскаго суда было постановлено, чтобы евреи, пріобрѣтшіе осѣдлость (недвижимую собственность) отъ мѣщанъ-христіанъ, несли повинности въ размѣрѣ пріобрѣтенной собственности, и это рѣшеніе старостинскаго суда утверждено было грамотою короля Яна-Казиміра 1668 г.

Б.

Коринфскій митрополитъ Митрофанъ въ Кіевѣ (1728—33).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1728 г. прибылъ въ Кіевъ греческій митрополитъ Митрофанъ и, заявивъ о себѣ, что онъ бѣжалъ отъ «бесурманскаго гоненія», просилъ препроводить его въ Москву «для челобитья о позволительномъ ему въ Малой Россіи служеніи и о безбѣдномъ прожитіи». Кіев. Губ. Канц. донесла объ этомъ въ св. Синодъ, но болѣе двухъ лѣтъ не получала отвѣта, а потому и повторила свое «требованіе указа», препроводивъ и собственное м. Митрофана прошеніе, писанное въ генварѣ 1731 г.

Между тѣмъ св. Синодъ запросилъ о Митрофанѣ коллегію Ин. Д., изъ которой, на основаніи реляціи резидента Неплюева, лишь въ декабрѣ 1730 г. было сообщено, что Митрофанъ дѣйствительно былъ митрополитомъ въ Коринѳѣ, но тамъ, «живучи безъ экономіи удобной, возымѣлъ на себя не малые долги и не въ состояніи былъ платить обыкновенной дани, — того ради изверженъ со отнятіемъ чина; потомъ оной митрополитъ, прибывъ въ Константинополь, упросилъ себѣ у патріарха Іереміи прощеніе священнодѣйствовать въ чинѣ митрополическомъ; но, не имѣвъ епархіи, принужденъ былъ ретироваться въ Молдавію къ прежнему князю Михайлу, у котораго дѣтей грамотѣ училъ; оттуда ретировался въ Украину. А иного подозрѣнія, *кромѣ піянства*, никакого на него не было».

22-го февраля 1731 г. послѣдовало опредѣленіе св. Синода [1]) о дозволеніи митр. Митрофану отправлять въ Кіевѣ священнодѣйствіе и посвящать въ священническій и діаконскій чинъ только въ такомъ случаѣ, если воспослѣдуетъ отъ тамошней консисторіи предложеніе по этому предмету.

Если и было приведено это распоряженіе въ исполненіе, то во всякомъ случаѣ весьма не долго пришлось митр. Митрофану священнодѣйствовать въ Кіевѣ, такъ какъ въ томъ же 1731 г. апрѣля 13-го послѣдовало назначеніе архіепископа Рафаила, который и прибылъ въ Кіевъ 10-го октября и тогдаже устранилъ митр. Митрофана отъ священнодѣйствія, какъ видно это изъ найденнаго мною въ документахъ Губ. Канц. указа Св. Синода отъ 13-го ноября 1733 г., въ которомъ сказано:

«... по доношенію изъ оной кіевской губерніи о обрѣтающемся въ Кіевѣ турецкой области Митрофанѣ митрополитѣ Коринфскомъ, который *съ прибытія въ Кіевъ преосв. Рафаила архіепископа отъ священнодѣйствія отрѣшенъ* и живетъ между свѣтскимъ народомъ внѣ монастыря туне, не имѣя жадного себѣ пропитанія, и объ отпускѣ его изъ Кіева въ Москву,—велѣно: Е. Пр. Митрофану, митр. коринф., опредѣлить для пропитанія его и съ служительми мѣсто въ кіевскомъ заднѣпрскомъ или гдѣ индѣ монастырѣ, гдѣ пристойно по разсужденію пр. Рафаила, архіеп. кіев. и гал., священнослуженіе же тому м. Митрофану и поставленіе причта церковнаго въ священство и діаконство позволяется точію съ позволенія оного Рафаила, арх. кіев., и безъ позволенія Е. Пр. священнослуженія ему, митр. Митрофану, отправлять отнюдь не дерзать, и кіев. губ. о томъ вѣдать».

Нельзя не обратить вниманія на то, что указъ этотъ послѣдовалъ по представленію Губ. Канц.; очевидно, архіепископъ Рафаилъ,

---

[1]) П. Собр. пост. и росп. по вѣд. Пр. Исп. т. VII стр. 235. Объ этомъ указѣ упоминается въ „Описаніи К. Соф. соб. и Кіев. іерархіи“ изд. 1825 г. стр. 220: „Во время междуархіерейства кіев. епархіи управляла оною консисторія, и производство въ духовные чины по избранію и удостоенію оной, указомъ св. Синода отъ 28 февр. 1731 г. поручено было греческому коринфскому митроп. Митрофану *въ октябрѣ* 1728 г. пріѣхавшему въ Кіевъ изъ Греціи“.

О *времени* пріѣзда м. Митрофана въ Кіевъ (мартъ мцъ) приводимое въ настоящей замѣткѣ свѣдѣніе взято изъ дѣла Кіев. Губ. Канц., и оно согласно съ напечатаннымъ въ „Полн. Собр. пост. и расп. по вѣд. Пр. Исп“.

устранивши митр. Митрофана отъ священнодѣйствія, не находилъ его заслуживающимъ того, чтобы самому позаботиться о приличномъ его устроеніи гдѣ либо въ своей епархіи. А. А.

Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церкви въ с. Бортничъ (1796 г.). Въ ноябрѣ 1796 г. митрополитъ Іерофей, по просьбѣ священника с. Бортничъ Тимофея Криницкаго съ прихожанами, которые, выстроивъ новую церковь, не могли побѣдности сдѣлать для нея иконостаса, разрѣшилъ имъ взять иконостасъ изъ Кіево-Кириловской церкви, стоявшій на хорахъ «въ такомъ предѣльномъ храмѣ, въ которомъ отдавна уже нѣтъ ни Антиминса, ни престола, безъ всякой надобности, и пришедшій часъ отъ часу отъ накопившейся на немъ пыли и ражавчины къ неминуемой во всемъ порчѣ». Но церковь эта состояла въ вѣдомствѣ Приказа общественнаго призрѣнія, была домовою какъ бы церковью при Инвалидномъ домѣ, а потому при исполненіи этой резолюціи митрополита вышло недоразумѣніе. Смотритель Инвалиднаго дома, не имѣя предписанія отъ своего начальства и узнавъ, что священникъ Іоаннъ Бохановскій увезъ куда-то иконостасъ, донесъ объ этомъ Приказу, какъ о чрезвычайномъ происшествіи, обвинивъ священника между прочимъ и въ сопротивленіи часовому, а на другой день (28-го ноября) донесъ, что онъ нашелъ этотъ иконостасъ въ домѣ какого то мужика, отобралъ и привезъ его обратно въ Инвалидный домъ. По этому поводу правитель намѣстничества Милашевичъ обратился съ запросомъ къ митрополиту Іерофею, который, сообщая вышеприведенное свое разрѣшеніе, писалъ при этомъ, что де «ошибка одна та, что по причинѣ стекшихся во многомъ количествѣ на то время нужнѣйшихъ указныхъ дѣлъ упущено извѣстить объ ономъ Ваше Превосходительство, въ разсужденіе состоящей прописанной Кирилловской церкви на иждивеніи Приказа общественнаго призрѣнія кіевск. губ.; чего для нынѣ о всемъ вышеписанномъ Ваш. Превосх. увѣдомляя, прошу приказать, кому слѣдуетъ, невозбранять взять упоминаемый иконостасъ въ Бортницкую скудную церковь; что же касается до поступка противозаконнаго свящ. Бохановскаго съ часовымъ, буде подлинно онъ произошелъ, не оставлю безъ оштрафованія сего священника». Въ письмѣ своемъ митрополитъ, между прочимъ, заявлялъ, что и отъ предмѣстниковъ его «лишніе иконостаты даны изъ одной въ другую церковь, гдѣ въ томъ надобность состояла».

Послѣ этого письма правитель намѣстничества сдѣлалъ «надлежащее» распоряженіе, и смотритель Инвалиднаго дома передалъ 3 го декабря иконостасъ подъ росписку благочиннаго протоіерея Іоанна Мальковскаго, при чемъ, какъ въ рапортѣ смотрителя, такъ и въ роспискѣ протоіерея, иконостасъ названъ *новымъ*.

Видно, смотритель Инв. дома надв. сов. Иванъ Алексѣевичъ Суковкинъ былъ и раньше не въ ладахъ со священникомъ Бохановскимъ, которому и сдѣланъ былъ митрополитомъ строгій выговоръ съ угрозой отрѣшенія отъ мѣста и со взятіемъ подписки, что онъ будетъ «со всѣми въ ономъ домѣ находящимися офицерами, а особливо съ смотрителемъ тамошнимъ, уважая его чинъ, обходиться вѣжливымъ образомъ безъ нанесенія грубости». 20-го же декабря Суковкинъ представилъ въ Приказъ формальную жалобу отъ лица всѣхъ инвалидовъ на Бохановскаго, обвиняя его въ частыхъ отлучкахъ, въ праздности и пьянствѣ, въ пренебреженіи къ старшинамъ, заявляя, что «служба бываетъ у него только по воскреснымъ и торжественнымъ днямъ, а въ прочіе дни иногда къ вечерни и бываетъ звонъ, а попа въ церкви нѣтъ, и отправляютъ вечерню дьячокъ и пономарь», что онъ «человѣкъ злой и безпокойный, наноситъ излишнія начальству затрудненія», и въ заключеніе проситъ о его удаленіи. На представленіе объ этомъ правителя намѣстничества митрополитъ Іерофей немедленно распорядился запретить Бохановскому священнослуженіе «впредь до дальнѣйшого о немъ по сему предмету разсмотрѣнія». Но въ генварѣ мѣсяцѣ 1797 г. митрополитъ уже разрѣшилъ этому священнику, священнослуженіе «въ другихъ церквахъ Кромѣ Кіево-Кириловской», и «къ бытію при слѣдствіи въ Кіев. ниж. ем. судѣ о дѣлѣ Бохановскаго съ смотрителемъ инвалид. дому» командировалъ Покров. ц. свящ. Симеона Глядиковскаго. Какъ видно изъ обрывковъ переписки, самъ Бохановскій возбудилъ въ судѣ дѣло своею жалобой на помощника смотрителя прапорщика Негоицына. При слушаніи этого дѣла въ уѣздномъ судѣ депутатомъ отъ «духовной команды» былъ Царя-Константиновской церкви свящ. Иванъ Костецкій. Чѣмъ дѣло кончилось, изъ имѣвшейся у меня переписки не видно.

А. А.

Изъ архивныхъ мелочей. V (см. «Кіевскую Старину» 1890 г. № 6, стр. 544; № 5, стр. 379; № 9, стр. 497; 1892 г. № 2, стр. 349).—*Двѣ вѣстовыхъ отписки Гаврiила Остаповича Бѣлаша*, пол-

ковника миргородскаго и гадяцкаго, намѣстника Павла Апостола отъ 18 января (къ окольничему и воеводѣ князю Гр. Гр. Ромодановскому въ Бѣлгородъ) и отъ 19 января 1660 г. (къ Умаю Васильевичу Шамордину да наказному полковнику Василію въ городъ Суминъ.— *Листъ гетмана Ивана Самойловича* отъ 15 сентября 1679 г.

Печатаемыя ниже двѣ вѣстовыхъ отписки о приходѣ крымскихъ и нагайскихъ татаръ, однородныя по содержанію, но различныя по формѣ, ибо адресованы къ разнымъ по служебному положенію и родовитости лицамъ, найдены въ 308 столбцѣ (л. л. 136—137) московскаго стола Разряда Архива Министерства Юстиціи въ совершенныхъ (XVII-го вѣка) подлинникахъ (вмѣстѣ съ ними находятся и списанныя въ канцеляріи разряда копіи съ нихъ). Интересна филигрань бумаги первой отписки: правильной формы двуглавый орелъ съ короной (у Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ московскомъ государствѣ» этой филиграни нѣтъ; срв. впрочемъ таблицу 100, рис. 682). На одной изъ копій читаемъ приложенную ниже приказную помѣту отъ февраля того-же года.

1.

(Въ Бѣлгородъ).

Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всѣхъ великихъ и малыхъ и бѣлыхъ Россій самодержавца и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника государя и обладателя его царскаго величества *Гаврило Бѣлашъ* на мѣсцу Павла Апостола, полковникъ войска его царскаго величества миргородскій и гадяцкій.

Господину моему околничему и воеводѣ князю Григорію Григоріевичу *Рамодановскому*. Въ нынѣшнемъ, во 168 году ануарія 18 день, ознаймую милости твоей про крымскихъ и нагайскихъ татаровъ, што царь кримскій выйшолъ зъ войскомъ своимъ поганимъ и тянетъ къ *Цибульнику*, а послалъ тисячъ сорокъ татаръ и щось немного турковъ къ ляхомъ на помочь добывати *Умани, Кальника, Браславля* и инихъ городовъ, чого имъ Господи Боже не помози. Самъ обецуетъ тянути къ *Чигирину*, къ *Корсуню* и къ инымъ городомъ. Только мѣемъ надѣю въ Господу Богу и въ его царскомъ пресвѣтломъ величеству, же тамъ дороги онымъ поганцемъ не попустятъ. Що мы авзявши вѣдомость отъ полтавскаго полковника, што нагай великій

и малый на наши городы замыслъ мѣютъ, возымали языковъ татарскихъ у помоци, и то о всемъ росказали, якъ тутъ списано. И то твоей милости ознаймивши, испрошуемъ тебе, якіи вѣсти у тебе, и намъ давай знати, а мы если що большего услышимъ, и о томъ будемъ вамъ писать, въ томъ будьте въ пильной осторожности, якъ до войни приналежитъ, по рицерску треба быти готовими, абы насъ сонныхъ непріятель въ дворахъ не ставалъ, але и овшемъ узявши Господа Бога на помощь и ужаючи на его пресвѣтлое царское величество, будемъ онымъ непріятелемъ креста святого отпоръ давать. А въ томъ буди здравъ. Писанъ въ Гадячахъ лѣта 7168 году ануаріа въ 18 день. Къ сему писму Гаврило Остаповичъ Бѣлашъ, полковникъ войска его пресвѣтлаго царскаго величества запорожскаго намѣстникъ миргородскій и гадяцкій печать приложилъ

2.

(Въ Суминъ).

Царского величества въ городъ *Суминъ* господину моему Умаю Васильевичу *Шамордину* да полковнику *Василію*, наказному задля вашего чолобитья, теперь вамъ ознаймуемъ про крымскихъ и нагайскихъ татаровъ, ижъ выйшолъ самъ царь ханъ зъ мурзами великими и послалъ къ ляхомъ сорокъ тисячъ татаръ и турковъ щось немного *Умани*, *Браславля*, *Кальника* и инихъ городовъ доставать. А самъ ханъ на *Цибульникъ* тянетъ *Чигирина*, *Корсуня* и инихъ городовъ добувать. А нагай великій и малый на наши украиныи городы тянетъ, чого имъ Боже не допомози, що имаемъ надѣю въ Богѣ же [1]) ..... и тамъ тіи заднѣпрскіе полки дорогу имъ зарубаютъ, и вамъ бы, воеводѣ и полковнику суминскимъ быти въ добромъ береганью и готовимъ зоставить яко до войни належить, а зъ деревень и городковъ малыхъ и зъ большихъ звозилися. Тое вамъ увѣдомѣвши, Господу Богу поручаемъ васъ. Писанъ въ Гадячемъ 19 ануарія 1660 (҂ахѯ) р.—Вамъ всѣмъ добра зичливый Гаврило Бѣлашъ, полковникъ войска его царскаго величества запорожского миргородскій и гадяцкій намѣстникъ.

Помѣта: «168 г. февраля 6 д. Послать грамоты во всѣ украйные городы, велѣть ѣхать уѣзднымъ людямъ съ женами и съ дѣтьми въ городы.

---

[1]) Слова три не разобрано.

3.

Листъ гетмана Ивана Самойловича.

Іоанъ Самойловичъ гетманъ войскомъ его царского пресвѣтлаго величества запорожкимъ.

Его царского пресвѣтлаго величества воеводамъ въ великороссійскихъ городахъ остаючимъ ознамуемъ. Ижъ отъ стольника и полковника Василіа Ѳедоровича Перхурова съ запорожья высланы суть два человѣки стрелци, и при тыхъ третій нашого регменту, писаръ при немъ, стольнику найдуючимся къ Москвѣ къ великому государю съ трома турецкыми языками ниже Сѣчѣ въ бою на рецѣ Днѣпрѣ поймаными. Теды въ дорозѣ абы онымъ самымъ, и проводячимся языкомъ, корму належитого и подводъ ш..... [1]) давано повинъ воеводъ о тое жадаемъ, а старшинамъ малоросійскимъ приказуемъ. Данъ въ Шептакахъ сентября 15 року 1679. (Списано съ современнаго подлинника за подписью и печатью).

Сообщилъ **В. Н. Сторожевъ.**

Письмо гетмана Мазепы къ ближнему окольничему Л. Р. Неплюеву. (1689 г.). Божіею милостью пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государынѣ, Благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царскаго пресвѣтлаго величества ближнему окольничему и воеводѣ Сѣверскаго Разряду и намѣстнику Карачевскому, вельможному его милости Леонтію Романовичу Неплюеву моему велце ласковому господину и пріятелю зычливое мое и всякихъ благъ опріючое преносылаю поздровленіе.

Вѣдомо мнѣ зъ монаршой ихъ царского пресвѣтлаго величества грамоты и зъ писма ближняго боярина и большого полку дворового воеводы ясновельможного его милости князя Василія Васильевича Голицына, Царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посельскихъ дѣлъ оберегателя и намѣстника Новгородского, такъже зъ писма вельможности вашой, же по милостивомъ пресвѣт-

---

[1]) Одно слово не разобрано.

лѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей нашихъ, ихъ царскаго пресвѣтлого величества указу, велѣно вашой вельможности ратныхъ ихъ монаршихъ людей зъ обозу отпустити и самому ити въ Сѣвескъ, а тое учинити обославшися зо мною. Теды я зъ тымъ до вашой вельможности отзывлюся, же въ томъ ратныхъ государскихъ людей зъ обозу роспуску, подхиляюся подъ ихъ монаршую премножную волю и видячи въ Малоросійскихъ краяхъ всюда совершенную смирность не желаю имъ дальшимъ стоянемъ въ обозѣ трудитися, тилько тое вашой вельможности прекладаю, яко о томъ и устне зъ вашого вельможности мовилося, же слушневъ, а бы по указу монаршому ихъ царского пресвѣтлого величества Рыльского и Путивского уѣзду дворяне были въ домахъ своихъ, никуда нерозъезджаючися, а въ Путивлѣ бъ нездовался стольникъ и воевода Семенъ Протасіевичъ Неплюевъ, маючи при себѣ армату и арматничи припасы что для пострахy непріятелемъ бесурманомъ и для всякого дѣла есть потребно. Да и Сѣвского Розряду ратныи ихъ царского пресвѣтлого величества люде зоставили въ домахъ своихъ зо всякою готовостью никуда не розъезджаючися, якобы въ пришлыхъ сее осени остатнихъ и зимнихъ часехъ могли по указу монаршому беззавадно тамъ поспѣшити, гдѣ позоветъ случай. Понеже и нынѣ маю я вѣдомость отъ полковника Полтавскаго, якую и до вашой вельможности послалемъ, же непріятели басурмане въ близкихъ полевыхъ ку городамъ мѣстахъ оказываются. Если прето, отъ чего сохрани Боже, мѣлибъ оныи вбѣгти внутрь Малой Росіи, то надобно при помочи Божой давати имъ отпоръ съ полнымъ малоросійскихъ и великоросійскихъ войскъ промысломъ. Что донесый, отдаю меня пріятельской и благодѣтельской вашой вельможности ласцѣ. Зъ Батурина. Мѣсяца Сентебрія 25 д. року 1685.

Вашой вельможности зычливый пріятель «и слуга Іоанъ Мазепа гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорожского».

(Моск. Арх. Мин. Юст., въ числѣ рѣдкихъ грамотъ, автографовъ и проч.)

А. Голомбіевскій.

Библіографія.

Живая Старина. Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи Импер. русск. этногр. общества подъ ред. В. И. Ламанскаго. Вып. II—IV. Спб. 1890—1891 г.

«Живая Старина» почти вовсе не оправдываетъ названія періодическаго изданія, что видно уже изъ того, что ихъ трехъ названныхъ книжекъ только двѣ помѣчены 1891 г.; слѣдующій выпускъ (разборъ котораго отлагаемъ на послѣ) вышелъ уже въ 1892 году, и такимъ образомъ, вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ, въ прошломъ году вышло всего два выпуска; при этомъ о срокахъ выхода отдѣльныхъ книжекъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи; мало того, и поступившія уже въ продажу въ столичныхъ магазинахъ книжки у насъ, въ провинціи заставляютъ долго подождать себя. Поэтому прежде всего пожелаемъ «Живой Старинѣ» нѣсколько большаго оживленія этой формальной стороны дѣла.

Въ свое время, давая отчетъ о первомъ выпускѣ «Живой Старины», мы характеризовали теоретическіе взгляды редакціи ея и не могли не выразить своего сочувствія имъ. По одной первой книжкѣ невозможно было, конечно, заключить, насколько удачно будетъ выполняться на дѣлѣ программа, совершенно правильно поставленная теоретически. Теперь, имѣя въ распоряженіи еще три, вновь вышедшихъ книжки, мы позволимъ себѣ сдѣлать и на этотъ счетъ нѣкоторыя замѣчанія.

Въ противоположность московскому «Этнографическому Обозрѣнію», «Живая Старина» оказываетъ замѣтное предпочтеніе сырому этнографическому матеріалу передъ изслѣдованіями по этнографіи и, по нашему мнѣнію, въ этомъ отношеніи впадаетъ въ крайность не менѣе своего московскаго собрата. Вполнѣ справедливо, что намъ

надо работать и работать надъ собираніемъ сыраго этнографическаго матеріала, котораго, что бы ни говорили москвичи, собрано до сихъ поръ постыдно-мало, но печатать его удобнѣе въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, чѣмъ въ періодическихъ изданіяхъ, предназначенныхъ для большой публики, для того круга читателей, который далеко не всегда имѣетъ средства самостоятельно оцѣнить такой матеріалъ. Въ крайнемъ случаѣ, при печатаніи сыраго матеріала, мы желали бы видѣть нѣкоторыя замѣчанія и цитаты къ нему, которыя помогли бы читателю разобраться въ немъ и извлечь изъ него что либо полезное для себя. Въ этомъ отношеніи, «Этнографическое Обозрѣніе» заслуживаетъ подражанія.

Второе наше замѣчаніе относится къ чрезмѣрному преобладанію въ «Живой Старинѣ» этнографическаго матеріала о славянахъ; правда, оно можетъ быть объяснено какъ научною спеціальностью и симпатіями ея редактора, такъ и дѣйствительной важностью изученія славянства для пониманія русской народности, какъ вѣтви ея, но, съ другой стороны, славистика преподносится въ «Живой Старинѣ» въ такомъ подавляющемъ объемѣ, что нарушаетъ архитектурную стройность изданія и глушитъ другія стороны изученія русской народности. Для примѣра укажемъ на IV выпускъ, гдѣ, въ отдѣлѣ критики и библіографіи, изъ 7 статей 6 посвящены инославянскимъ изданіямъ... Такое излишество тѣмъ болѣе странно, что славянамъ посвящено особое изданіе, тоже названное періодическимъ и выходящее подъ редакціей того же профессора Ламанскаго; излишество это кажется намъ тѣмъ менѣе удобнымъ въ изданіи, претендующемъ на общераспространенность, что и эта славистика является не рѣдко въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Такъ, во II выпускѣ мы находимъ болгарскія народныя пѣсни и сказки,—безъ перевода, безъ примѣчаній. Что будетъ дѣлать съ ними обыкновенный смертный?

При всемъ томъ, безъ сомнѣнія, «Живая Старина» заключаетъ въ себѣ много интереснѣйшаго матеріала и вполнѣ заслуживаетъ вниманія всѣхъ образованныхъ людей. Отмѣтимъ статьи и матеріалы, имѣющіе отношеніе къ югу Россіи. Во II выпускѣ помѣщено окончаніе изслѣдованія И. Н. Жданова «Пѣсни о князѣ Михаилѣ». Въ статьѣ этой привлечены къ изученію южно-русскія пѣсни изъ сборниковъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго и Головацкаго. Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія г. Ждановъ подвергаетъ пересмотру вопросъ о томъ, кто былъ этотъ князь Михайла, фигурирующій въ пѣсняхъ? Оспаривая предположенія Антоновича и Драгома-

нова, что князь Михайло принадлежалъ къ роду Сапѣговъ, г. Ждановъ ищетъ его среди князей Друтскихъ и останавливается на Михаилѣ, сынѣ Романа князя Брянскаго (XIII в.); но историческимъ остается въ пѣснѣ, по заключенію автора, одно только имя дѣйствующаго лица, все же, что разсказывается объ этомъ лицѣ, представляетъ повтореніе странствующей баллады. Въ дополненіе къ статьѣ г. Жданова напечана имѣющая ближайшее къ ней отношеніе сказка (запис. въ арханг. г.) объ оклеветаніи жены воротившемуся изъ отлучки мужу повстрѣчавшимися ему черноризцами.

Въ томъ же II выпускѣ находимъ ст. Ѳ. А. Брауна «Маріупольскіе Греки». Занимаясь исторіей готскихъ народностей въ области нынѣшней Россіи вообще и крымскихъ Готовъ въ особенности, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что послѣднихъ потомковъ таврическихъ Готовъ слѣдуетъ искать въ маріупольскихъ Грекахъ, выселившихся въ 1778 году изъ Крыма подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита готѳійскаго и каѳійскаго, и получившихъ обширныя земли въ нынѣшнемъ маріупол. у. екатериносл. губ., гдѣ они основали гор. Маріуполь и 23 селенія. Съ этой цѣлью г. Браунъ предпринялъ поѣздку въ маріупольскій уѣздъ, отчетъ о которой и представляетъ названная статья. Къ сожалѣнію, ясныхъ слѣдовъ готской жизни авторъ не нашелъ ни въ словахъ маріупольскихъ Грековъ, ни въ собственныхъ именахъ, ни въ преданіяхъ. Но въ наружности ихъ онъ подмѣтилъ одну разновидность, которую считаетъ возможнымъ отнести къ готскому типу. Онъ характеризуетъ представителей ея слѣдующими чертами: «они ростомъ повыше Грековъ, стройнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе крѣпкаго, широкаго тѣлосложенія; глаза темноголубые, краснваго разрѣза, не такіе широкіе, какъ у грековъ, волосы золотистаго цвѣта, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ въ кудряхъ; цвѣтъ лица, какъ у всѣхъ блондиновъ, нѣжный, щеки и губы алыя, насъ короткій, прямой». Попутно, г. Браунъ собралъ довольно много слѣдовъ «живой старины», хотя и не разъясняющей главную, поставленную имъ себѣ цѣль, но вообще интересной. Упомянемъ еще о его предположеніи, что бумаги готѳійской митрополіи должны находиться у наслѣдницы митрополита Игнатія, г-жи Хозадиновой въ Херсонѣ.

Въ томъ же выпускѣ помѣщены «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ» А. И. Соболевскаго: объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюкѣ, Соловьѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Дунаѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Казаринѣ, Микулѣ

Селяниновичѣ, Берлятѣ, Буславѣ, Казимерѣ, Колыванѣ, Мамелфѣ, Путятѣ, Рахманѣ, Саулѣ, Сбродѣ, Аникѣ, Тугаринѣ, Шаркѣ, Кощеѣ, Латыгоркѣ, Афромеѣ, наконецъ о мѣстныхъ названіяхъ: крестъ Левонидовъ, городъ Кидижъ, Орѣховецъ, рѣка Смородина.

Въ III выпускѣ напечатаны «Этимологическія замѣтки» А. А. Потебни. Здѣсь подвергнуты изслѣдованію слѣдующія реченія: багачъ, багатьтя, бдынъ, Бѣлая Русь, буртальникъ, бычокъ дристуноkъ, Волотъ, кобылья голова, подонрисвѣтъ, русалки и петрушки, соловей разбойникъ на дубахъ, туръ печной, ягуны, ярчукъ.

Въ отдѣлѣ «Памятники языка и народной словесности» укажемъ на слѣдующіе матеріалы:

Пѣсни крестьянъ с. Молодова гродненск. г. кобринск. у. сообщ. М. А. Саковичъ (II вып.) Вмѣстѣ съ помѣщеннымъ въ I вып., всѣхъ пѣсенъ напечатано 25; въ концѣ помѣщенъ небольшой словарикъ «непонятныхъ» словъ; библіографическихъ указаній нѣтъ.

Свадебный обрядъ въ угорской Руси (II—III вып.) неизвѣстнаго автора-угрорусса, въ значительной степени пользовавшагося, по словамъ редакціи, рукописнымъ трудомъ о. Александра Митрака, благочиннаго церковнаго округа занастасскаго. Обрядъ разсказанъ подробно, пѣсенъ не много.

Угрорусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣч. Ѳ. А. Петрушевича (IV вып.). Здѣсь указаны и напечатаны: 1) молитва закляти Гостець болного чловѣка, 2) молитва отъ полукаия, 3) молитва томужъ втора, 4) молитва вроки лѣчити, 5) молитва томужъ, 6) молитва отъ повѣтря морового, 7) молитва коли чловѣкъ болный не можетъ спати, 8) молитва аще кого глава болитъ, 9) молитва томужъ, 10) молитва пдучи до пана албо до права, 11 и 12) молитвы томужъ, 13) молитва егда хощешь обратити тучу, 14) заклинаніе егда востанетъ туча, 15) молитва аще хощеши доиво свое власное заворовати, 16) молитва становити кровъ, 17) полонъ звати свой власный на свою ниву, 18) лѣкъ отъ хробаковъ, аще у свини или у добытчати или въ якомъ имѣню, 19) лѣкъ отъ дюгу добытку и свинямъ, 20) молитва отъ звѣря добытку на поле пущати, 21) молитва отъ дюга соль баяти, 22) молитва о полоность збожу, 23) оту гонячи, 24) молитва отъ звѣря скоту забаяты, 25) молитва другая томужъ скоту, 26) молитва другая (sic) на любовь чловѣкови, 27) молитва другая томужъ, 28) молитва на святый вечеръ пчеламъ, 29) молитва вчиты пчелы на цвѣтъ, 30) молитва за пчелы, 31) молитва егда рой бѣжитъ въ поле, 32) заговоръ отъ лихорадки,

33) заговоръ отъ бѣльма, 34) начало какого-то заговора, 35) заговоръ отъ бѣльма, 36) молитва отъ госцу, 37) молитва тому же.—Замѣчанія Петрушевича касаются простонародныхъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ заговорахъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» помѣщены, между прочимъ, отзывы о слѣдующихъ сочиненіяхъ: Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи (1879—1889) Э. А. Вольтера, Этнографическое обозрѣніе (Н. В.), Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII в. А. Павлова (ст. Н. Волкова), Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 r., przedstawił Mauryky Stankiewicz (Б—са), В. Томашекъ, Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скиѳскомъ сѣверѣ (А. К. Васильева), (II вып.) Сумцовъ Н. Ѳ., Культурныя переживанія (А. С—скаго) (III вып.), Комаровъ, Новая сбирка малорусскихъ прыказокъ (Арк. Л—нка) (IV вып.).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» помѣщены замѣтки: Праздникъ «Рипей» (такъ называется въ Азовѣ «Семикъ»). Способъ лѣченія отъ сглазу С. Брайловскаго, «Бѣлая Русь» В. И. Ламанскаго (III вып.), Крестьянскія игры въ минской губ. М. Довнаръ-Запольскаго (крамнясь, золотое зерньятко, гуси-лебеди, просо, щеточка, дзенбалъ, воѓкъ и овечка, цурки, палочка, шпень, козелъ, палантъ, што робишь) (IV вып.)

В. Я.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888-й годъ. Спб. 1891 г. (стр. 1—223 и приложенія: 1—77; 1—202; 1—8; 79—110 стр.).

Императорская Публичная Библіотека съ 1882 года стала выпускать въ свѣтъ свои отчеты въ болѣе обширномъ видѣ, нежели раньше, давая публикѣ возможность знать самое главное—не только перечень названій вновь поступившихъ въ данномъ году интересныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, но и краткое описаніе ихъ, благодаря чему, теперь можно идти въ библіотеку, будучи подготовленнымъ заранѣе къ тому, что составитъ предметъ твоихъ занятій. Само собою разумѣется, такая система опубликованія отчетовъ служитъ богатымъ пособіемъ для людей науки вообще, а для лицъ, живущихъ внѣ столицы, такая книга, какую мы имѣемъ теперь передъ глазами, составляетъ настоящій кладъ; было-бы только желательно, чтобы отчеты эти не такъ запаздывали, и чтобы по крайней мѣрѣ къ концу каждаго года выходилъ отчетъ за годъ предшествовавшій.

Данный отчетъ за 1888-й годъ, давая цѣлый рядъ свѣдѣній по библіотечной статистикѣ всякаго рода (что, конечно, имѣетъ свой интересъ), особенно любопытенъ въ четвертой главѣ «Пріобрѣтенія Библіотеки». Здѣсь мы находимъ хорошо составленную опись рукописей и книгъ, поступившихъ въ отчетномъ году въ библіотеку, причемъ иногда можно встрѣтить при такой описи даже библіографическія справки и коротенькую исторію вопроса, связанную съ рукописью. Я не буду перечислять всѣхъ этихъ пріобрѣтеній библіотеки, а укажу только на тѣ матеріалы, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ, связаннымъ съ нашей южной Русью.

Укажемъ прежде всего на часть переписки гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго и сыновей его Николая Петровича и Сергѣя Петровича, которая куплена въ отчетномъ году въ дополненіе къ прежде имѣвшейся въ библіотекѣ незначительной части этой-же переписки. Тутъ, между прочимъ, въ видѣ справки, указана судьба этихъ писемъ, доставшихся послѣ смерти Сергѣя Петровича Румянцева Николаю Адріановичу Дивову, женатому на воспитанницѣ Сергѣя Петровича. Н. А. Дивовъ часть писемъ преподнесъ Императору Николаю Павловичу; остальная-же часть хранилась у него до самой смерти, а потомъ разошлась по рукамъ, причемъ еще въ 1876 г. Императорской Публичной Библіотекѣ удалось купить частицу, состоящую изъ 288 писемъ, а теперь пріобрѣтена опять значительная доля этой переписки, составляющая прекрасное дополненіе къ извѣстнымъ до сихъ поръ даннымъ о фельдмаршалѣ и его семьѣ. Тутъ мы находимъ 159 писемъ и записочекъ графини Е. М. Румянцевой къ мужу своему, фельдмаршалу г. П. А. Румянцеву-Задунайскому, что составляетъ дополненіе къ изданной гр. Д. А. Толстымъ перепискѣ этихъ-же лицъ (СПБ. 1888 года). Затѣмъ, 256 писемъ, переплетенныхъ въ два тома, гр. Сергѣя Петровича Румянцева къ отцу, и тутъ-же оказалось одно письмо брата его Николая, очень характерное для освѣщенія подробностей, касающихся личности молодого графа. Письмо это отъ 7 мая 1779 г., напечатанное цѣликомъ въ отчетѣ, изливаетъ скорбь и сѣтованія молодого графа на то, что въ день крещенія великаго князя Константина Павловича всякія милости коснулись многихъ, а на долю его съ братомъ достались только камергерскіе ключи, между тѣмъ какъ они ожидали полученія мѣста, о чемъ просилъ и старикъ-отецъ. Дѣло въ томъ, что мѣсто, ожидавшееся графомъ Николаемъ Петровичемъ, дано было князю Бѣлосельскому, котораго первый считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже себя; по этому-то поводу, между прочимъ, встрѣчаемъ

слѣдующія строки: «Мнѣ ждать велятъ для того, что его послать надобно. Симъ, кажется, милостивый государь батюшка, не токмо что меня, но и васъ оскорбили; вѣдь я сынъ вашъ, ваше имя ношу. Изъявите, прошу неотступно, свое негодованіе, и оно мнѣ, конечно, во всю жизнь послужитъ и для переду щитомъ отъ такого-же рода обидъ». Вотъ въ такомъ духѣ все письмо.—Кромѣ этихъ, пріобрѣтено еще 947 писемъ въ шести томахъ графа Сергѣя Петровича къ брату Николаю Петровичу, причемъ, къ сожалѣнію, еще два тома этихъ писемъ остаются въ неизвѣстности, а также 95 писемъ разныхъ лицъ къ нему-же, въ бытность его уже канцлеромъ; тутъ мы встрѣчаемъ письма Аракчеева, Карамзина, Барклая-де-Толи и др.; письма Н. М. Карамзина (незначительныя и по объему и по содержанію), по обычаю отчетовъ Публичной Библіотеки, всегда печатавшей его письма, тутъ-же и напечатаны. Наконецъ, очень цѣнную часть составляетъ цѣлый томъ въ 244 листа, содержащій въ себѣ черновые отпуски и копіи писемъ и донесеній графа Н. П. Румянцева, преимущественно касающихся его дѣятельности дипломатической (стр. 18—36).

Нельзя не отмѣтить также богатаго собранія рукописныхъ матеріаловъ по исторіи раскола, что составляетъ 11 томовъ; между прочимъ тамъ находятся зачастую матеріалы, касающіеся раскольниковъ на нашемъ югѣ. Такъ, на стр. 41 упоминается о секретной запискѣ чиновника особыхъ порученій Сивицкаго о раскольникахъ въ радомысльскомъ и въ овручскомъ уѣздахъ, писанной въ 1855 году. Или на стр. 42 перечисленъ цѣлый рядъ документовъ, говорящихъ объ извѣстномъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ Буковинѣ и о покровительствѣ австрійскаго правительства русскимъ раскольникамъ; тутъ, между прочимъ, приведена Высочайшая резолюція (Николая I) по этому дѣлу 10 ноября 1848 года: «Сообщить г. Нессельроду съ тѣмъ, чтобы повторить мое рѣшительное требованіе отъ австрійскаго правительства, чтобъ мнимый монастырь былъ немедля закрытъ, а самозванецъ епископъ высланъ, какъ бродяга, и объявить австрійскому правительству, что если Я не получу скораго удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ крайне Мнѣ прискорбнымъ мѣрамъ».

Далѣе находимъ въ этомъ-же отдѣлѣ перечень поступившихъ въ отчетномъ году отдѣльныхъ старопечатныхъ книгъ и рукописей; среди нихъ немало встрѣчается интересныхъ и для нашего юга. Такъ, между прочимъ, среди рукописей отмѣтимъ еще одинъ списокъ хронографа южно-русской редакціи, который имѣетъ ту цѣну, что со-

хранился въ полномъ видѣ, тогда какъ описанные до сихъ поръ пять списковъ всѣ съ недостающими частями. Мы имѣли возможность лично ознакомиться съ этимъ новымъ спискомъ и скажемъ о немъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала, а потому теперь ограничимся указаніемъ на то, что «Отчетъ» даетъ не только заглавіе этой рукописи, но и краткое описаніе ея, а также и нѣкоторыя библіографическія справки (стр. 119 — 124). Тутъ-же перечислены 26 документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи второй половины 17-го и первой 18-го вѣка, напримѣръ: универсалы Мазепы, Скоропадскаго, Мартиновича, Золотаренка и пр., всѣ уже напечатанные въ «Черниг. Губ. Вѣдомостяхъ» 1858 г.

Особеннымъ богатствомъ отличаются приложенія къ «Отчету», такъ какъ даютъ, во первыхъ, цѣликомъ напечатанныя письма Филарета, митрополита московскаго, хранящіяся въ собраніи автографовъ Библіотеки (числомъ 78), а также обстоятельное описаніе 125 славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова, пожертвовавшаго ихъ въ Библіотеку; это описаніе на 202 страницахъ, составляющее только 1-й выпускъ, есть трудъ одного изъ выдающихся работниковъ въ библіотекѣ И. А. Бычкова, завѣдывающаго рукописнымъ отдѣломъ. Такъ какъ въ данномъ случаѣ въ этихъ приложеніяхъ не оказалось ничего спеціально интереснаго для нашего юга, то мы ограничиваемся только упоминаніемъ о нихъ, не останавливаясь на подробностяхъ.

В. Науменко.

В. Е. Бучневичъ. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Очеркъ. Изд. полтав. губ. статист. комитета. Полтава, 1891 г. стр. 32.

Г. Бучневичъ—авторъ извѣстный въ полтавской губерніи. На своихъ произведеніяхъ (напр. на «Справочно-адресной книгѣ г. Ромны за 1886 годъ») онъ къ подписи своей прибавляетъ въ скобкахъ: «Авторъ книгъ: Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ и свѣдѣнія о колоколѣ Кизикерменѣ въ полтавскомъ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ» (читай: авторъ книгъ: «Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ» и «Свѣдѣнія о колоколѣ и проч.»). О первой изъ этихъ книгъ была помѣщена когда то въ «Кіев. Старинѣ» (1883 г., V, 161) рецензія г. Матченка,—очень нелестная. Г. Бучневичъ уличался въ буквальной перепискѣ изъ разныхъ, большею частію старыхъ справочныхъ изданій, безъ кавычекъ, въ искаженіи текста своихъ источ-

никовъ, въ безграмотности и проч. Приговоръ рецензента былъ очень строгъ, но желаніе писать у автора оказалось сильнѣе. Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Правда, г. Бучневичъ теперь не такъ развязенъ: онъ не выпускаетъ «книгъ», а пишетъ «очерки» въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ 1890 году онъ написалъ историко-статистическій очеркъ г. Ромна (Полтав. губ. вѣд., №№ 3—6), въ 1891 году—г. Кременчуга съ Крюковомъ (тамъ же, №№ 9—25). Послѣдній очеркъ изданъ полтав. губ. стат. комитетомъ отдѣльной брошюрой.

Очерки свои г. Бучневичъ составляетъ такимъ образомъ: онъ разъ навсегда запасся «источниками», представляющими для него неизсякаемый кладязь самыхъ разносторонникъ свѣдѣній о любомъ изъ полтавскихъ городовъ, и по мѣрѣ надобности черпаетъ изъ этихъ «источниковъ», разбавляя иногда почерпнутое свѣдѣніями, взятыми изъ газетныхъ статей за старые годы. Иногда эта подмѣсь освѣжаетъ, иногда портитъ «источники», смотря по тому, изъ какихъ газетъ она извлечена; газеты же берутся безъ разбора. Впрочемъ, нельзя не упомянуть, что г. Бучневичъ иногда добываетъ интересныя свѣдѣнія и путемъ сношеній съ полтавскими обывателями, имена которыхъ большею частію оставляютъ подъ спудомъ. Основные источники г. Бучневича слѣдующіе: «Записки о полтав. губ.» Арандаренка, статистическія описанія городовъ полтав. губ. А. Терещенка, «Сборникъ свѣдѣній о полтав. губ.» А. Богдановича, «Городскія поселенія Россійской имперіи», географ. словарь Щекатова, «Топограф. описаніе черниговскаго намѣстничества» Шафонскаго, географ.-стат. словарь Семенова.

Полезны ли для читателей губернскихъ вѣдомостей и вообще для края описанія городовъ, составленныя на такихъ основаніяхъ? Намъ кажется, что очень полезны. Изъ личнаго опыта мы знаемъ, что въ уѣздныхъ городахъ полтавской губерніи не легко встрѣтить человѣка, хоть сколько-нибудь знакомаго съ прошлымъ своей родины. О помѣщикахъ и селянахъ не беремся судить. Для огромнаго же большинства читателей губернскихъ вѣдомостей (увы! весьма вообще немногочисленныхъ!), можно смѣло сказать, статьи г. Бучневича—настоящія открытія.

Упрекать г. Бучневича за некритическое отношеніе къ его источникамъ, или указывать на историческія погрѣшности его сочиненій нѣтъ надобности; это было бы не по адресу, судя по послѣдствіямъ рецензіи г. Матченка. Но желая большаго успѣха плодотворной,

во всякомъ случаѣ, дѣятельности сочинителя, мы осмѣлимся предложить ему отъ лица «Кіевской Старины», радѣющей объ интересахъ мѣстной исторіи (а «статистика—это остановившаяся исторія, исторія—движущаяся статистика»), нѣсколько совѣтовъ: 1) во всѣхъ перечисленныхъ выше «источникахъ» древнѣйшая исторія городовъ никуда не годится; надо остерегаться заимствованій оттуда, развѣ только гдѣ будетъ ссылка на лѣтописи, и то можно приводить самыя слова лѣтописи, а не мнѣнія авторовъ этихъ сочиненій [1]); историческія свѣдѣнія этихъ авторовъ о концѣ XVIII и XIX вв. основательны; 2) статистическія описанія «источниковъ» довольно хороши *для своего времени*, а потому при пользованіи ими никогда не надо упускать изъ виду года или годовъ, къ которымъ описаніе относится; 3) необходимо строго отмѣчать, откуда описаніе взято (и взятое мѣсто ставить въ кавычкахъ); 4) изъ «всенародныхъ», какъ ихъ называетъ авторъ, историческихъ сочиненій, исторію кн. Щербатова можно оставить, вполнѣ достаточно исторіи Соловьева и Костомарова, 5) слѣдуетъ всегда имѣть въ виду полное собраніе сочиненій Максимовича; 6) не довѣряться свѣдѣніямъ о событіяхъ раньше XVII вѣка въ исторіяхъ Б.-Каменскаго и Маркевича, а «Исторіи Руссовъ» (ошибочно приписываемой арх. Конисскому) остерегаться вовсе.

Въ брошюрѣ о Кременчукѣ и Крюковѣ авторъ поднялся выше всѣхъ предыдущихъ своихъ сочиненій. Статистико-описательная часть положительно интересна. Жаль только, что въ описаніи весьма трудно отличить, что принадлежитъ Терещенку (въ 50-хъ годахъ), что сообщили автору теперь; неизвѣстно, откуда авторъ почерпнулъ свѣдѣнія о числѣ десятинъ, занимаемыхъ городомъ, о числѣ его жителей, да даже о числѣ улицъ. Весьма хорошо, что авторъ просмотрѣлъ мѣстныя губернскія и епархіальныя вѣдомости за старые годы. Онъ извлекъ оттуда (изъ Полтав. губ. вѣд. за 1851 г.), напр., интересное топографическое описаніе Кременчука 1810 года. Недурно, если авторъ розыскалъ старыя корреспонденціи о городѣ и въ другихъ провинціальныхъ газетахъ, напр. въ Одесскомъ и Елисаветградскомъ вѣстникахъ, хотя въ текстѣ брошюры какъ то не видать этого, и

---

[1]) Арандаренко напр. о времени возникновенія Ромна разсуждаетъ такимъ образомъ: Римъ (отожествляемый имъ съ Ромномъ) упоминается въ „Словѣ о полку Игоревѣ“; такъ какъ Игорь, *сынъ Рюрика*, княжилъ отъ 912 до 945 года, то и Роменъ существовалъ уже въ началѣ X вѣка. Г. Бучневичъ bona fide переписалъ это въ свою „Справочно-адресную книгу“ и въ „очеркъ“ г. Ромна.

можно опасаться, что упоминаніе объ этихъ газетахъ при перечисленіи источниковъ сдѣлано для библіографической красоты [1]).

Объ исторической части брошюры мы говорить не будемъ: она плоха и недостовѣрна (кромѣ конца XVIII и XIX вв.), какъ въ тѣхъ оригиналахъ, изъ которыхъ списана; все ея достоинство состоитъ въ ея краткости.

Въ заключеніе нельзя не посѣтовать на редакцію Полтав. губ. вѣдомостей, что она не устраняетъ такихъ... недосмотровъ автора, какъ слѣдующій (стр. 32): «скончался (А. А. Котляревскій)... въ г. Пизѣ, *близъ Италіи*».

Ѳ. Николайчикъ.

Матерьялы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I часть II, Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ СПБ. 1890 (708 стр. т. 8).

Имя г. Шейна, какъ собирателя народныхъ пѣсенъ, давно уже извѣстно русской этнографической наукѣ. Новый сборникъ его вновь свидѣтельствуетъ а неустанномъ трудолюбіи собирателя. Сборникъ замѣчателенъ своимъ обиліемъ научнаго матерьяла, и онъ тѣмъ большее значеніе имѣетъ для этнографа, что помѣщенный въ немъ матерьялъ относится къ двумъ важнѣйшимъ моментамъ народной жизни—свадьбѣ и погребальнымъ и поминальнымъ обрядамъ.

Чтобы вѣрно оцѣнить трудъ собирателя, мы должны вникнуть въ ту программу, которую поставилъ себѣ г. Шейнъ. Онъ не является этнографомъ—собирателемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. не ѣздитъ по селамъ, не записываетъ лично и т. п., но за то онъ отличается умѣніемъ возбудить массу самыхъ разнохарактерныхъ лицъ, мѣстныхъ жителей, къ собиранію матерьяловъ. Такого рода сообщенія предлагаются имъ въ настоящемъ сборникѣ. Нужно замѣтить, что это далеко не легкая работа: снестись съ сотнею и даже больше лицъ, достать отъ нихъ записи, сличить, провѣрить и наконецъ издать ихъ—не легкій и почтенный научный трудъ. Не всѣ лица передавали свои наблюденія съ одинаковою подготовкою къ дѣлу, охотой, знаніемъ, но въ ихъ простыхъ и безыскусственныхъ сообщеніяхъ

---

[1]) Пользуемся случаемъ замѣтить, что статья о Кременчукѣ въ „Нивѣ“ за 1878 годъ, № 36, ошибочно приписывается авторомъ намъ; она намъ не принадлежитъ.

легко можно подмѣтить неполноту и неточность однихъ и пополнить сообщеніями другихъ. Большое количество наблюденій, сдѣланныхъ различными лицами въ различныхъ мѣстностяхъ, имѣютъ весьма важное значеніе. Но сообщенія нѣкоторыхъ сотрудниковъ г. Шейна, какъ гг. Никифоровскаго, Богданова и др. отличаются полнотой и обиліемъ данныхъ. Кромѣ того, г. Шейномъ перепечатаны изъ мѣстныхъ изданій нѣкоторыя описанія свадебныхъ обрядовъ бѣлорусскихъ частей Гродненской и Тверской губ., а также описаніе свадьбы въ Борисовскомъ у. изъ извѣстнаго сочиненія гр. Тышкевича. «Opisanie powiatu Borysowskiego» и изъ «Tygodnika Wileńskiego» за 1818 годъ (всего 126 стр.); оба описанія отличаются рѣдкою подробностью, обиліемъ фактовъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ, и взяты изъ вышедшихъ изъ обращенія изданій.

Таковъ общій характеръ сборника г. Шейна.

Что касается, въ частности, до системы записей, до ихъ значенія въ филологическомъ отношеніи, то разумѣется, что при сказанныхъ условіяхъ составленія сборника, мы не въ правѣ требовать и не можемъ ожидать точной и правильной записи. Въ самомъ дѣлѣ, въ описаніи свадебныхъ обрядовъ (500 стр.), за исключеніемъ 126 стр., перепечатанныхъ собирателемъ и 134 записанныхъ лицами, которыхъ образовательный цензъ не указанъ имъ,—изъ остальныхъ только 40 стр. записано лицами съ высшимъ образованіемъ, остальная часть матерьяла доставлена народными учителями (ок. 90 стр.), учениками среднихъ учебн. зав. (69 стр.), учениками приходскихъ училищъ и священниками и псаломщиками. Изъ описаній похоронныхъ обрядовъ (184 стр. описанія и 94 стр. причитаній)—57 стр. доставлены волостными писарями, 29 народными учителями и т. д. Изъ этихъ указаній видна, a priori, неподготовленность большинства лицъ къ научной записи этнографическаго матерьяла. Дѣйствительно, обращаясь къ даннымъ для характеристики языка, мы находимъ важныя неточности, по сравненію съ записями другихъ этнографовъ, въ довѣріи къ которымъ трудно сомнѣваться. Такъ, напр., почти повсемѣстно въ записяхъ сборника г. Шейна изъ могилевской губ. является мягкимъ, отсутствіе *цеканья* и *дзеканья* даже въ сѣверной части губерніи,—что трудно себѣ представить. Встрѣчаемъ формы въ пустынской волости: по*р*ядокъ, *т*еточка, распо*р*яжаться (р. 695); тогда какъ въ записяхъ г. Романова изъ той-же волости («Бѣлорус. сборникъ», вып. III, р. 21): у*д*ару, *ц*яперь, жани*ц*а и т. д. Встрѣчаемъ важныя противорѣчія въ записяхъ разныхъ лицъ изъ одной и

той-же мѣстности (напр. ср. запись изъ велишковской волости, витебской губерніи на стр. 4. съ записью той же волости на стр. 51); даже одно и тоже лицо дѣлаетъ совершенно противоположныя показанія: напр., въ пѣснѣ изъ чаусскаго у. могилевской губерніи (р. 643)—*нясчасныхъ* и *нисщасныхъ* — различіе очень важное, какъ извѣстно, и т. д.

Однимъ словомъ, филологъ не найдетъ достаточно твердыхъ и основательныхъ данныхъ для языка въ сборникѣ г. Шейна, но за то въ этнографическомъ отношеніи онъ представляетъ, повторяемъ, весьма цѣнный вкладъ въ науку. Указаніе всего богатства сборника съ этой стороны вышло-бы изъ предѣловъ рецензіи и обратилось-бы въ цѣлую статью. Напомнимъ только, что тогда какъ свадебные обряды были, хотя и въ менѣе полномъ видѣ, извѣстны наукѣ до появленія сборника г. Шейна, похоронные и поминальные обряды и причитанія являются въ наукѣ совершенной новостью. До сихъ поръ можно было найти лишь краткія указанія о поминальныхъ обрядахъ бѣлоруссовъ въ различныхъ мѣстныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ, похоронные и поминальные обряды бѣлоруссовъ отличаются богатствомъ ритуала, и многіе изъ нихъ ведутъ свое начало изъ глубокой древности. Отмѣтимъ, напр., обрядовое употребленіе *соломы* при похоронахъ, обычай кладки въ гробъ люльки съ табакомъ, шапки, даже пищи, топоровъ, монетъ и др. вещей, обертываніе головы покойника красною матеріею; посыпаніе гроба хлѣбными зернами, почитаніе лошади, везущей покойника, обращеніе къ раньше умершимъ о принятіи въ ихъ число вновь преставившагося (см. особ. р. 534), призыванія къ ѣдѣ покойниковъ, возліянія имъ части пищи и т. д. Не меньшимъ интересомъ отличаются и причитанія,

Въ заключеніе прибавимъ еще, что въ приложеніи къ сборнику помѣщены три рисунка свадебныхъ короваевъ и 18 пѣсенныхъ мотивовъ.

М. В.

Извѣстія Таврической ученой коммиссіи № 14 (годъ пятый) подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.— Симферополь. 1891 г.

Настоящая книга «Извѣстій Таврической Коммиссіи», подобно предыдущимъ, не лишена значительнаго интереса и что важнѣе всего въ ней—это двѣ первыя статьи: 1) *Реестръ дѣламъ крымскаго двора, съ 1474 по 1779 г., учиненный дѣйствительнымъ статскимъ совѣт-*

никомъ Николаемъ Бантышъ Каменскимъ въ 1808 г. и 2) *Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588 г.* Обѣ статьи сообщены Ѳ. Ѳ. Лашковымъ, который оказываетъ тѣмъ громадную услугу всѣмъ занимающимся южно-русской исторіей вообще и исторіей Крыма въ частности. И хотя реестръ ужъ слишкомъ кратокъ и далеко не сообщаетъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, но хорошо и то, что есть, потому что и самая краткая опись дастъ представленіе о содержаніи книги или дѣла. Въ статейномъ спискѣ Судакова мы находимъ указанія на дипломатическія сношенія не только Крыма съ Москвой, но и съ Польшей; есть также указанія и на положеніе южно-русскаго казачества. Вообще эти документы первостепенной важности, и мы искренно порадовались бы и поблагодарили архивную коммиссію, если бы она не прекращала печатанія этого цѣннаго матеріала и на будущее время. Какъ «Реестру», такъ и «Статейному списку» почтеннымъ издателемъ ихъ предпосланы замѣчанія о содержаніи этихъ документовъ.

Въ статьѣ проф. *Н. Веселовскаго «Скиѳскій всадникъ»* описывается найденная подъ г. Симферополемъ поясная пряжка, изображающая всадника, котораго г. Веселовскій считаетъ скиѳскимъ и относитъ къ II вѣку по Р. Х. Къ описанію приложено и изображеніе пряжки.

Г. *А. Х. Стивенъ* продолжаетъ печатаніе *«Дѣлъ архива таврическаго губернскаго правленія, относящихся до розысканія, описанія и сохраненія памятниковъ старины въ предѣлахъ таврической губерніи»*. Собственно это не дѣло, а изложеніе ихъ содержанія, обстоятельное и точное настолько, что позволяетъ пользоваться имъ, какъ матеріаломъ. Изъ этихъ дѣлъ особенно интересно сообщеніе объ открытіи учителемъ евпаторійскаго училища Авраамомъ Фирковичемъ древностей и древнихъ караимскихъ книгъ». Вообще этотъ отдѣлъ матеріаловъ рисуетъ грустную картину отношенія мѣстной интеллигенціи къ сохраненію памятниковъ старины.

Г. *А. Кашпардъ* сообщаетъ о *«раскопкѣ кургановъ въ окрестностяхъ Симферополя, произведенныхъ проф. Н. И. Веселовскимъ въ іюлѣ и августѣ 1891 г.»*, сообщаетъ подробности о найденныхъ скелетахъ и предметахъ, но, къ сожалѣнію, не указываетъ, что же важнаго во всѣхъ этихъ находкахъ, къ какому времени онѣ относятся.

Въ *«Керченскихъ древностяхъ»* г. *Хр. Ящуржинскій* описываетъ найденные зимой и весной 1891 г. въ Керчи очень цѣнные предметы искусства и нѣсколько памятниковъ эпиграфики.

Печатаемое г. *А. Сѣницкимъ* «*Описаніе дѣлъ таврическаго историческаго архива*» показываетъ, что этотъ архивъ хранитъ лишь дѣла административныя да такія судебныя, которыя выдѣляются интересомъ фабулы; мы не видимъ вовсе въ «Описаніи» дѣлъ, имѣющихъ юридическій характеръ, а между тѣмъ такихъ дѣлъ тамъ должно быть очень много, потому что край имѣетъ много своихъ особенностей и населенъ инородцами; взаимодѣйствіе правъ и вліяніе русскаго законодательства было бы весьма любопытно прослѣдить; при этомъ открылось бы много новыхъ фактовъ изъ области правъ, которые охарактеризовали бы и семейную и общественную жизнь населенія.

Наконецъ въ «Смѣси» г. *Н. Ивановъ* излагаетъ содержаніе извлеченной «*изъ дѣлъ канцеляріи николаевскаго военнаго губернатора*» переписки «по рапорту контръ-адмирала Быченскаго объ отдачѣ въ распоряженіе севастопольской думы хуторовъ, состоящихъ подъ №№ 9, 10, 12 и 14; это важно, какъ для исторіи нашихъ южныхъ городовъ вообще, такъ и обывателей г. Севастополя въ частности, а равно и для вопроса о происхожденіи земель, принадлежащихъ городамъ, какъ общинамъ.

Въ заключеніе помѣщены, хотя бы они должны по обычаю занимать первое мѣсто, «*Протоколы засѣданій таврической ученой архивной коммиссіи 27 сентября и 31 октября 1891 г.*», свидѣтельствующіе о живой дѣятельности коммиссіи на пользу мѣстной науки.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

Журналъ Мин. Народ. Просв. 1892 г. № 1—3. *Въ № 1-мъ* помѣщенъ некрологъ *А. А. Потебни* (Современ. Лѣтоп., стр. 55 — 72), написанный *Владиміромъ Ламанскимъ*. Указывая заслуги покойнаго предъ русской наукой, авторъ некролога ставитъ его въ ряду первоклассныхъ русскихъ славистовъ, говоря, что въ области славяновѣдѣнія «Россія въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней», и въ тоже время высказываетъ сожалѣніе, что съ трудами его такъ мало знакома русская публика. Сообщивъ затѣмъ нѣсколько данныхъ изъ автобіографіи Потебни, напечат. въ Ист. Этногр. Пыпина (т. III, дополненія), г. Ламанскій приводитъ

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1892 г., № 4.

свой отзывъ о трудахъ покойнаго, представленный имъ совѣту Императ. русск. географ. общества о присужденіи Потебнѣ высшей награды—Константиновской медали (въ январѣ 1891 года).

Въ № 2-мъ помѣщена интересная статья *А. Петрова* «Замѣтки по Угорской Руси» (стр. 439—458), составленныя авторомъ, какъ на основаніи печатныхъ матеріаловъ и статей объ Угорщинѣ, такъ и по даннымъ, собраннымъ имъ лично на мѣстѣ въ 1890 году. Указавъ на затрудненія, сопровождающія изученіе Угорской Руси, авторъ останавливается на четырехъ вопросахъ: 1) опредѣляетъ границы распространенія русскаго языка; 2) устанавливаетъ численность угроруссовъ; 3) изслѣдуетъ мѣстныя прозвища (Верховинцы, Долиняне, Гуцулы, Бойки и т. п.); 4) даетъ характеристику говоровъ Угорщины.

Въ № 2-мъ помѣщена рецензійка *А. Липовскаго* о книгѣ г. *Будиловича* «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Говоримъ мы «рецензійка», т. к. изслѣдованіе г. Будиловича, затрогивающее темой своей всю исторію Европы, конечно, не можетъ быть исчерпано четырмя страницами хвалебнаго отзыва, на которыхъ даже не указано, за что хвалятъ этотъ большой трудъ.

Въ № 2-мъ помѣщенъ некрологъ *О. Первольфа*, одного изъ видныхъ славистовъ, чеха по происхожденію, и профессора варшавскаго университа—по занятой имъ 20 лѣтъ назадъ позиціи. Некрологъ написанъ *К. Гротомъ* (Совр. лѣтоп., стр. 141—150) и исполненъ сердечнаго отношенія къ почившему.

Въ № 3-мъ помѣщена статья *Д. Багалѣя* «Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи». (стр. 1—55). Статья написана почти исключительно по неизданнымъ до сихъ поръ матеріаламъ; состоитъ она изъ двухъ главъ: 1) Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи при польскомъ владычествѣ; 2) Организація городскаго самоуправленія съ половины 17 вѣка. Первая глава опредѣляетъ роль польскаго правительства, желавшаго пріобрѣсть симпатіи мѣстнаго населенія путемъ дарованія городамъ магдебургскаго права, и даетъ характеристику этихъ самыхъ правъ городовъ на основаніи существующихъ грамотъ; тутъ встрѣчаемъ характеристику и административнаго, и судебнаго, и экономическаго, и военнаго строя городовъ въ 1-ой половинѣ 17 столѣтія. Вторая глава эти же стороны жизни разсматриваетъ съ большими подробностями, т. к. для періода второй половины 17-го и всего 18-го вѣка имѣется гораздо болѣе данныхъ, характеризующихъ этотъ строй городскаго самоуправленія; достаточно упомянуть въ видѣ богатаго источника капитальный трудъ А. Ѳ. Кистяковскаго «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ».

Въ № 3-мъ помѣщена краткая рецензія *К. Бестужева Рюмина* на книгу В. И. Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя» (стр. 272—275), съ большой похвалой отзывающаяся объ этомъ трудѣ уважаемаго автора.

Вѣстникъ Европы 1892 № 1—3. *Въ № 3-мъ* помѣщена рецензія о книгѣ *В. И. Шенрока* «Матеріалы для біографіи Гоголя» (стр. 423—426), и—какъ слѣдовало ожидать—рецензія вполнѣ благопріятная для автора.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1892 г. № 1—3. *Въ № 1-мъ* помѣщена статья *А. Георгіевскаго* «Кіево-Подольская церковь Николая Добраго» (историко-археологическій очеркъ). Повидимому, это только начало работы, писанной на Евгеніе-Румянцевскую премію. Въ данномъ номерѣ помѣщена «лѣтопись церкви», распадающаяся на 5 отдѣловъ: 1) Невѣроятность предположенія о существованіи Добро-Николаевской церкви въ до-монгольскій періодъ; 2) храмоздатель гетманъ Кушка; 3) деревянная церковь въ 17 столѣтіи; 4) каменная церковь въ 18 столѣтіи; 5) новая каменная церковь въ 19 столѣтіи (стр. 40—103).

Тутъ же въ № 1 начинается, а въ № 3 заканчивается другая статья, писанная на Евгеніе-Румянцевскую премію «Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями, начиная съ сыновей Ярослава до прекращенія Кіевскаго велико-княженія» *Д. Слюсарева* (№ 1-й, стр. 104—154; № 3-й 405—456). Послѣ краткаго вступленія, идетъ послѣдовательный перечень церквей и монастырей съ историческими датами о нихъ, расположенный по княженіямъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ Изяслава Ярославича.

Въ № 3-мъ помѣщена маленькая «археологическая замѣтка» *Н. П.* о медали великаго князя кіевскаго Ярополка Владиміровича (стр. 514—520). Замѣтка эта опровергаетъ сообщенное газетами извѣстіе о найденной *монетѣ* будто бы сего князя, а относитъ ее къ *медалямъ* 18 вѣка.

Православный Собесѣдникъ №№ 1 и 2. *Н. Полетаевъ. Памяти митр. кіевскаго Евгенія Болховитинова* (Рѣчь, произнесенная на коллоквіумѣ 27 мая 1890 г. предъ защитою соч. «Труды митр. кіев. Евгенія Болховитинова по исторіи русской церкви). Краткая характеристика научной дѣятельности митрополита и два письма его: къ П. М. Строеву и архим. Епифанію (№ 2, стр. 242—250).

Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 1 и 2. *А. С. Павловъ. Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права.* (Начало въ № 11—12 за 1891 г.; № 1, стр. 191—249, № 2, стр. 425—437). Обширная рецензія на изслѣдованіе проф. Н. С. Суворова «Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права».

Н. Г. «Св. Кипріанъ, митрополитъ всея Россіи (1374—1406 г.), какъ писатель». Авторъ приходитъ къ выводу, что литературныя заслуги Кипріана слишкомъ преувеличены и что вліяніе его на слѣдовавшихъ за нимъ писателей вовсе не было благотворно (№ 2, стр. 358—424).

Матеріалы для исторіи русской церкви. Черниговская епархія послѣ Батыя, именуемая Брянской. По поводу 900-лѣтняго юбилея 992—1892. Посмертное сочиненіе *о. Михаила Діева* о черниговскихъ епископахъ и архіепископахъ до Иродіона Жураковскаго (1722), съ предисловіемъ *А. А. Титова* о предѣлахъ черниговской епархіи (№ 2, стр. 1—43).

Недѣля №№ 1—4. *В. Л. Дядловъ. Въ переселенческой конторѣ.* (№ 1, стр. 151—186, № 2, стр. 177—212, № 4, стр. 80—114). Характеризуя различные типы переселенцевъ, авторъ рисуетъ нѣсколько типовъ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи.

Восходъ №№ 1—3. *С. А. Бершадскій. Въ изгнаніи. Очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV ст.* Статья эта представляетъ дополненіе къ труду того же автора «Литовскіе евреи»; задачи ея: 1) дополнить, на основаніи еврейскихъ источниковъ, свѣдѣнія объ изгнаніи, 2) опредѣлить положеніе, въ которое поставлены были евреи въ тѣхъ странахъ, куда они удалились изъ Литвы, гл. обр. въ Польшѣ, 3) для выясненія этого послѣдняго опредѣлить наиболѣе крупныя черты общественнаго и юридическаго быта польскихъ евреевъ въ XV в. Матеріаломъ служили: печатные источники и неизвѣстные или малоизвѣстные рукописные источники, гл. обр. данныя изъ актовыхъ книгъ коронной метрики. (№№ 1, стр. 3 — 29, № 2, стр. 110—126. Не окончен).

И. Блюменфельдъ. Письма о херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ. Письма II (№ 1, стр. 1—9) и III (№ 3, стр. 1—9). Описывается современное положеніе колоній.

Въ отдѣлѣ *библіографіи* рецензія на соч. А. Ліона «Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1773—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій въ бессарабской губерніи». Вып. 1 и 2. (№ 3, стр. 24—25).

Въ *приложеніи:* «Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708) по декабрь 1889 г.» (№№ 1—3, стр. 1—128. Не окончен).

Славянское Обозрѣніе 1892 г. № 1—3. *Въ № 1-мъ* помѣщены некрологи: Михаила Осиповича Кояловича, составлен. *П. Жуковичемъ* (стр. 70—79), Алекс. Аѳанасьевича Потебни, составл. *А. Б.* (стр. 80—88), Осипа Осиповича Первольфа, составл. *А. Б.* (стр. 89—91).

Въ № 1-мъ и 2-мъ, въ отдѣлѣ «Письма изъ Славянскихъ земель» помѣщено письмо изъ Львова, подписанное «Червоноруссомъ» и излагающее ходъ событій въ Галицкой Руси въ теченіе 1891 года, извѣстныхъ подъ именемъ «новая эра». (№ 1-й стр. 115—119; № 2-й, стр. 228—236).

Въ № 2-мъ и *3-мъ* помѣщенъ «Обзоръ западно-русской исторіи», составленный *И. Филевичемъ;* это — краткій отчетъ о всѣхъ появившихся въ теченіе 1891 года трудахъ по исторіи Западной Руси, подразумѣвая тутъ-же и Русь южную. Здѣсь идетъ рѣчь о книгахъ: 1) М. Ф. Владимірскаго-Буданова «Населеніе юго-западной Руси отъ половины XV в. до Люблинской Уніи»; 2) А. Барбашева «Витовтъ. Послѣднія 20 лѣтъ княженія»; 3) М. Грушевскаго «Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол».; 4) М. Довнаръ-Запольскаго «Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол»; 5) «Подолія». Изд. П. Н. Батюшкова; 6) Чтенія въ Историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. (5-ая № 1-й стр. 255—260; № 3-й стр. 418—425).

Въ № 3-мъ въ отдѣлѣ «Лѣтопись» 8-ая глава посвящена краткому разсмотрѣнію того вопроса въ Галиціи, который поднятъ тамъ о фонетическомъ правописаніи (стр. 396—397).

Въ № 3-мъ, въ отдѣлѣ «Письма изъ Славянскихъ земель» упомянутыхъ уже раньше, «Червонорусскъ» помѣстилъ письмо изъ Львова, трактующее объ онѣмеченіи Галичины сейчасъ-же послѣ присоединенія ея къ Австріи, а затѣмъ излагающее исторію галицкаго возрожденія, давшаго двѣ партіи — старо-русскую и украинофильскую; потомъ авторъ указываетъ довольно подробно роль Драгоманова въ Галиціи и созданіе партіи радикальной (стр. 398—410).

Biblioteka Warszawska №№ 1—3. *A. Darowski. Misya dyplomatyczna w XVII wieku.* (№ 2, стр. 262—301). Разсказъ о посольствѣ въ Москву въ 1635 г. Александра Пясочинскаго, Льва Сапѣги и Петра Выжевича.

Ateneum №№ 1—3. *A. Pawiński. Młode lata Zygmunta Starego.* (№ 1, стр. 6—46, № 2, стр. 292—341). Живо написанный біографическій очеркъ.

Въ отдѣлѣ *рецензій* С. Лисевича на XV томъ «Akta grodzkie i ziemske» (№ 2, стр. 388—398).

Kwartalnik Historyczny №№ 1—3. *A. Prochaska. W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego.* Признавая, вслѣдъ за другими изслѣдователями, Юрія II тожественнымъ лицомъ съ Болеславомъ Тройденовичемъ, авторъ далѣе излагаетъ событія, послѣ смерти Андрея и Льва Юрьевичей (1324 г.), характеризуетъ политику Болеслава-Юрія и, наконецъ старается оправдать политику Казиміра В. по отношенію къ венгерскому королю въ дѣлѣ занятія Галицкой Руси. Въ приложеніи напечатаны: а) письмо Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII 1321 г. (изъ парижск. нац. б-ки); два документа, выданные королемъ венгерскимъ Людовикомъ, изъ которыхъ въ первомъ онъ предоставляетъ русское королевство пожизненно Казиміру В., оставляя за собою право выкупа Руси у мужскихъ потомковъ Казиміра (1350 г.), а во

второмъ, отъ 13 апр. 1355 г.) даетъ полномочіе матери своей кор. Елизаветѣ на принятіе присяги отъ польскихъ чиновъ и подтверждаетъ обязательства, принятыя по отношенію къ Польшѣ кор. Карломъ-Робертомъ (изъ Моск. арх. М-ва Ин. Дѣлъ); в) обязательство короля венгерскаго Людовика по отношенію къ Казиміру на случай, если бы послѣдній дождался потомства мужскаго или женскаго пола (изъ Моск. архива М-ва Ин. Дѣлъ. (№ 1, стр. 1—33).

T. Korzon. O Chmielnickim sądy pp. Kulisza i Karpowa. Авторъ указываетъ на рѣзкое противорѣчіе во взглядахъ Кулиша и Карпова на Хмельницкаго. Основа такого разногласія, по мнѣнію Корзона, лежитъ въ различіи источниковъ, которыми пользовались оба историка. Корзонъ защищаетъ Костомарова и Кулиша отъ упрековъ Карпова въ утайкѣ документовъ, указывая, что часть изданныхъ Карповымъ документовъ была напечатана ранѣе (Чтенія моск., общ. ист. и др., 1847, VI), а часть представляетъ фальсификаціи. Далѣе, Корзонъ возражаетъ противъ достовѣрности донесеній московскихъ пословъ воеводъ отмѣчая замѣчательное сходство ихъ съ инструкціями, даваемыми имъ изъ приказа; такъ, онъ сомнѣвается, чтобы Хмельницкій предлагалъ тѣ же вопросы и притомъ въ такомъ же порядкѣ, какъ предвидѣла инструкція (напр. о возрастѣ и внѣшности Алексѣя Михайловича), а въ особенности, чтобы атаманы, привѣтствовавшіе посольство въ Лубнахъ, Лохвицѣ, Ромнахъ и т. д., произносили одинаково стереотипныя рѣчи, и видитъ въ этихъ донесеніяхъ поддѣлываніе подъ тонъ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ Корзонъ защищаетъ источники польскіе, которыми пользовался г. Кулишъ, причемъ указываетъ и цѣлый рядъ промаховъ этого историка. Указавъ, далѣе, ошибку г. Кулиша относительно бюджета Рѣчи Посполитой въ 50-хъ годахъ XVII ст. и оцѣнки военныхъ дѣйствій Яна-Казиміра, авторъ отдаетъ полную справедливость г. Кулишу за его пониманіе характера польскаго народа; онъ вполнѣ соглашается съ взглядомъ г. Кулиша на происхожденіе козачества и пытается подкрѣпить его собственными доводами. Г. Корзонъ довольно подробно излагаетъ мнѣніе г. Кулиша о роли духовенства въ козацкомъ движеніи, о различіи взглядовъ и симпатій высшаго и низшаго духовенства, объ отсутствіи религіозныхъ мотивовъ въ возстаніяхъ козаковъ, причемъ указываетъ на вѣротерпимость по отношенію къ православнымъ Рѣчи Посполитой, сопоставляя ее съ нетерпимостью относительно уніатовъ и католиковъ, которой проникнуты указы царя Алексѣя Михайловича, обнародованные въ Бѣлоруссіи. Тутъ же авторъ отмѣчаетъ разногласіе въ сужденіяхъ г. Кулиша и Карпова о полякахъ и Польшѣ, и очень сходныя ихъ мнѣнія о козачествѣ. Переходя къ личности Хмельницкаго, г. Корзонъ отрицаетъ его шляхетское происхожденіе, его формальныя права на Субботовъ и, охарактеризовавъ его, какъ самаго дурного человѣка и общественнаго дѣятеля, считаетъ вполнѣ способнымъ на поддѣлку

родословной и документовъ на имущество. Г. Корзонъ подчеркиваетъ неясно выраженную, по его мнѣнію, у г. Кулиша конечную цѣль Хмельницкаго—стать независимымъ или по крайней мѣрѣ вассальнымъ владѣтелемъ, мысль о чемъ родилась у него подъ вліяніемъ успѣховъ дѣла, начатаго изъ личныхъ побужденій. Г. Карпова авторъ упрекаетъ за то, что тотъ выходитъ изъ границъ исторіи въ область гаданій и принимаетъ за критерій въ своихъ сужденіяхъ пользу своего государства, не возвышаясь до «универсальныхъ и общечеловѣческихъ основъ исторіографіи и философіи». Г. Кулиша авторъ обвиняетъ въ противорѣчіяхъ, отсутствіи спокойствія, чувства мѣры и критицизма.

Указавъ на нѣкоторое сходство по формѣ и методу между трудомъ г. Кулиша и Les origines de la Françe contemporaine Тэна, г. Корзонъ возстаетъ противъ политиканства въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Далѣе авторъ возражаетъ г. Карпову по вопросу о переяславскихъ статьяхъ и оспариваетъ положенія, что переяславская рада была поворотнымъ моментомъ въ дѣятельности Хмельницкаго, моментомъ, съ котораго онъ становится послушнымъ подданымъ царя Алексѣя Михайловича. Властолюбивыя и династическія мечтанія Хм—го не сбылись. Напрасно также думаютъ, что Хм—ій нанесъ смертельный ударъ Польшѣ. Исчисливъ бѣдствія, причиненныя Малороссіи преемниками Х—го, г. Корзонъ самыми мрачными красками рисуетъ положеніе края въ 2-й половинѣ XVII ст. (№ 1, стр. 34—79).

Antoni Swiątkewicz. Ostatni szturm na Smoleńsk r. 1611. Разсказъ о штурмѣ. Краткое обозрѣніе источниковъ. Въ приложеніи письмо пана Вихровскаго къ п. Станишевскому. (№ 1, стр. 93—99).

A. Czołowski. Dwa dyaryusze najazdów tatarskich na Ruś z r. 1618 i 1624. Оба дневника извлечены изъ библіотеки кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Первый озаглавленъ: Diariusz expeditiey Jego Mości Pana Stanisława Żołkiewskiego, kanzlerza i hetmana koronnego przeciwko tatarom pod Rohatyn (1618 r.), а второй—Rozprawa szczęśliwa z tatary Jego Mości Pana Stanisława Koniecpolskiego, hetmana polnego Koronnego na Podolu pod Szmańkowcami w roku 1624 6-ta Februarii. (№ 1, стр. 99—100).

L. Finkel. Dodatek do historyi napadu tatarów w r. 1695. Письмо кор. гетмана Станислава Яблоновского къ королю отъ 9 Февраля 1695 г., писанное въ ожиданіи нападенія татаръ на Львовъ.

J. Talko-Hryncewicz. Biskup unicki Dyonizy Żabokrzycki. Разсказъ объ арестѣ Діонисія Жабокрицкаго и перечисленіе взятыхъ у него бригадиромъ Яковлевымъ вещей, основанные на рукописи подъ заглавіемъ: Regestr zabranych pieniędzy, klejnotów, rzeczy i sprzętów różnych w katedrze Łuckiej przez Jego M. Pana Petra Jwanowicza Jakowlewa,

brygadiera wojsk Najjaśniejszego Carskiego Wieliczestwa, dnia 7 decembra przededniem kilka godzin w r. przeszłym 1709 przy wzięciu w niewolę Ojca Dyonizego Zabokrzyckiego Episcopa Łuckiego i Ostrogskiego. (№ 1, 101—105).

Въ отдѣлѣ рецензій: *Я. Карловича* на сборникъ Оск. Кольберга «Chełmękie» tt. I и II.; *А. Калины* на Gadki ludowe Górali bieskidowych z okolic Rabki» Ис. Коперницкаго; *Л. Лепшаго* на статью Ф. Бостеля «Przyczynki do dziejów złotnictwa lwowskiego w XVI i XVII w. (Sprawozdania komisyi do badania historyi sztuki w Polsce, t. V, z 1.); *Е. Калитовскаго* на труды И. Е. Левицкаго. Галицко-русская библіографія XIX ст. т.т. I и II, «Галицко-русская библіографія за 1887 г.» и Галицко-русская библіографія за 1888 г.»; *Е.* на книгу С. Пепловскаго «Teatr polski we Lwowie (1881—1890),»; *А. П—ски*, на статью Фр. Равиты «Losy wielkiej fortuny na kresach» (Przewodnik nauk. i liter. 1891. Maj-Lied.); *С. Кентковскаго* на «Achiwun książąt Lubartowiczów Sanguszków w Slawacie», t.t. III i IV. *А. П—ски* на «Мемуары относящіеся къ исторіи Южной Руси, переводъ К. Мельникъ, вып. I.

Maryan Sokolowski. Muzeum XX. Czartoryskich w Krakowie. Изложена исторія музея и описаны болѣе замѣчательные изъ хранящихся въ немъ предметовъ. Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о самомъ музеѣ, такъ и о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ южн. Россіи. Начало собраніямъ, составившимъ музей, положено въ к. XVIII ст. Адамомъ Чарторыйскимъ, генераломъ земель подольскихъ, и его женой Изабеллой въ ихъ имѣніи Пулавахъ. Послѣ ноябрьскаго возстанія произведенія искусства, памятники старины, монеты, медали и рукописи были перевезены въ Парижъ, а библіотека въ Сеняву, въ Галиціи. Въ 1872 г. кн. Влад. Чарторыйскій, внукъ основателей перевезъ коллекціи ихъ Парижа въ Курникъ, въ Познани. Въ 1876—80 гг. г. Краковъ уступилъ Чарторыйскому помѣщеніе для музея, который и былъ перевезенъ равно какъ и библіотека въ Краковъ. Съ 1884 г. во главѣ этого учрежденія стоитъ авторъ статьи М. Соколовскій, который и далъ ему нынѣшнюю организацію. Музей Чарторыйскихъ состоитъ изъ: а) собственно музея, б) библіотеки, съ особенно богатымъ отдѣломъ Polonica и в) архива. Изъ предметовъ, находящихся въ Музеѣ, упомянемъ о кубкѣ съ характеристическимъ восточнымъ орнаментомъ и роструханѣ въ стилѣ Возрожденія съ затѣйливымъ рисункомъ и богатой орнаментаціей. Первый, серебряный густо позолоченный, очевидно, сербскаго происхожденія, на немъ надпись славянскими литерами: *Братина думной рады князя Михаила Даниловича.* На роструханѣ видны греческія буквы, какъ бы знаки мастера. На выпукломъ днѣ его—рѣзной и позолоченный гербовый щитъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. На щитѣ какъ бы гербъ Ле-

лива: полумѣсяцъ и звѣзда, а надъ звѣздой подкова, обращенная концами внизъ и образующая съ полумѣсяцемъ какъ бы раму для звѣзды. Изъ страусовыхъ перьевъ и зигзаговъ, окружающихъ щитъ, поднимается вверхъ крестъ, около котораго двѣ большія буквы *Д. Р.* Кромѣ того на роструханѣ есть надпись старославянскими буквами, гласящая: *Пана-Думитрашка Раича сей кувшъ зроблень року 1678 м-ца Августа дня 8. Пыты зъ него во здравіе, съ ковша сего пыты а его не просыты, а просышъ не дамъ, для себе мамъ.* Надпись прерывается тремя лавровыми вѣнками съ бюстами въ характеристичныхъ козацкихъ уборахъ, представляющими, какъ свидѣтельствуютъ надписи, Лобойка, Наливайка и Мазепу, которые держатъ въ рукахъ чаши или играютъ на торбанахъ; около одного изъ нихъ козакъ, бьющій въ бубенъ, съ обнаженной головой и съ шапкой, лежащей подъ бубномъ. У рукоятки есть большое ушко для вѣшанья сосуда на стѣну. Есть еще серебряный ковшъ московской работы, съ государственнымъ гербомъ, пожалованный, какъ гласитъ надпись, въ 1701 г. Петромъ В. какому то Никифору Иванову изъ Путивля за заслуги по таможнѣ. Замѣчательна коллекція старинныхъ поясовъ, которыхъ въ музеѣ 37, изъ нихъ 10 слуцкихъ, а именно 3 съ надписью *Лео Мажарскій въ градѣ Слуцкѣ*; 2—съ буквами *Ф. К. Р. Слуцкъ*; 3—съ фабричнымъ знакомъ *F. S.*, помѣщеннымъ горизонтально, 1 съ такими же знаками, но буквы раздѣлены звѣздочкой, и 1 съ латинской надписью *me fecit sluciae.* Въ богатой коллекціи географическихъ картъ есть не мало относящихся къ южн. и зап. Россіи.

Въ библіотекѣ числится около 100,000 томовъ, въ томъ числѣ отдѣлъ Polonica 35,000. Въ архивѣ 5070 рукописныхъ сборниковъ и 1202 документа, начиная съ XII в. Собраніе рукописей составилось первоначально изъ фамильныхъ бумагъ и пріобрѣтеній кн. Ад. Чарторыйскаго и порыцкаго собранія Тадеуша Чацкаго, пріобрѣтеннаго кн. Адамомъ въ 1818 г. Изъ рукописей отмѣтимъ: Евангеліе апракосъ, на церковнославянскомъ языкѣ, к. XIII и нач. XIV в. изъ Лавришовскаго монастыря около Новгородка Литовскаго, съ вкладными надписями в. кн. литовскихъ и миніатюрами различныхъ эпохъ до к. XV в. Изъ числа пріобрѣтеній музея за послѣдніе годы (1889 и 1890) отмѣтимъ: рукописную исторію архіепископства львовскаго Юзефовича, русское Евангеліе XVI в. съ комментаріями Ѳеофилакта, еп. болгарскаго, и собраніе правительственныхъ документовъ, русскихъ и польскихъ, относящихся къ семейству Масальскихъ. (№ 2, стр. 229—276).

Въ отдѣлѣ рецензій: *Г. Оссовскаго* на статью К. Пуласскаго «Wiadomosć o dwu zabytkach bronzowych, znalezionych na Podolu» (Pamiętnik fizyograficzny Г. IX Д. IV 1889). *А. Брюкнера* на „Вислу“ (т. IV №№ 2—4 и т. V №№ 1—3). *Я. Карловича* на посмертное изданіе Оск.

Кольберга Przemyskie, zarys etnograficzny". *В. Чермака* на книгу Іенике „Stefan Czatniecki". *Ф. Бостеля* на брошюру М. Ролле „Z życia Ormian kamienieckich w XIV i XVIII". (Оттискъ изъ „Swiat'a".

Для даннаго обзора, помѣщеннаго въ № 4 и 5, разсмотрѣны были слѣдующія изданія и номера, при чемъ указываются даже тѣ изданія, въ которыхъ ничего не оказалось относящагося къ южной Руси: 1) Ateneum № 1—3; 2) Богословскій Вѣстникъ № 1; 3) Biblioteka Werszawska № 1—3; 4) Восходъ № 1—3; 5) Вѣра и Разумъ № 1—6; 6) Вѣстникъ Европы № 1—3; 7) Журналъ Гражд. и Уголовн. Права № 1—3; 8) Журналъ Мин. Народ. Просв. № 1—3; 9) Историческій Вѣстникъ № 1—3; 10) Кіевскія Университетск. Извѣстія № 1; 11) Kwartalnik historyczny № 1—2; 12) Недѣля (книжки № 1—4); 13) Православный Собесѣдникъ № 1—2; 14) Русскій Филологич. Вѣстн. № 1; 15) Русское Обозрѣніе № 1—3; 16) Русскій Архивъ № 1—3; 17) Русская Мысль № 1—2; 18) Русская Старина № 1—3; 19) Странникъ № 1—3; 20) Сѣверный Вѣстникъ № 1—3; 21) Славянское Обозрѣніе № 1—3; 22) Труды Кіевской Духовной Академіи № 1—3; 23) Ученыя Записки Казанск. Университета № 1; 24) Христіанское Чтеніе № 1—4; 25) Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія № 1—2; 26) Юридическій Вѣстникъ № 1—3; 27) Юридическая Лѣтопись № 1—3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„КІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ"

ВЪ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Въ немъ напечатаны: 1) произведенія иностранныхъ писателей, присланныя спеціально для „Сборника", Берты фонъ Суттнеръ, (Изъ рѣчи на конгрессѣ мира), П. Гейзе (стихотвореніе), Арне Гарборга (Смерть), А. К. Леффлеръ, герц. ди Кайянелло (Изъ воспоминаній о Софьѣ Ковалевской), Пьера Лоти (Charmeurs de serpents), Виктора Балагера (стихотвореніе), Г. афъ-Гейерстама (Исторія двухъ орловъ), А. Стриндберга (Укоры совѣсти), П. Розеггера (Чудеса), М. Нордау (Fin de siècle), І. Ли (Орлица), Л. Захеръ-Мазоха, („На тернистомъ пути"), Б. Бьернсона (Пыль), Г. Эберса (Стихотвореніе).

2) Статьи: профессоровъ М. Ковалевскаго (Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи), М. Владимірскаго-Буданова (Формы землевладѣнія въ Литвѣ), П. Броунова (Погода и ея предсказаніе), И. Сикорскаго (Голодъ и его послѣдствія), В. Малинина (Надсонъ какъ поэтъ), П. Морозова (Война и ея жертвы), И. Лучицкаго (Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи), Т. Флоринскаго (Эпосъ сербовъ-мусульманъ Босніи), В. Ермакова (Преподаваніе алгебры), гг. А. Абрагамсона (Двѣ недѣли въ Средней Азіи), Р. Савельева (О предсказаніи неурожаевъ), Г. Бобрикова (Матеріалы для исторіи войны 1877—78), Л. Куперника (Шарль Фурье).

3) Разсказъ Вл. Короленка („Щось буде"), М. Альбова (Домъ), А. Любича (Тучка набѣжала), Н. Аранджи (Изъ школьныхъ легендъ), М. Бертина (Ужинъ), М. Бр—скаго (Подъ осенній дождь), Е. Бердяевой (Бенефисъ), Вас. Немировича-Данченко (Глава изъ романа „Полымя").

4) Стихотворенія: Б. Бьернсона, Карла Сюнльскаго, Вл. Высоцкаго, Вас. Немировича-Данченко, Ф. Черниговца, П. Тулуба, С. Бердяева, А. Львовой, Л. Мунштейна, де-Эръ.

Къ сборнику приложены фототипическіе снимки съ картинъ гг.: Орловскаго (Днѣпръ), В. Васнецова (Голова Христа), П. Свѣдомскаго („Воскрешеніе Лазаря" и

„Въ Геесиманскомъ саду“), Пимоненка (Сватанье), Бодаревскаго (Свадьба), Платоновой (Дѣвушка со свѣчей) и двѣнадцать снимковъ съ видовъ Средней Азіи.

Цѣна (для неподписавшихся) 2 р. 50 к.

Съ пересылкой 2 р. 95 к.

Главный складъ изданія въ Кіевѣ въ редакціи (Левашевская, 14; И. В. Лучицкому).

Продается въ книжныхъ магазинахъ: Іогансона, Корейво, Оглоблина, Розова, и въ редакціи „Кіевской Старины“, въ Кіевѣ.

Въ Москвѣ главный складъ—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Плющиха, д. Орлова).

Въ Полтавѣ: въ губернской земской Управѣ.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30 апрѣля 1892 г.

Добронизкого и Лукаша, асаулу полкового переясловского, отежджаючихъ уже зъ Глухова.

7. Неделя. Рано п. Андрѣева, швакгрова, виехала отсюду зъ Глухова въ Суми. Швакгри мои оба виехали зъ Глухова у вечеру и до Рихловского монастира, по своемъ обѣщанію, перво поехали. Калюжненки давали писмо, за футоръ Калюжновскій упоминаючись. Сварковцѣ суплѣку подали мнѣ за Ораовскимъ, просячи его въ попи. Семенъ, господаръ бувшій, приходилъ ко мнѣ, упоминаючись за якогось коня. Пожекгналемъ ясневелможную и протчіихъ всѣхъ и п. Левенца. Пріехалъ Верещака зъ Ромна, отъ родителя, зъ писмами до ясневел. и ко мнѣ и зъ доношеніями въ колегію и канцелярію взглядомъ заплати полковимъ служителямъ доводячойся и респектомъ умноженнихъ отъ вой. енер. канцелляріи вновъ теперъ консистентовъ; зъ листу родителского извѣстилемся, что отехалъ въ пятокъ въ Ахтирку до князя Михайла Михайловича Голѣцина. Отъ Якова листъ поданъ зъ Ромна, въ якомъ виражаетъ, что горѣлки оковитой 8 куфъ припроважено въ Роменъ, барилъ зробили 32, людей наняли 27, и задатку имъ толко дали по шагу.

8. Понеделокъ. Рано писалемъ писмо до п. сотника глуховского объ Ораовскомъ, которого бъ онъ архиерею писмомъ рекомендовалъ респектомъ священства. Скриню зъ книгами запечаталемъ. Виехалисмо зъ Глухова обое, зъ женою, на обѣдъ въ Сварковъ. Въ Сварковѣ теслѣ говорилемъ коморку придѣлать, мостъ черезъ Клевень просто на огородъ Жидовленка зробить и проч. По обѣдѣ приехалисмо въ футоръ Калюжновскій, где и ночовали.

9. Во второкъ. У футорѣ Калюжновскомъ гуменного жита всего неслано еще въ Тулиголови 16 четвериковъ, а всего зъ 296 копъ, 40 четвериковъ. Панюи о нѣкоторихъ рѣчахъ предложилемъ, а наказъ господару въ 18 пунктахъ, а войту Забарѣ въ 13 пунктахъ до рукъ панеи далемъ. Поехавши рано оттуду, пріехалемъ на обѣдъ въ Тулиголови, где въ імбарѣ горѣлки оковитой осталось 2 носатки, а простой 24 носатки въ двохъ куфахъ. Роману дворнику далемъ наказъ въ трохъ пунктахъ. Извѣстно мнѣ учинилось, что принялъ Романъ отъ тютюнника тютюну папушъ 1500, а оній въ імбарѣ

зложенъ. По обѣдѣ виехавши зъ Тулиголовъ, приехалемъ на ночъ въ Камень, где Шрамченка, которого братъ у Сулаку задолжился по Юрченковой позичцѣ, призивалемъ и долгъ отдать казалемъ.

10. Середа. Писалемъ до сожителници о взяттю сюда бутилокъ 6 купленнихъ съ виномъ и 9 оплѣтованихъ въ Сварковѣ, порожнихъ. До ей жъ писалемъ, чтобъ господаръ зехалъ въ Тулиголови и тамъ купчіе, Романомъ взятіе у продавцовъ на нѣкоторіе кгрунта, неисправно пописанніе, переправилъ и пораднѣйшіе отъ заводцовъ отобралъ и сіе въ записалъ себѣ до чинення къ 18 пунктамъ, а такъ теперъ, въ наказѣ его, 19 пунктовъ должно быть До Романа тулиголовского писалемъ, чтобъ онъ 3 кухви отискалъ зъ Кролевця, заплативши за оніе по копѣ, а 3 зъ Каменя, взамѣну 2 прославши болшихъ, и оніе би 6 куховъ на шинки употребились. Шрамченку говорилемъ, жебы онъ горѣлки 10 носатокъ и 100 зол. старались отдать Лазовскому, а онъ чтобъ переслалъ въ Тулиголови, приказалемъ. Поехавши зъ Каменя пріехалемъ въ Грузкую, где и обѣдалемъ, а оттуду на ночъ приехалемъ въ Смѣлое до Кгреся. Императоръ всероссійскій Петръ Великій погребенъ въ С П. Бурсѣ, въ церквѣ Ст. Апостолъ Петра и Павла, въ крѣпости; слово при погребеніи говорилъ Прокоповичъ, архіепископъ псковскій.

11. Четверъ. Зъ Смѣлого писалемъ до своей сожителници о ея въ Роменъ пріездѣ и козаковъ трохъ послалемъ. Тогда жъ и до п. Михайла Скоропадского писалемъ. Віехавши зъ Смѣлого рано, приехалемъ въ Роменъ на обѣдъ, где засталемъ родителя и родителку. Листъ отъ Плетюнки зъ Сухоносовки, марта 7 писанній, достался рукамъ моимъ, въ якомъ пишетъ: 1, о присилцѣ сюда возовъ 6 воловихъ . . . . . (?) 12, полотна на мѣхи, сукна на попонки, шкуръ шкапинихъ 3, а яловичихъ 2 и важницъ 3. 2, о присланню туда соли бѣлой; 3, что горѣлки оковитой 2 кухви готовіе суть; 4., что зъ Перервинецъ взялъ свиней 25 въ Сухоносовку; 5., что зъ Колотового и церковного млинковъ розмѣръ збирается до двора; 6., что за кгрунтъ попа сухоносовского Петровскому заплатилъ 120 зол., и у его купчая и крѣпости бывшіе на оній, отобралъ при атаману чорнускомъ. Книгъ въ Ромнѣ остав-

ленних пересмотрувалемъ и показалось: богословскихъ 21, философскихъ 12, историческихъ 10, медическихъ 5, протчіихъ 8, и того всѣхъ 56, а зъ Глухова привезлемъ 32, и того тутъ всѣхъ 345, о чомъ зри въ февр. 26 числѣ, нумерѣ 2. Отъ Селецкого зъ Слуцка присланъ листъ 25 февр, писанній ко мнѣ, въ которомъ виражаетъ, что тютюнъ мой зъ родителскимъ зложенъ въ шпѣклѣръ, а даютъ за мой по 2 зол. и по полъ 8 шага, (на поляхъ: NB значитъ—7 шаговъ съ половиною) и чтобъ паробку, туда ходившому, заплатить за тиждень по полъ 8 шага, зъ которимъ пара коней моихъ, ходившихъ туда подъ тютюномъ, прійшло сюда въ цѣлости. Покупки Демяновой осмотрувалемъ, между которою и кагве окъ 5, на якую розійшлося денегъ 98 зол. и 7 шаг., зъ даннихъ ему 100 зол. Начали кагве—и кубочокъ змажили. Извѣстно мнѣ учинилось, что Тихонъ Волжинъ, прапорщикъ, пріехалъ сюда въ полкъ лубенскій зъ присягами на вѣрность ея величеству и зъ обявленіями о погрѣшеніи нашихъ пп. старшинъ пѣтербурскихъ. Тожъ извѣстилемся, что генералъ-порутчикъ Девейзбахъ въ Гадячомъ квартеру имѣетъ, куда сими часи и генералша поехала.

12. Пятокъ. До старости сухоносовского писалемъ, въ отвѣтъ на его писмо, о многихъ інтерессахъ господарскихъ, а притомъ о присилцѣ сюда горѣлки оковитой и хмелю etc., а послалемъ оное писмо черезъ александровского козака. Извѣстилемся, что статуи въ Лубнахъ дѣлавшіеся, теперъ у Луцѣ суть 12. Прапорщикъ отъ енерала Вейзбаха ехалъ черезъ Роменъ и сказовалъ о его генеральской битности въ Гадячомъ обрѣтаючойся. Ездилемъ до своего шинковного двора, где видѣлемъ возовъ новихъ воловихъ 16, а еще два вскорѣ будутъ зроблени. Палубовъ новихъ, оббитихъ, 2, такъже старихъ палубціовъ 4, возовъ коннихъ 2, барилъ зробленнихъ болшъ 40, зъ которихъ не всѣ повніе и насипаніе; але въ насипанихъ барилахъ вѣдерокъ роменской мѣри 160, а еще кухва повна горѣлки. Колѣсъ воловихъ зайвихъ 4, и иншіе рѣчи подорожніе. Бондаромъ 4-мъ далемъ по золотому. Оттуду едучи булемъ на Монастирищѣ, где видѣлемъ у імбарѣ нашего сира давнего 5

дѣжокъ неповнихъ. Тамъ же приказалемъ стелмахови доробить тарадайки. Извѣстно мнѣ учинилося, что зъ Тулиголовъ воловъ моихъ прійшло сюда зъ горѣлкою 8 и оніе тутъ удержани. Демянъ поехалъ зъ спалнею до Каменя, для пріезду сюда на оной женѣ моей.

13. Субота. Перервинскій старосга отправленъ отъ родители зъ тимъ, жебы статокъ, присланній зъ Прилуки, знову отогналъ въ Прилуку, того ради, что п. Федоръ, тайно приславши своихъ людей въ Перервинцѣ, взялъ увесь статокъ къ себѣ и лутшіе повибравши, саміе подлѣйшіе поприсилалъ и то малое число. По службѣ Божой ранной, виехалисмо зъ Ромна къ Ахтирцѣ, родитель, я и братъ п. Семенъ и асаулъ гонцювскій и пріехали въ Липовое на обѣдъ; зъ Липового писалемъ до Плетюнки о томъ: 1) чтобъ билъ у футорѣ, затимъ, же ягнята пропадають; 2) о лѣсѣ, на которого купленне 90 зол. дано Василевѣ мацковскому старостѣ, увѣдомился купленъ ли есть; 3), о коняхъ въ Лубняхъ и Сухоносовцѣ стоячихъ, чтобъ били въ добромъ досмотрѣ; 4) о перервинскомъ старостѣ ему подчиненномъ А до Якова Дуброви тотъ листъ, при другомъ листѣ къ нему писанномъ, послалемъ, чтобъ онъ отдалъ перервинскому старостѣ до отданія ему Плетюнцѣ, и о другихъ інтерессахъ къ нему Якову писалемъ. Зъ Липового, поехавши до Гадячого (куда будетъ верстъ 27), пріѣхали позно и тутъ ночовалисмо.

14. Недѣля. Рано, передъ службою, приходили къ родителю старшина полковая и Турковскій господаръ зъ поздравленіемъ пріезду и зъ нами жъ купно пошлисмо до служби Божой, которую вислухалисмо въ теплой церквѣ святого вел.-мч. Димитрія. По службѣ булисмо у господина генерала лейтенанта Девеизбаха, которій ласкаве насъ принялъ и упросивши насъ на обѣдъ, на время отпустилъ до квартери, того ради что онъ еще мши не слухалъ своей. По отправѣ мши, генералъ прислалъ своего служителя къ намъ, прося на обѣдъ, и кушалисмо оній у его. А въ томъ часѣ Алексѣецъ зъ Ромна привюзъ коня верхового моего бѣлого. По обѣдѣ, до вечернего часу у его забавилисмося, при розныхъ розго-

ворахъ, а потомъ пожехгнавши его, заехалисмо на квартеру и оттуду заразъ виехалисмо, и приехали на ночъ до Веприка, отъ Гадяча отстоящого въ 11 верстахъ, где въ дому сотницкомъ и кватиру имѣлисмо. Алексѣецъ ускаржался на Юска конюшого, которій ему руку висше локтя обрубалъ шаблею.

15. Понеделокъ. Рано зъ Веприка поехалисмо, а пріехали на обѣдъ въ село Комишѣ, отстоящое отъ Веприка въ 21 верстахъ, и у попа квартеру имѣлисмо. Пообѣдавши тамъ, поехалисмо и пріехали въ Ахтирку передъ заходомъ слонца, отстоящую отъ Комишовъ, якъ бы въ 35 верстахъ, або мало меншъ, и стали квартирою на предмѣстѣ, у лѣвомъ кутѣ. Петро Воротелякъ, напередъ сюда въ Ахтирку присланний за кватирою, посиланъ былъ до полковника ахтирского отъ родителя зъ поздравленіемъ. Казѣмирець, машталѣръ, утекшій зъ Куцупѣевщинѣ, явился еще у Комишахъ родителевѣ зъ суплѣкою, жебы ему рѣчи его были вернени, въ чомъ и листъ своего нинѣшного пана Василя Осипова, ротмистра ахтирского полку, до родителя жъ писанный, вручилъ.

16. Вовторокъ. Рано булисмо у князя Михайла Михайловича Галѣцина и поклонъ ему отдалисмо, которій ласкаве принялъ насъ, а застalисмо тамъ штапъ офѣцеровъ немало, зехавшихся для нѣкоторого своего интересcу имъ. Да туда жъ при насъ пріймотъ Алексѣй Бибиковъ, мануфактурколегіи прокуроръ, пріехавшій зъ С. П. бурха до князя зъ обявленіемъ о смерти імператорской и присягами на вѣрность ея величеству. Обѣдалисмо у князя всѣ и подпіяхомъ. П. Михайло сумскій пріехалъ зъ Сумъ и тутже былъ, а сказовалъ себе слишавшаго отъ п. Андрѣя Полуботка тое, что будто п. полковникъ сумскій преставился, що однакъ не достовѣрно. Отъ княжихъ извѣстилемся, что въ Гилянъ наряженъ комендиромъ Димитрій Федоровичъ Яропкинъ, полковникъ Нарвского полку, и съ нимъ еще два: штапъ офѣцеръ и другій оберъ офѣцеръ. Отехалисмо отъ князя всѣ разомъ, родитель же поехалъ просто на квартеру свою, а я заехалемъ до Василія Петровича Шереметева полковника зъ полковниками Ролондомъ, Гроковимъ и Бибиковимъ, и тамъ не бавлячись, на свою пріехалемъ квартеру. Полковникъ ахтирскій и Бибиковъ,

у его дому квартируючій, обидва Алексѣи, просили на завтрейшній день тезоименитства своего къ себѣ, чого ради и удержалисмося. Леско сторожъ пріехалъ зъ Ромна зъ писмами войсковой енер. канцелляріи, асаули полкового и комисаровъ полковихъ, о вистатченню провіянту и фуражу двомъ ротамъ, по ордеру оной канцелляріи, на полкъ лубенскій опредѣленнимъ, писанними и что хоружій Корсунъ пріехалъ зъ Глухова безъ резолюціи колежской на нужди полковіе, за которими туда билъ посиланъ.

17. Середа. У князя рано былисмо и кагве напившись, пошлисмо до церкви. По службѣ Божой, князь, княгиня и прочіе полковники армейскіе и мы кушалисмо у полковника ахтирского Алексѣя Лесевицкого, для его нинешнихъ іменинъ, а по обѣдѣ опровадилисмо князя въ домъ его и пожекгналисмо, а пожекгнавши, заехалисмо знову до полковника и тамъ мало посидѣвши, отехали, а мимоездомъ у полковника Василія Петровича Шереметева билисмо и нѣмало не бавлячись, къ своей поехалисмо квартерѣ, а недоиждающимъ намъ оной, настиглъ насъ п. полковникъ ахтирскій и купно зъ нами пріехалъ, а посля его къ намъ же пріѣхали Максимъ Тимофѣевичъ, духовниковъ синъ [1]), Василь Даниловичъ, ротмистръ полку ахтирского подпрапѣрнихъ товарищей, которіе всѣ долго просидѣли у насъ и зъ тими всѣ ми гараздъ подпіяхомъ.

18. Четверъ. Рано виехалисмо зъ Ахтирки назадъ и пріехавши къ яру, оставилисмо дорогу до Комишей идучую, а взяли у право, на гору, у самомъ яру, къ Олешнѣ и Лебедину лѣсомъ. Виехавши зъ лѣса на горѣ, пріехалисмо къ селцю, прозиваемому Чортовка, которое отъ Ахтирки будетъ у милю, и оное въ лѣвомъ боку отъ насъ было. Минувши оное селце, пріехалисмо въ городокъ прозиваемый Олешню, отъ помянутого селця якбы у полъ милѣ отстоящій; но и тамъ не зостановляючись, поехалисмо просто до Лебедина, отстоящого отъ Олешнѣ якбы у полтретѣ милѣ, а пріехавши туда въ обѣдную годину, сталисмо въ дому сотничомъ и обѣдалисмо. По обѣдѣ виехавши оттуда, пріехали въ Ми-

[1]) Т. е. Надаржинскій, см. выше стр. 178.

хайловскихъ належачое, а въ разстояніи отъ оного обрѣтаючееся въ милю, и тутъ ночовалисмо. Староста тутейшій въ розговорѣ сказалъ, что сего году зъ сего селця вибрали збору зъ тягла грошей 30 рублей, въ годъ горѣлки куховъ 5 вишинковалось; овецъ тутъ болше 2000, скотини на 400, зъ коней стрижчатъ есть тилко на 80, а 18 здохло отъ лѣта до сего году.

19. Пятокъ. Рано зъ Грунки віехалисмо и степомъ все ехали; не доѣжджаючи слободки Семіоновки Корсаковой, въ степу найдуючойся, а отъ Грунки отстоячой якъ би миль у полъ 3, оставилисмо шляхъ до Коровинецъ идучій и взяли влѣво степомъ, и поузъ оную Семіоновку ехалисмо, а оттуду степомъ ажъ до самого Ромна пріехалисмо, куда отъ Семіоновки будетъ миль болше двохъ, и пріехалисмо по полудни уже. Писмо отъ п. Михайла Скоропадского получилемъ, въ которомъ обявляетъ, что указъ ея величества въ колегіи полученъ о отпечатованіи дворовъ всѣмъ арестантамъ, чего ради и онъ, купно зъ прокуроромъ, въ Сорочинци едетъ, а зъ Смѣлого пишетъ, по якому писму и жена моя писала до моего швакгра п Андрѣя, жебы ехалъ въ Чернѣговъ къ дому своему. Отъ Василя господара полученъ листъ, въ которомъ, между иншими інтересами, обявляетъ, что въ Тулиголовахъ купчіе нинѣшнимъ статтемъ побрани у продавцовъ. Извѣстилемся, что горѣлки оковитой 2 кухви зъ Сухоносовки сюда привезено, которой било вѣдерокъ тутейшихъ 32 вѣдерки и 3 кварти, пересипано оную въ барила. Засталемъ свою жену болѣзнуючую на уши, же мало слишитъ.

20. Субота. П. Минѣцкій, писаръ пол. нѣжинскій, въ Роменъ пріехалъ. Тарасъ въ Лубнѣ и далѣ, а Гаврило въ Нѣжинъ отправлени. Тарасу на овесъ для коней далемъ зол. 10, а Гаврилу на покупки таляръ 20. Демянъ за огурство свое, посаженъ за друкъ. Шапку далемъ шить себѣ зъ чорного аксамиту и баранковъ 2 чорнихъ. Зъ Сулаку отъ Гамалѣи до родителя писмо, въ якомъ виражаетъ о 60 козакахъ, тамъ же умершихъ. Барма слугамъ данна, Алексѣйцю, Демяну Гаврилу, Роману, Мартину и Василю господару, Леску Кухару карунъ и 15 зол., Тарасу ка-

рунъ и 10 зол. Вѣжевскому сукно и 10 зол., Петру Кухтику сукно и 3 зол. Машталѣрамъ лутшимъ сукно и по 5 зол., подлѣйшимъ габи и по 4 зол. Коваль сторожъ, до п. Андрѣя швак гра посиланній, зъ вѣдомостю объ отпечатаваніи ихъ имѣнія, повернулся и сказалъ, что п. Андрѣй мѣлъ ехать черезъ Глуховъ въ Чернѣговъ. Тарасу данъ рецептъ въ аптецѣ взять лѣкарства числомъ 3 штуки: 1, ole. amigdal., декоктъ и пѣлули, которіе въ моемъ дефектѣ, прежде пявокъ, употребляются.

21. Неделя. Демянця освободить казалемъ и по утренѣ упомянулемъ и о нѣкоторихъ рѣчахъ допросить его казалемъ Якову. Демко Пиндюренко зъ Глухова .пріѣхалъ и коня привюлъ бѣлоногого дрикганта, вороного, да онъ же привюзъ желѣза 5 штабъ и шкуру. А въ листѣ господаръ пишетъ, что въ колегіи освобожено колодниковъ 118 чловѣкъ, по указу ея величества, въ оной колегіи 15 марта полученному. Романъ зъ шапками (которіе той же Пиндюренко привюзъ) и другими рѣчами посланъ бувъ въ Глуховъ, але стрѣвши Демка, вернулся. Будискій чловѣкъ подалъ мнѣ доношеніе, просячи о приверненне ему коня, якого у его взято у Лохвицѣ, когда его съ ворами поймали. Обѣдали у родителя зъ жен. и мужеского пола, на двохъ столахъ. Корсунъ, хоружій, домой отехалъ, а Слюзенко пріехалъ въ Роменъ зъ Сенчѣ, где Криштопенко сотникъ небилицѣ многіе якоби дѣлаетъ. Данило татаринъ въ вечернѣ пяній показался, и за то посаженъ у куну. Писма всякіе пересмотрувалемъ и на реестра зводити оніе казалемъ, п. Семену Минѣцкому и Хмелику. Зъ колегіи присланъ указъ зъ приложеніемъ печатного указу ея величества, въ якомъ вираженно, арештантовъ, чили рачей колодниковъ, зъ подъ арештовъ освобожать всякихъ, опрочъ убійства, возмущенія народного и ізмѣни. Писмо отъ Кашири, дворника криворудского, получилемъ о тамошнихъ непорадкахъ и зъ скаргою на Булавина. До его жъ отписалемъ указомъ, утверждаючи его, а до Тараса и Плетюнки писалемъ, жебы они зехавши у футоръ, поклейнали лошакѣ и похолощали и кобили на кущѣ роздѣлили бы. Салдатъ отъ прокурора зъ Сорочинецъ проехалъ, почту для его розставляючи.

22. Понеделокъ. Отъ енерала Девейзбаха писмо зъ драгуномъ прислано до родителя о покупцѣ вина кримского, для его росходу. Кунтушъ новій, чорній, мнѣ покраяно. Шапку новую шить далемъ и на оную два баранки чорних и на вершокъ чорній аксамитъ.

23. Вовторокъ. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хрущовъ, ездившій въ Сорочинцѣ знимать арешту зъ дому полковника миргородского, а при немъ Михайло Скоропадскій, поворочаючись оттуду, пріехали сюда въ Роменъ, на обѣдъ. Указъ вновъ зъ собранія енералного суда, въ колегію принесеній, у нихъ же видѣлемъ, въ якомъ выражено: 1, енералнимъ — судіи Чарнишу, писару Савичу, асаулѣ Жураковскому, бунчучному Лизогубу и женѣ зъ дѣтми Полуботковимъ, хотя надлежало по ихъ винѣ такое учинить наказаніе, чтобъ ихъ зъ женами и дѣтми заслать въ Сѣбиръ въ (с)силку, а имѣніе все движимое и недвижимое взять на ея величество, однакъ ея величество ради поминовенія блаженной памяти его імпер. величества и для своего многолѣтнего здравія, пожаловала ихъ и все имѣніе имъ возвратить велѣла, (кромѣ червонних и ефимковъ, которіе въ росходѣ уже, и лошадей), но жить имъ безиздно въ С.П.Бурху, и съ тогожъ имѣнія двори себѣ тамъ подѣлать, и впредъ имъ не писать сюда нѣ до кого, ниякихъ писемъ, кромѣ въ господарскихъ чили домашнихъ дѣлахъ. 2, Полковнику миргородскому Апостолу, яко въ меншомъ оказавшомуся преступленіи, тамъ же жить безиздно, толко едного зъ синовъ своихъ посилать сюда въ Украину для осмотренія своего господарства. 3, Корецкому, наказному пол. старод., Кгребюнцѣ, судіи гад., Кирпичу, асаулѣ переясл., и Валкевичу — удержатись еще въ С.П.-Бурсѣ до указу. 4. Покорскій сосланъ въ силку въ Архангельскій городъ, где по гривнѣ давать ему на день денегъ. 5. Ханенку быть учителемъ въ гварнѣзонской школѣ дѣтей офѣцерскихъ и салдацкихъ. Обѣдалъ у насъ прокуроръ и п. Михайло, а (я) у ихъ квартери до 11 год. просидѣлемъ. Орановскому далемъ 50 зол., да онъ же купилъ мнѣ спалню бѣлую за 2 зол. Іванъ Перехристъ бувъ, которому шинкаръ мой довюлъ, что онъ до Сумъ взялъ грошей 20 талярь, опрочъ чеховъ зъ шагами, на отмѣну даннихъ.

24. Середа. Рано прокуроръ отехалъ въ Глуховъ, а прежде о сенецкомъ сотнику розговаривалъ. Родитель отехалъ въ Бубни, для пріуготовленія себе къ причастію. П. Минѣцкій отехалъ въ Глинскъ. П. Михайло Скоропадскій до своей невѣсти, дочери п. полковника миргор., далъ писмо, которое зъ двома писмами отъ родителки до п. полковниковой, а отъ мене до полковниченковъ писанними, писалемъ. Цилюрику Ходецкому еще за хлопця цилюричка далемъ 5 зол. Демянцеви, за прошлій годъ и за сей, сукна и 65 зол., далемъ черезъ Якова. Термѣни амплѣфикаціи, до всякой рѣчи служачіе, зискалемъ: 8 absolutos, 8 relatinos и по онихъ, на кшталтъ казанія на страсти короткого, діялектомъ латинскимъ скомпоновалемъ. У лазнѣ милемъся.

25. Четверъ страстній, Благовѣщеніе. Отправленъ Демко Пиндюренко въ Глуховъ и черезъ него: 1) послано сукна господару, 2) а писано къ нему, чтобъ онъ взялъ къ себѣ грошей 12 зол., Вовдѣ далъ 10 зол. а сукно мѣетъ прислатись, а ключнику за все 20 зол. да 3) бутилки посланы къ ему, которіе велено поросплѣтовать знову Сварковскому, а вновъ плести лутше, и нѣмецкая одна для образца послана; 4) да черезъ его жъ Діомка, послана лилѣя бѣлая и прочіе и велено ему тое все посадить въ Сварковѣ. А листъ пунктами написанъ, пунтовъ въ немъ болшъ 10. Составилемъ перемѣни, зъ якихъ бы дѣлать всякую амплифѣкацію и оніе въ книгу уписалемъ, которихъ числомъ 29. Родитель зъ Бубновъ, где коммунѣковался, повернулся въ Роменъ. Якову далемъ кунтишъ свой старий, легкій, мастю рудий. Демянъ на допросѣ давнемъ подписался. Указъ зъ колегіи, на імя мое написанній, врученъ мнѣ, о томъ, что лубенского полку два чловѣка, гусаръ и другій роменскій чили глинскій, освобожени зъ подъ караулу, по указу ея величества, а ихъ бы пустить тутъ, взявъ поруки по формѣ, которую прислано при томъ же указѣ сюда. Федоръ Ивановичъ Протасіевъ у С.П.Бурсѣ померъ, по причастіи, якъ сѣлъ книгу честь и будто кинуло его заразъ и духъ вонъ.

26. Пятокъ. Слово о страданіяхъ Христовихъ слагалемъ Родитель на око лѣвое заболѣлъ, которое начало кграти. Гаврило

пріехалъ зъ Нѣжина, а привезлъ соку лимоніового бѣлого и чорного по барилцю, тютюну 8 окъ, имбричокъ малий, соломоняку и цѣни, и на тое розійшлося грошей даннихъ ему 60 зол. и 7 зол его собственнихъ. Онъ же привезлъ писма отвѣтніе отъ п. полковниковой нѣжинской и п. Якова швакгра, поехавшого въ Чернѣговъ.

27. Субота велик. Слово вчора компонованое докончилось. Коммунѣковался. Алексѣеви кунтишъ темнозелений, а Гаврилови кафанъ старий, штофовій далемъ. Тарасъ повернулся зъ Лубенъ и привюзъ лѣкарства зъ аптеки, 6 штукъ, и за оніе належитъ въ аптеку заплатить 3 рублѣ и копѣекъ 93. Зъ Глухова прибѣгъ коберникъ зъ писмами Бяловского и господара, въ которихъ обявляетъ, чтобъ прислано зъ дому родителского денегъ въ коллегію 500 р., будто неслушне забратихъ Завратинскимъ, Леонтіемъ и Занковскимъ, за що и взятъ бувъ за караулъ господаръ, але на поруки отпущенъ. Грошей на всякіе росходи Вѣжевскому далемъ 40 зол., да лихихъ придалъ къ тимъ Мартинъ болшъ 10 зол. Пилипови далемъ грошей 2 зол. а бондарямъ, робившимъ барила. чтиромъ, по золотому. Въ Сорочинцѣ посиланній козакъ повернулся зъ отвѣтами къ прокурору и мнѣ отъ полковниченковъ миргородскихъ до родителки и пана Михайла Скоропадского, отъ п. полковниковой миргородской, до его жъ отъ невѣсти его. Караулъ знятъ зъ двора Полуботкового.

28. Неделя. Воскресеніе. Зъ поздравленіемъ къ родителю и ко мнѣ приходили панове старшина полковая. Обѣдалисмо и домашніи всѣ, сожители честнѣйшіи, въ столу сидѣли.

29. Понеделокъ свѣт. Духовенство и старшина здешняя и всѣ значковіе, и мѣщане кушали у насъ и подпіяхомъ. Нестеровичъ у мене просидѣлъ до вечерни, а по вечерни уснулъ. Отъ п. Минѣцкого получилемъ листъ зъ поздравленіемъ.

30. Вовторокъ свѣт. Заборовскій Федоръ, зъ своею сожительницею, приехалъ сюда зъ повѣншованнемъ. Отъ п. Андрея швакгра писмо принесенно, въ которомъ о своемъ пріездѣ сюда, на фоминой неделѣ мѣючомъ быти, и о протчемъ повоженню своемъ, въ переездѣ своемъ черезъ Глуховъ и въ Чернѣговѣ, обявляетъ. Во-

нѣтовалемъ тяжко, но укрипился при вечери, когда отецъ Юс)ъ(?) пріехалъ.

31. Середа. Прапорщикъ Волжинъ, ездившій по сотняхъ за присягами, повернулся въ Роменъ. Леонтій економъ отправленъ въ Глуховъ въ інтересѣ родителскомъ, что 500 р. колегія доправляетъ прежде собраннихъ, по указу сенатскому съ 1723 году, черезъ Володковского принесенному на родителя. Черезъ его писалемъ до ясневелможной, п. судіиной енер. и п. Михайла Скороп. и листи зъ Сорочинецъ къ нему присланніе послалемъ. Гаврило посланъ въ Чернѣговъ, которому на дорогу 2 зол. дано, а черезъ него послани писма до старой тещи и до швакгровъ и вина 4, а водки 3 бутилки. Орановскій поехалъ въ Коровинцѣ и черезъ его до п. Андрѣевой швакгровой посланъ листъ и водки бутилка и вина 2 бутилки. Коберніку киндякъ данъ и полуштаметy на верхъ и грошей копу. Онъ же отправленъ въ Глуховъ и зъ нимъ кущовъ сливъ и черешень 36 и рузокъ на щепи 46 рознихъ, и листъ до господара о рознихъ інтересахъ. Глинскіе гостѣ пріѣхали и зъ нами были на Монастирищу; важилемся и заважилемъ въ сукманахъ, кунтушѣ легкомъ, 5 камень и 3 фунт.

Априль 1 четверъ. Началъ составлять о Воскресеніи Христовомъ повѣсть отъ евангелистовъ разних текстовъ. Зъ колегіи салдатъ зъ указами пріехалъ о продажѣ хлѣба зборного. У п. асаула обѣдалисмо и подпіяхомъ, и зъ Савѣцкимъ въ бесѣдѣ прикрой.

2. Пятниця. Сенецкого сотника допрашовали, что онъ паспорту себѣ данного, не показивалъ. Корсунъ, хоружій, пріехалъ и зъ привѣтомъ бувъ у мене. До отца ігумена мгарского отвѣтное поздоровленне послалемъ. Демко Пиндюренко пріехалъ зъ Глухова и 3 лошатъ пригналъ, и листъ отъ господара вручилъ, въ якомъ пишетъ, что въ ліодъ поставилъ 18 бочокъ пива и меду 2 бочки. На Демянкови казалемъ доправить доводячіеся гроши, болшъ 20 р., опрочъ тютюннихъ, якихъ всѣхъ будетъ около 7 р.

3. Субота. Плетюнчиха пріехала зъ Сухоносовки и привезла зъ собою полотна 3 сувои да плахотъ 4, и обявляла, что 40 коровъ дойнихъ у футорѣ. Яковъ отобралъ у Демянця облѣкъ на

24 р. и сказку о тютюнѣ. Яковъ поехалъ въ Смѣлое женитись на дочцѣ Кгресевой Микитисѣ, за которимъ до отца Самсона, городничого, писалемъ. За лѣкарства въ аптеку казалемъ Тарасови дать грошей 3 р. и 93 копѣйки; ему жъ ехать въ Сухоносовку, Кривую Руду и Перервинцѣ казалемъ и до управленяся нѣсколконадцять пунктовъ въ наказѣ далемъ. Прапорщикъ Волжинъ обѣдалъ у насъ и отехалъ въ Глуховъ, которому за интересъ высокій, за которимъ ездилъ, въ честь лошадь родитель подарилъ. Обозній Шаргородскій и протчіе попріездили. Атаманъ Калиновскій при Данилу Савуску и Остапу Бондарусю прийшовши, подалъ мнѣ суплѣку—вовся своего сина отдаючи мнѣ карлика.

4. Неделя. Лубенскій атаманъ бувъ у мене зъ привѣтомъ и протчіе. Обѣдали старшина у насъ вся, и подпіяхомъ. Тарасу всѣхъ грошей далемъ 50 зол. да два рубліовика сцѣлнихъ и габи 2 штучки, манталѣрамъ по габѣ и по 5 зол. Да съ сихъ же грошей заплатить въ аптеку, да еще, на що потребно будетъ, старостѣ Сухоносовскому.

5. Понеделокъ. Каретку господара Яснопольского, черезъ Демка Пиндюренка, послалемъ въ Глуховъ и листъ къ ему жъ писанний. Черезъ его жъ и до господара писалемъ о разнихъ пунктахъ да при томъ же и новий указъ ему выписалемъ, чтобъ онъ понеделно мене о пунктахъ, даннихъ ему въ наказѣ, репортовалъ, якіе исполнени и якіе ни, и чего ради. Старшина обѣдали приватно, всѣ зде. Старшина чорнуская писали до родителя о Янковскомъ, что онъ бранилъ матерно родителя и мене, и въ томъ приговорили старшина наказаніе учинить по артикуламъ. Ездилемъ зъ братомъ п. Семеномъ на Засулле и зайцѣ травили. П. Павловая лохвицкая пріехала зъ Лохвицѣ. Зъ Кіева отъ братовъ и Кивачицкого получилемъ писма повѣншователніе настоящого праздника. Хлопецъ родителскій Андрѣецъ признался у столу, что грошей 7 зол. винялъ зъ скринки родителской потаемнимъ способомъ. Зъ колегіи салдатъ присланъ въ полкъ лубенскій доправить на родителю, въ колегію, денегъ 300 рублей и щось еще, будто отобраннихъ у зборщиковъ и за 240 пуд. тютюну.

6. Вовтор. Днѣстрови казалемъ дать и дано рубля. Обѣдалисмо у сотника наказного Савуска и передъ вечоромъ розійшлись. П. Павлова у насъ ночовала. Зъ Сумъ отъ п. Андрѣевой писма ответніе и отъ п. Антоновой поприходили, зъ подякованнемъ за обсилку.

6. Середа. Схимникъ зъ монастира Рихловского пріехалъ милостини ради и обѣдалъ у насъ. Скосиръ, атаманъ чигириндубровскій, на своего сотника ускаржался и доносилъ о 4 селахъ називаючихся Кагамликахъ, имъ сотникомъ владѣемихъ, и 6000 зол. ратушнихъ, въ его дому незнатъ где дѣвшихся. Леонтій зъ Глухова писалъ до родителя о інтересѣ, за которимъ посланъ, ознаймуючи, что початокъ добрій, и что стрѣтилъ прокурора и п. Михайла Скоропадского, поехавшихъ въ Сорочинцѣ, на веселле ему, п. Михайлу, зъ Параскевіею, дочерію п. полковника миргородского, мѣючее чинитися. Отъ сотника вепрецкого и Балясного принесенъ листъ, въ якомъ обявляетъ, что они въ Хоролъ пріехали розискивать въ заводѣ хоролціовъ зъ футорянами нашими и чтобъ туда, на розискъ, въ присутствіе отсюду родитель отъ себе кого послалъ, до которихъ отписано, чтобъ имъ въ Лубнѣ зехать и тутъ дѣлать тотъ розискъ надлежащимъ порадкомъ. Отъ брата п. Андрѣя слуга пріехалъ зъ листами къ родителямъ и ко мнѣ, въ якимъ листѣ пишетъ, что господинъ брегадиръ за отосланніе собаки къ нему, благодаренъ и писалъ о томъ листъ зъ подякованнемъ. Родитель ездилъ на Засулле до пасѣки, а у мене по вечернѣ старшина были и просидѣли нѣкоторое время. Присланъ указъ зъ вой. енер. канцелляріи до родителя, предлагаючій, жебы присланна была зъ полку лубенского вѣдомость—въ поготовости козаки въ Гилянъ обрѣтаются ли.

8. Четверъ. Ездилемъ у пасѣку засулскую, где и своей пчоли видѣлемъ 27. У лазнѣ былемъ, а родители ездили за Сулу и забавились допозна Роману молодику отъ службы отказалемъ. Да татаринъ, при дворѣ тутъ бывшій, поехалъ зъ схимъникомъ въ Рихловскій монастиръ зъ таковимъ обявленіемъ и намѣреніемъ тожъ ему быть тамъ монахомъ.

9. Пятокъ. Пасѣчника хмѣловского уговорили до моей пасѣки за 6 копъ и свиту. Столповскій приходилъ просить на зав-

трейшій день къ себѣ на веселле. Зъ Глухова листи принесени до родителя о томъ, что непремѣнно требуютъ зъ колегіи въ оную заплатить близко 500 р. Гаврило пріехалъ зъ Чернѣгова зъ листами отъ швакгровъ и ланцужокъ у 40 червонихъ нашъ, въ арештѣ бывший, привезлъ, и обявилъ, что караулъ зъ двора Черниговского (т. е. Полуботка) знятъ у суботу страстную, прошедшого марта 27. Табулу составилемъ коней еждалихъ.

10. Субота. Скарга отъ п. Нестеровича показалась на Архипа Леска кухара, и Дениса шинкара, что они нѣякуюсь женщину били жестоко, которіе за то посажени теперъ въ турму. Обѣдалисмо у отца протопопи Савѣцкого, где веселле Столповского началось. Отъ госцодара Василя принесенъ листъ подъ датою 8 апр., въ якомъ ознаймуетъ, что отъ тютюнника калюжновского отобралъ тютюну и зложилъ подъ шопію папушъ 12939, а въ нихъ ваги будто каменей 285, а выходитъ въ камень по рахубѣ 460 папушъ и 171 папушъ лишніе. Да въ томъ же листѣ и допросъ Юрченка виразилъ, что Демянъ продалъ горѣлки 20 вѣдерокъ, оковитой, у Сулаку по 4 р., якая тамъ тогда продавалась по полъ 6 р.

11. Неделя. Нижникъ Василь, пріехавши зъ Сухоносовки и Чернухъ, сказовалъ, что атаманъ чорнускій у Каната въ селѣ Сухоносовцѣ сторговалъ на мене садъ его за 60 зол. Онъ же говорилъ, что старостиха бившая лучанская Гарпина Опанасиха прошлой суботи 3 апр., зъ допущенія Божого, учинилась бѣсноватою. На веселлю Столповского былисмо, которій понялъ въ малженство себѣ дочь небожчика Григорія Манжоса.

12. Понеделокъ. Лѣкарство pulverem purgantem mij и gran нѣсколко принялемъ и доволную ляксацію имѣлемъ. Отъ атамана чорнуского Звѣраки писмо принесено, черезъ козака тамошнего Григорія Николаева Лисянского, въ которомъ сбявляетъ, что сторговалъ у Каната садъ намъ за 60 зол. Пересмотрувалемъ книгъ которихъ въ дорогу вибралемъ числомъ 50, а имъ реестрикъ составленъ есть. П. Демяновая журавская [1]) пріехала. Архипъ, шинкаръ

[1]) Жена Демьяна Якубовича, жившаго въ м. Журавкѣ.

Денисъ и Леско кухаръ наказани кіями за свою предерзость. Пасѣчника другого уговорили за тую жъ цену, 6 копъ и свиту, и задатку дали копу.

13. Вовтор. Кровъ зъ головной жили правой руки пустилемъ. Черезъ того жъ чорнуского козака до Звѣраки отписалемъ, жеби на садъ тотъ купчую прислалъ мнѣ, а на задатокъ послалемъ къ нему 20 зол., а 30—жеби староста сухоносовскій доплатилъ. Орановскій по справкѣ зъ Денисомъ, шинкаремъ тутейшимъ роменскимъ, росписку ему далъ и отъ его таковую жъ взялъ, что онъ виноватъ мнѣ еще зостаетъ 296 зол. и шостакъ, опрочъ двохъ варовъ пива теперъ ему пущеннихъ у 60 зол.

14. Середа. Родитель поехалъ на футорѣ для осмотру господарства. Орановскій по справкѣ зъ Ілкомъ Важниченкомъ показалъ тое, что онъ взялъ грошей на покупку тютюну и табаки, рознимъ часомъ, 509, а отвернувши 15 зол., вагового, еще на ему остается грошей 19 зол., а тютюну куплено каменей, „—“, а табаки каменей „—“. Орановскому даровалемъ пару коней бѣлихъ, которими бивало онъ ездитъ. Взялемъ у самой грошей еще 50 зол., въ дорогу. Дрикганта бѣлого оставилемъ оъ Ромнѣ, чтоби билъ схолощанъ. Родителка образокъ Хреста Господняго и Пресвятой Богородици даровала мнѣ. Передъ вечоромъ виехалемъ зъ Ромна къ Глухову, а пойшло со мною коней 12. Пріехалемъ у Смѣлее позно, и билемъ въ господѣ Якова Дуброви, которій теперъ понялъ себѣ за жену вдову доб.(родія?) Григорія Кгреся. Извѣстилемся, что вчорайшого дня переехалъ прокуроръ и п. Скоропадскій зъ своею женою черезъ Смѣлее. Въ Ромнѣ еще отправилемъ до п. Семена 3 прошки purgantum sudorifenum et cordialem albam, зъ информацѣею, якъ ихъ заживать, а въ Ромнѣ оставилемъ два родителцѣ purgan. et cord. alb. Тресцѣ зась, на кольку хорующому, оставилемъ spermaceti. Зъ Ромна ѣдучи, близъ Процювки зъ отцемъ Савѣцкимъ застановилемся и дещо розговорувалося.

15. Четверъ. Дощъ, якъ началъ зъ ночи ити, то до полудня ишолъ хорошій. Стрелцямъ тромъ наготовитись въ дорогу, а не чтиромъ, казалемъ Якову. Поехалемъ зъ Смѣлого и пріехалемъ

ryszpołskim od jego mości pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpolskiego, woytem Jacutą Tereszkowiczem woytem Baryszpołskym j burmistrami zesłanemi do domu nieboszczyka Jarmoły dlia rozdziału maiętnosci pozostałej po niem iż synem jego Harasymem a pasynkem jego j żony, tamże stałasię ugoda y rozdział po dobry woli według testamentu niebożczykowskiego, żonie moiey Iewchymce Iarmolyncy wołow 4, korow dwie, owiec dziesięcioro, konj troie, zbożia, co u gumnie żyta stogow dwa, owsa stog ieden; a co na zime zasiwek iest, to maią zebrawszy po połowicy podzielic maią; j polia co iest męża iey pierwszego rozrobku, przy nij ma zostac, aż do smierci, iako swego własnego, wolno iey przedac darowac komu iey dobra wolia, do ktorego polia syn iego Harasym, ani opiekun jego Iewdak żadny mocy j pozywac o to niema wiecznemi czasy. A co się tyczy domu, w ktorym mieszkac ma żona iego Iarmolina do smierci, ogrodow j sadu, ma używac; a po smierci ma tę dom zostac przy synu jego Harasymu, jako przy oyczyczu, niewolno iey przedac. A co iesliby syn niebożczykowsky Harasym, tak y opiekun jego Iewdak miał oney Jarmołynie iake trudnosci czynic albo sromocic j na dom nachodzic, tedy z nich oboch ktoryby się tego ważył zaręky kop dwadziescia ma zapłacic na pana woiewodę, a na pana woyta kop 3. O co prosila Jarmolina urzędu zamkowego j miejskiego, aby ta ich dobrowolna ugoda byla do x(iąg) mejskich była zapisana, co iest zapisano j przyięto wiecznemi czasy.

50.

Второй раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ярмолы и ея пасынкомъ.

Anno d(ei) 1640, marca 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j meyskim, a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkewiczem namiesnikiem Baryszpołskym od jego mosci pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpołskiego j Baryszewskiego starosty j woytem Jacutą Tereszkowiczem Barysz-

połskim j burmistrami zesłanemi do domu niebożczyka Jarmoły, dla rozdziału maiętnosci pozostałey po niem, j z maczochą swą a pasynkem iey Harasymem, synem niebożczyka Jarmoły, i tamże stała się ugoda dobrowolna z obustron według testamentu niebożczykowskiego, naprzod synowi memu Harasymu klacza iz łoszakiem wrona j łoszak, wołow 4, krow dwie, mołodykow dwa, ozymkow dwa y byczek trzeci, owiec dziesięcioro, żyta stogow dwa a owsa stog, a zasiwek na zimie po połowicy jz maczochą maią podzielic; a co iest pola oyca iego rozrobku to synowi memu, a ij polie przy niey ma zostac; a gdy wynidzie z opieki od swego strzyia Iewdaka co z nim pobrał do siebie z reiestru, jako opiekun oddac od mała y do wielia, towar y owce, fanty y co wymłoci zbożie, co zostanie. okrom tego, iesliby zwir j ziadł, albo zdechło, o co prosili, aby to było do x(iąg) zapisano wiecznemi czasy, dom ze wszystkjm posmierci maczochy iego Jarmoliney jako się ma z grodem iz sadem j co iest do niego ma przy tym zostac iako oyczyczu własnym, a maczocha jego Jarmolina żadney sprawy do swego pasynka y do Iewdaka nie miec j pozywac do żadnego prawa, ani się sromocic pod zaręką kop 20 lit. na pana woiewode. Co iest zapisano wiecznemi czasy, co iest zapisano.

51.

Раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ивана Туцкаго Федорой и пасынкомъ ея Радькомъ.

1640, месеца марца 20 дня.

Перед нами врядом мѣским, передо мною Яцутою Терешковичом войтом Барышполским и бурмистрами зополною лавою в ратушу засѣлыми, ставши очевисто жона небожчика Ивана Туцъкого, Федора ис па(сы)нком своим Радком, сыном Туцкого мужа ее, сами доброволне признали ку запису до книг в тые слова: иж мы, пане вряде, погодилисмо ся з (о)бох рукъ межи собою, што ся зостало убозства по небожчику мужу моем Ивану; наперед мнѣ, жонѣ его

зосталося, кляча и вол, бычок тритяк, овец двое, свиней двое, поля половицу, сад, ведлуг шацунку людей добрых Ярмака и Степана, которые нас погодили з обох рукъ поприятелску; сплатил минѣ пасинокъ Радко пол осма копы грошей литовских, а Радкови сынови его, а пасынку моему зосталося конь и вол, овецъ двое, свиня одна, поля половица. И признаваемо обоя сторона же юж я сама, анѣ приятели мои жадний близкий и далекий до того Радка пасинка своего жадное потребы вѣчными часы не буду мѣти и позывати до жадного права, такъже и пасинок мой жадное справы до мене не мает мѣти, такъже и позывати под зарукою на вряд з обох сторонъ три копы грошей мает заплатити. Якож и просили обѣ сторонѣ, абы тая их угода была до книг записа(на), што ест записано вѣчными часы.

52.

Надѣленіе имуществомъ пріемыша Игната.

Anno D(ei) 1640. decembra dnia 12.

Przed nami urzędem miejskym stanąwszy oczewisto, Werną woytem y burmistrami Baryszpolskiemi na imie Kyryk Andryszkowicz jz Ihnatem, ktory był u nich od zrostu lat zmała, tedy co na tego Ihnata przychodziło od matki moiey przez te lata dosyc onemu się stało, napirwy owiec pięcoro, swiny dwoie, znowu podswinka, woła, pszenicy połmirky, żyta połtory osmaczky, żyta kop dwie, prosa połosmaczky, hreczky połosmaczky, owsa miech nabrał na nasienie niewim co było. A tedy teraz ten Ihnat po tym rozdziele z Kyrykiem żadnego prawa Ihnat niema popirac ani go pozywac wiecznemi czasy; że sie onemu dosyc stało pod zaręką kop 3 na zamek, a na woyta kopa, iesliby Ihnat miał turbowac Kyryka. O co prosili obie stronie aby to było, to ich dobrowolne zeznanie do x(iąg) zapisano, co iest zapisano wiecznie.

53.

Борисполськiй мѣщанинъ Гаврило Рудый продалъ хуторъ Алексѣю, зятю Збуца.

Anno D(ei) 1641, 10 brys 17.

Przedemną Werną woytem j burmistrami w ratuszu, stanąwszy oczewisto Hawryło Rudy mieszczanin nasz Baryszpolsky zeznał dobrowołnie; iż przedał dom swoy własny na futore podlie Lewczychy Krywoy Oleksiowi zięciowi Zbucowemu za kop trzy lytewskjch wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego y potomkow swych y przyiacioł wiecznemi czasy. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano j przyięto.

54.

Выдѣлъ имущества свекровью вдовѣ сына Ульянѣ Кульбаченковой

Die 24 maij, anno 1642.

Stawszy oczewisto Uliana Kulbaczenka iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznała tymi słowy, że po smierci niebożczyka męża swego na imie Demiana Nesenenka wzięła od matki iego klaczę wroną z łoszem, wołow dwa gniadego y siadego, krowę gniadą z cielem y nazemka letoszniego, owiec pięcioro, swiny dwoie, paszni wszelakiey młocony y niemłocony trzecią część, pola do wzrostu dzieci trzeciąż część, co ony Ulianie Kulbaczance od matki niebożczykowskiey we wszystkiem dosyc sie stało, do ktory wiecznymi czasy sama ona y żaden z powinnych iey sprawy miec nie maią y nie będą powinni. Co dla lepszey wiary do xiąg iest zapisano.

55.

Постановленіе о пыткѣ вора Сергѣя Ивановича, укравшаго разныя вещи у Евсѣя Даниленка и Павла Хромаго.

Die 8 augusti, anno 1643.

Przedemną Mikołajem Matiszkiewicem na ten czas będącym namiesnikiem Baryspolskim od iego mosci pana **Bartłomieia Iarun-**

towskiego, starosty Baryspolskiego y Bariszowskiego, y przy mnie siedzącym woytu Wernie Serhieienke z burmistrami jednostaynie zasiadłymi Iwanie Szulżenku, Tereszku Krokuszenku, Pawłu Hryszczenku, Misku Kramarcu y Wasku Bezborodku, w ratuszu Bariszpolskim stawszy oczewisto Iewsiey Danilenko uskarżał się y żałosne czynił opowiadanie na Serhieia Iwanowicza tymi słowy: że, panie urzędzie, czasu niedawnego mianowicie we czwartek, bylismy na żniwach, gdzie ten Serhiey ulaszy w chiże z bodni ukradl płacht cztyry, płotna lnianego łokci dwadziescia lantuch y wor; także y Paweł Chromy na tegoż sie Serhieia uskarżał, że on ukradł płacht dwie y zwoiew dwa płotna, pas y swite ktory stawszy sam dobrowolnie, nim na questią był dany, przyznał, że onego to iest sprawą y do tychże rzeczy przyznał. My tedy urząd wysłuchawszy obudwu stron tak powodowey, iako y obwinioney a zabiegaiąc większemu swawolenstwu y złosci iczyneniu, przychilaiąc sie do prawa pospolitego surowo artikułem na takich opisanego tymi słowy: „Iawne złodzieystwo, gdy złodziei na złodzieystwie, albo na onym mieystcu, gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc.; taiemne, gdy zlodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym mieystcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai, albo gdy za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało". Iawne złodzieie wedle prawa cessarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzionych czworako, taiemni-dwoiako, a iesliby nie miał czym nagrodzic, tedy go zaprzedawano; ałe wedle prawa saskiego maideburskiego złodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym decretem naszym, żeby był na questią wzięty, do lepszego sie znania owych rzeczy; a potym żeby według zasługi zapłatę odniosł.

56.

Палажка Гордѣева Заченшха отдаетъ свой домъ Ивану Чорнышу за долгъ въ 19 злотыхъ.

Die 18 januarii, anno 1644.

Pałażka Hordieiewa, żona Zaczepina, będąc chorą przyznała, że Iwanowi Czarnyszewi za dwie czetwertinie winna złotych dzie-

więtnascie, w ktorym długu dom swoy ze wszystkim Czarnyszewi podaie wiecznymi czasy, oddalaiąc samą siebie, męża, potomkow powinnych y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Czornysz ma używac y wolno mu dac, darowac, przedac y iako chciec obracac, iako swoie własne. Przyczym był Iwan Szulżenko, Paweł Hriszczenko, Misko Piasoczynsky.

57.

Прожейчиха продала двѣ нивы Павлу, зятю Оксамитнаго.

Die 23 junii, anno 1644.

Stawszy oczewisto Kondraticha Prożeiczycha jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznała tymi słowy: że przedała niw dwie swoich własnych nikomu, ni w czym, nie pennych y nie zawiedzionych, leżącą podla niwy Szyckiego a drugą podla niwy Iwano(wy) Przyimy, Pawłowi Oxamitowemu zięciu za złt połiedynasta wiecznymi czasy, oddalaiąc samą siebie, potomkow y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Paweł ma używac y wolno mu dac, darowac, przedac y iako chciec obracac, iako swymi wlasnymi.

58.

Панъ Спльвестръ Высоцкій продалъ свою клуню священнику Никольской церкви Корнилію.

Року 1644, месеца октября дня 4.

На врадѣ нашем мѣскомъ в ратушу Барышпольском, передомною Харкомъ Курандою, войтом Барышполским, и при мнѣ заедно засѣлими буръмистрами Мыскомъ Ходорковъскимъ и Савъкою Захарченъкомъ и Грыцъкомъ Малышенъкомъ, Иваном Тимошенъкомъ, становшы очевисто на врядѣ панъ Селывейстеръ Высоцкій, ижъ продалъ клуню свою отцу Корнилию священику Никольскому на

вѣчност за золотих десятъ; тоди обидвѣ особы просилы нас уряду нашего абы то было для лѣпшое вѣри записано до книгъ мѣских, що теж ест записано року и дня вышменованого.

59.

Священникъ Корнилій продалъ свой дворъ съ огородомъ пану Яцку Терещенку.

Року 1644, месеца октобра дня 4.

На врядѣ нашем мѣйском в ратушу Баришполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Баришполскимъ и при мнѣ засѣлими бурмистрами Миском Ходорковъским, и Савъкою Захаръченкомъ, и Грицкомъ Малишенком, и Иваномъ Тимошенъком, становъше очевисто на врадѣ нашем отецъ Корнилий священикъ святаго отца Миколая, ижъ продал двуръ свой з огородомъ об межу Пархома и об межу резника Никити, за копъ дванадцат лѣчъбы литовъской пану Яцку Терешченъку на вѣчност ему и жонѣ его и потомкомъ. Теды просили нас уряду нашего абы то было записано до книг мѣскихъ, що теды записано року и дня вышменованого.

60.

Цехмистръ рѣзницкій Игнатъ жалуется на свата своего Якима Никоненка за то, что послѣдній переманилъ его сына, а своего зятя къ себѣ на жительство.

Року 1644, месеца октобра дня 23.

На врадѣ мѣйском в ратушу Барышполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Баришполским и при мнѣ заедно засѣлыми буръмистрами Савъкою Захарченъкомъ и Мыскомъ Ходорковъскимъ и Грицъкомъ Малышенком, становши очевисто панъ Игнатъ, цехмистръ резницкий, прекладал скаргу пред нами на свата своего Якима Никоненка в той материи, же тот помененый Ныконенко сына

вышменованого цехмистра отмовил былъ на мешкане до себе без вѣдомости отцевъскои, о чомъ была мова о всѣмъ томъ на врадѣ нашом. Теды помененый Игнат просил нас уряду нашего, абы була зарука заложена межи нимъ и сином его, абы не мешкалъ у тестя помененый сынъ Игнатынъ, що еслибы ся важилы а его на мешканя мѣлы бы приняты, закладаем на ных вини на пана полковъника золотыхъ сто а до ратуша копъ десят. Дѣялося въ ратушу року и дня вышменованого.

61.

Приговоръ по жалобѣ Гаврила Глищенка изъ Иванькова на Процика Шващенка за кражу 6-ти овецъ изъ хлѣва.

Die 25 februarij, anno 1645.

Przedemną Nikiforem Bukatą na tenczas będącym namiesnikiem Baryszpolskim od jego mosci pana **Bartłomieia Iaruntowskiego**, starosty Baryszpolskiego y Bariszowskiego, y przymnie siedzącym wrzędu mieyskim Jacute Tereszkowiczu z burmistrami w ratuszu Bariszpolskim iednostaynie zasiadłymi z Steckiem cieslą, Waskem Beliłowcem, Fedorom piwowarem, Hrickiem Linnikiem, Sidorem Bezborodkiem, Pawłem Mołoczaiem y Stefanem Homonem, postanowiwszy sie oczewisto, Hawryło Gliszenko z Iwankowa[1]) uskarżał sie y żałosne czynił opowiadanie na Procika Szwaczczenka tymi słowy: że, panie urzędzie, tij iesieni przeszłey poiechałem do Hłybokiego na wesele do Hołubniczego, ten Procik Szwaczczenko przepomniawszy boiazni Bożey y niemiłosierdny sąd iego, smiał y ważył sie z obory moiey owiec szescioro ukrasć. Kazalismy tedy onemu wyszrzeczonemu Procikowi przed urząd nasz stanąc, ktory oblicznie dobrowolnie sam pryznał tymi słowy: ze panie wrzędzie, wstałem poranu y chciałem iechac do Woronkowa dla kupienia kadłuba na kapuste, obacze w swym domu szescioro owiec, ktore zaiąwszy odegnałem do Wornkowa y przedałem rzeznikowi, nie wiem na imie

[1]) Иваньковъ—селеніе переяслав у. бориспольской вол.

iak go zwano za złotych osm. Gdy tedy urząd wysłuchawszy obudwuch stron, tak powodowey, iako y obwinioney, a dobrze to w siebie uważywszy zabiegaiąc, aby się taka złosc nie mnożyła y nie szyrzyła, przychilaiąc do prawa pospolitego artykułem surowo na takich opisanego temi słowy: „złodzieystwo iest dwoiakie: jawne y taiemne; iawne, gdy złodziey na złodziestwie, albo na onym mieystcu gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc,; taiemne. gdy złodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym miestcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai albo za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało"; iawni zlodzieie wedle prawa cesarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzioney czworako, taiemni—dwoiako, tez wedle prawa Bożego w starym zakonie nagrodzeniem rzeczy kradzioney dwoiako, pięciorako y siedmiorako. A iesliby niemiał czym nagrodzic, tedy go zaprzedawano. Ale wedle prawa saskiego maydeborskiego złodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym dekretem naszym żeby według zasługi swey, zapłatę odniosł.

62.

Приговоръ надъ Иваномъ Шепелемъ за кражу разныхъ вещей изъ коморы Миска Курилепка.

Die 18 decembris, anno 1645.

Przytoczyłasię sprawa w miescie Baryszpolu o wykradzenie komory w miescie Miskowy Kurylenkowy, gdzie czyniąc kweres y szukanie tych pokradzionych rzeczy, znalezli u Iwana Szepela skury barannie, s ktorych słusznego dowodu żadnego nie dał y siedząc w więzieniu przefałki na gromade czynił paleniem domow y inszymi rożnymi przefałkami; a tak siła szkod gromadzie. Dla czego za(po)biegaiąc gromada takiemu swawolenstwu szkod czynieniu, y Bogu brzydkiemu uczynkowi, nakazali dekretem, żeby ten Iwan Szepel był na questią wzięty, a potym ażeby zapłatę według zasługi odniosł, ponieważ iuż do kilka razy przeswiedczony.

63.

Яцко, Демковъ братъ, заявляетъ, что онъ получилъ обратно приданое, данное за дочерью Приською при выходѣ ея въ замужество за умершаго Хальченка.

Die 20 maij, anno 1647.

Stawszy oczewisto Iacko, Demkow brat, jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisania do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy, że co był dał córce swoiey Prośce za syna Chalkowa, tedy znowu to nazad odebrał od bratow niebożczyka Iowa Chalczenka, to iest krowę z nazimkiem y woła, owiec szescioro, swiny dwoie, ktorych wiecznymi czasy wolnymi czyni, nie zostawuiąc żadnego prawa sobie y pokrewnym swoim; co dla lepszey pamięci iest do xiąg zapisano.

64.

Тимошъ Саченко продалъ свою ниву Ивашку Товстолону.

Die 8 julij, annn 1648.

Stawszy oczewisto Timosz Saczenko iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy: żem, powiada, przedał niwę własną, nikomu niczym nie penną y nie zawiedzioną, leżącą podla niwy Artema Durnieja, Iwaszkowi Towstołopowi za złotych dziewiec y groszy połosma wiecznymi czasy, ma używac ten Iwaszko, wolno mu ią dac komu chciec, predac y gdzie-kolwiek obrocic, iako swoią. Co dla lepszey pamięci iest do xiąg ratusza Bariszpolskiego zapisano.

65.

Петръ, Сухваловъ зять, продалъ дворъ и поле Ивану Колаченку.

Roku 1649, miesiąca marta 30 dnia.

Stawszy oczewisto Piotr Suchwalow ziat' przede mną Awierkiem Wierną woytem Baryszpolskim y burmistry Hryckom Linnikom y Ias-

iem y Daniłom Statczenkom, na ymie **Antonem Harasimenkiem** sotnikom woyska iego korol mci zaporozkiego yz towaristwom swym [1]), yżem przedałem dwor ze wsim budynkiem ys polem, na ulicy Hrytkowey, z odnoy storony stoiaczy Sidora Szyszęka y Kukała Iwana, z drugiey strony stoiaczy na ymie Iwan Kołaczenko; pomieniony ten dwor Piotra Suchwałowa ziatia za kop 5 liczby litowskiey wiecznemi czasy, nikt do tego dwora niema przystempu, okrom tego Iwana Kołaczęka; a ieżeliby w kogo pola więcey tego Piotra poczuł, to y toie pole Iwanu ma byc, y nikto niema turbowac; ktorego dworu y pola zeznałem y zapisałem do xiąg mieskich tuteyszych Baryszpolskich.

66.

Яцько Горбань продалъ свой домъ мѣщанину Сидору Москаленку.

Roku 1650, miesiąca marca 30 dnia.

Przed nami urzędem mieskim Baryszpolskim, przedo mnoiu Ioskom Andrzeiowiczom woytom Baryszpolskim y przy mnie będącymi burmistrami y raicami iednostainie zasiedłymi w ratuszu Baryszpolskim, postanowiwszy się oczewisto Iacko Horban iasnie y dobrowolnie ku zapisaniu do knih mieskich Bariszpolskich przyznał tymi słowy: iż dey przedał iesmi dom swoy własny, nikomu ni w czom nie pennyi y niezawiedziony, leżący na Karpiłoku, ydący na Karpiłowkę z iedney strony Nikoła szewca, stoiący przeciwko czobotarni Honczara kozaka, dom zo wsim budynkiem Sidorowi Moskalenkowi, mieszczaninowi Baryspolskiemu, za cop cztyrnascie liczby lit., do ktorego domu wyszmianowanego Iacko Horban nie maie mieti żadney potrzeby, ani on sam. ani żona, ani dzieci iego, niema miec potrzeby ani z krewnych żaden iego wiecznymi czasy, tylko ten wyszpomienieny Sidor tot dwor prodati, darowac y iako chciec obracac na pożytek swoy. O co prosili nas wradu mieskaho wyszpomienionego, osobie wyszpomienione; te przyznanie Iackowo do xiąg

[1]) Въ первый разъ упоминается въ актахъ сотникъ борисопольскій Антонъ Герасименко, записанный въ реестръ (стр. 230).

mieskich Baryspolskich, było zapisano; co my widząc recz słnszną y oczewistą, przyznanie Iackowo Gorbaniowo kazali do xiąg mieskich Baryspolskich zapisac — co i est zapisano y przyniato.

67.

Гнѣдинскій козакъ Андрей Ващенко и Костюкъ Залозненко подѣлили между собою имущество, оставшееся, послѣ смерти жены Залозненка, а Ващенка свояченицы.

Anno 1651, die 8 februaryi

Stanowszy przede mną Iosifem Andrzeiewiczem woytem y przy iednostainie zasiełymi burmistry Andrzey Waszczęko kozak Hniedinski, woyska jego kr. mosci zaporozkiego y Kostuk Załoznęko, że tego Andrzeia wvszmianowanego żeny był, za tym Zołoznienkiem siostra rodna; tedy tego Załoznięka żona zeszła z tego swiata, a po niey zostało się dziecie w pieluszkach; tedy co się zostało po tey sławney pamięci iey niebożczycy, iey przyniesienia, tedy podzielilisię Andrzey z Załozniękiem od mała do welika, ieden drugiemu dosic uczynili y nie maią ieden drugiemu od tego czasu niiakiey przeszkody czynic y turbacyi promiezku sobą podnosic. Co obie strony stanowszy przede nami urzędem mieskim w ratuszu, prosili nas, abyśmo ich ugodę, y podział ich, do xiąg mieskich tuteyszych zapisali — co y zapisali y pryniali. — Działo się w ratuszu naszym Baryspolskim, anno dom et ut supra.

68.

Заявленіе Фенны Грицихы, что Ярема напрасно обвинялъ ее въ кражѣ пояса, который она купила въ лавкѣ Кіевскаго жителя Ивана Шевченка.

Anno 1652, miesiąca junia dnia 29.

Stanowszy oczewisto przede mną Iesifem Andrzeiowiczem y przy mnie iednostaynie zasiadłymi burmistry Iwanem Dziegciarẹn-

kiem y Iwanem Mohilnym Fenna Hrycycha, yż będąc o niewinnosć swoie od Iaremy o poias, że iey złodzieykoiu uczynił, y za ten pas iey turbował, co ona od kogo ten pas maiąc, nalazła tu w Baryszpolu tego kramarza, toiest Iwana Szewczęka, obywatela Kiiewskiegor tedy co Iarema w niewinnosci iey turbował, tedy za tym pryznaniem wolno prawo iey z nim pociągac y swego dochadzac. Przy tym przyznaniu byli tego Iwana Fedor Siemienowicz, Iwan burmist; Dziegciaręko y mieski pisar Iwan Własowicz, ktorym Iwana y towarzystwo przynano, że Hrycycha toy pas kupiła. Co do rezolucyi większey zapisuie do xiąg mieskich ratusznych.

69.

Обвиненіе Трясчихы и Путятихы въ колдовствѣ (актъ безъ конца).

Anno 1652, miesiąca oktobra 15 dnia.

Przede mną Antonem Harasimękiem sotnikiem y przede mną Sidorem atamanem horodowym woyska jego kr. mci zaporozkiego y przy mnie zasiadłymi wrzędu mieskim, Iiesifa Andrzeiewicza woyta y przy nim zasiadłymi burmistry Iwana Dziegciarenka y Klima Wakulenka, stanowszy iednostainie, iako kozaki także y mieszczanie, że panie urzędzie, że nam krzywda od tych niebożnych y zapamiętałych boiazni Bożey białogłow, od Traszczychi y Putiatichi wielka krzywda dzieie, że nam pogubili oycow, matek, braci, siostry, dziatki, y samim się nam od nich dostała. Prosimy, aby raczyli waszmosc, według swiętey sprawiedliwosci, według ich uczynkow więcei w więzieniu ich nie trzymali, y im według zasługi ich, ym karnosc dali. Przyznanie piersze Charkowo Iakubękowe na Owdieychu Traszczychu: Iak szed iednego czasu na targ, na miasto przed swiętą Pokrową y z nim yszła Traszczycha, y tak on spytał iey: czi wni miescie do Pokrowy mor ? Ona mowiła: nie, y mowiła do niego: wyidź s tego ty konta, gdzie mieszkasz, bo kiedy nie wyidziesz, to wymresz; y na kwestyi będąc, sama tych się slow przy-

znała. Drugie przyznanie Iowsiia Onanki: gdy on w gumnie żyto młocił, przyszła do niego Traszczycha, a on żyto do miecha sypał, ona mowiła do niego: Iowsieiu, weż trzy ziarni z miechu żytne precz, tedy w domu twoim nic złego nie stanie, będą żywy; y miedu y wosku, y mąki prosiła; mied y wosk wzięła a mąki nie wzieła: nie trzeba nam taki mąki, na tuiu recz nie zhoża. Trzecie przyznanie p. arędarza Kiryła Dawydowicza: Owdieicha mowiła do niego, że, panie arendarzu, wyidzi z miasta precz, na Iwankowskuiu ulicu, to będziesz żyw ze wszystką czeladzią; co też y na kwestyi tych słow przyznała się. Gdy było zezłanie urzędowne od p. setnika y od towarzystwa iego, y od pana woyta do niey, do Traszczychi, tedy ona pryznała, ktorych posyłano pred nimi, pred Wasilem Wołoczaiem y pred Pawłem Halasniękiem y przed Matwieiem Szulhoiu dobrowolnie: że, panowie, wezcie wm. Putiatichi, bo ona starszaia nasza iest, że ona dziewkoiu raditca, y w kosach chodit, mołodoiu czynitca, y po dworach chodzi y dwory nadychaie; iak iakii dwor natchnie, to wsi wymrą. Putiaticha, nię będąc na kwestyi, dobrowolnie pryznała, że y Wasilicha popadia, taka, iak ja; y Traszczycha także przyznała, y na winniczkę przyznała, że taka iest y yją Na ostaniu Stepan Traszczychu, że mowiła, że popadiu y Putiatichu y winniczku zgubcie, a nie zgubicie, te gorzei będzie z wami y w ogniu gorząc po dziesięciu raz mowiła, żeby ych aby nie puscili ni iedney....

70.

Раздѣлъ имущества Васька Ляха между сыномъ Сидоромъ, дочерью Хвескою и внукомъ Иваномъ Гаркушей.

Anno 1653, miesiąca januaryi dnia 14.

Iż był podioł przede mną Anto(no)m Harasimękiem setnikiem woyska zaporozkiego y atamanem horodowym Zdanom Krywochiżom [1]),

[1]) Жданъ Кривохижа записанъ въ реестръ Войска Запорожскаго въ бориспольской сотнѣ седьмымъ. См. Реестра, ст. 230.

y przy nas Iiesifem Andrzeiewiczom woytem y przy nim iednostainie zasiadłymi burmistry y Iwanu Dziegciaręku, podział niebożczyka Waska Lacha dobrem z synom Isidorem z siestrą Fieskoiu Kononichoiu, yz chłopcom Iwanom, slepoi synom; tedy sczo było połotien, chust biełych, to na try czasti rozdzielili y kożdego czast doszła, co komu przynależało, żupan Sidoru, siniy płachtu każdego doszli, co na kogo przynależało, y Harkuszy Iwanu dano na sowieść połotna suwoi, płachta za pracu ych co pochował tieło hresznoie, bo sam niebożczyk Wasko odkazał toie Sidoru woł rebyi, slepoi synu woł gniadyi, korowa ryżaia; Fesci klacza gnida, Sidoru połowaia, sołowoi woł y maly byczok swinia iemu, Fiesi swini troie, Iwanu Horkuszy swinia, pradiwo na troie y pasznia wsia na troie. Tedy co my byli na podiełu tym, tedy od mała do wiela każdego doszło, iako bratu, siestre, chłopcu; tedy do tego dobra podziału, że niema żaden pokrewnyi, iako blizki, tak y daleki przystempu miec do nich, y między nimi o toie żadney turbacyi nie maie byc; co każdemu, ktoremu podział stanoł, to y doszed, a ieden drugiemu niema żadnego słowa mowic o te dobre, co sie dzielili miedzy sobą. Co oni s trzech rąk prosili, aby ten był podział ych do xiąg zapisany, co y zapisali my, urząd, dnia wysz (napisanego), anno domini et ut supra.

71.

Пилипъ Кладиноженко[1]) продалъ свой домъ Нечипору Михайленку.

Anno 1653, miesiąca february die 18.

Stanowszy przede mną Iesifem Andrzeiewiczem woytem y przy mnie iednostaynie zasiadłymi burmistry, Iwanem Dziegciarękiem, Pilip Kladinożęko, yż przedał dom swoy własny, nikomu nie pienny, stoiący na ulicy Hruzdowey, wedle Saczka y Bukaty, Nieczyporu Michalęku za kop pięc liczby litew., wolno temu Michalęku ten

---

[1]) Пилипъ Кладиноженко также записанъ въ реестръ. См. стр. 231.

dom przedac, darowac y na cerkiew oddac, y samemu obladac, ani ia Pilip, ani żona moia, ani dzieci, do tego domu nie maią miec przystempu do tego domu, okrom Niczypora. Co obie stronie stanowszy przed nas, wrząd mieski, prosili, aby do xiąg tey kupli domu zapisali, co iest zapisano y przyniato, anno, die et ut supra.

72.

Павелъ Тетеря, полковникъ Переяславскій, для покрытія полковыхъ долговъ продалъ хуторъ подъ Борисполемъ (Пустовскій) козаку Хведору Дубровенку.

Року 1653, месеца июня 25 дня.

Передо мною Иосифом Андриевичем войтом и при мнѣ едностайне засѣлыми бурмистрами Олексием Литовченком, Митком, Грицком Линником, Лаврином Федоровичом, ставшы очевисто Хведор Дубровенко, козакъ войска запорозкого, покладал листъ на футур, купленый у пана полковника Переяславского, писаный тыми словы: „Вѣдомо чиню тым писанемъ нашим, иж за ознайменем сотника Барышполского Пустовскій футор, бывшій Павла Билого в Барышполю, тот теды хутор на поратунокъ долгов полку нашего продалихмо товарышови нашому Хведорови Дубровенку, обывателеви Барышполскому, за готовые грошѣ, за копъ пят литовских, з полем, зо всѣми приналежностями здавна до того хутора належачими, которого без кождого пренагабаня и турбаций спокойным держанем своим мает собѣ того заживати; на што сее писане помененому Хведорови от нас естъ даное. Писан в Переяславлю, 23 июля, 1653, а подпис руки: Павел Тетера, полковник Переяславский. О што нас уряду просил, абы был принят и в книги вписан; кото(ро)госмы казали вписат.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.